

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Л.Ф. Федорова

Тюменский государственный университет, кафедра философии
625003, Тюмень, ул. Переконская, 15а

Получена 25 февраля 1999 г.

This article is devoted to analysis philogenesis and ontogenesis correlations of human being as an metaphysics, worldview problem.

Философская антропология лишь в XX в. начала оформляться в самостоятельную ветвь системы философского знания. Однако проект ее создания, который Макс Шелер представил в начале века в своей работе "Положение человека в космосе", начинает реализовываться лишь в конце века. Заявка на включение человека в систему философского дискурса именно в этот период истории совпадает с пиком развития позитивизма, наложившего табу на употребление категорий, относящихся к феномену субъективно-го, не вписывающегося в так называемую логику развития объективного феноменального мира. И лишь ощущение возможной всемирной катастрофы заставило обратить внимание на человека как на субъекта, не только позитивно формирующего универсум объективаций, но и склонного, по выражению Н. Бердяева, к излишней самообъективации. За последнее время начинает активно формироваться онтологическая гносеология, которая пронизана идеей судьбы человека в создаваемом им мире и судьбы мира в связи с претерпеваемыми природой человека филогенетическими изменениями. Философская антропология становится "модным течением" современной мысли, о чем свидетельствует огромное количество изданий по ее проблематике.

Длительное время проблема становления человека рассматривалась как проблема историческая, а не философско-антропологическая. Априори предполагалось: стоит только вскрыть законы и этапы всемирной истории, как прояснится сущность человека и экзистенциальные этапы его становления. К феномену человека "подбирались" как бы извне вовнутрь, редуцируя становление внутреннего мира к автоэволю-

ции внешнего мира. Философия при этом все более утрачивала целостный и универсальный образ человека, пока усилиями адептов позитивизма и исторического материализма окончательно не вывела его за пределы истористского дискурса.

С бурным развитием философской антропологии остро встает вопрос о создании ее понятийного аппарата, который был бы гносеологически аутентичным ее "проблемному полю". Понятие "исторический процесс", сформированное в рамках объектного подхода к действительности, устраивает философскую антропологию лишь в той мере, в какой она вписывает внешний мир в многомерную человеческую экзистенцию, к нему некорректно сводить "исторические изменения", которые претерпевает внутренний мир человека. Когда философская рефлексия направляется на становление интенционального субъекта, требуются иные понятия, способные фиксировать процесс становления субъекта, а не объекта, и таким понятием, на наш взгляд, являются понятия *филогенеза* и *онтогенеза* человека. "Историческое развитие, — считает Э. Трельч, — аналогично отнюдь не онтогенезу, а филогенезу. Но закон филогенеза, а следовательно, и образования различных видов из онтогенетических начал, который действительно означал бы развитие, до сих пор еще не найден... дальнейшие исследования, например, в сфере подсознательно-го, быть может, позволят открыть закон филогенеза; сопоставимый с закономерностями онтогенеза" [1]. Придавая понятию "филогенез" философский статус и соотнося его с "историческим процессом", философский дискурс обретает необходимую диалектическую наполненность, че-

ловек в нем оказывается уже не только объектом, но и субъектом так называемой "реальной действительности".

Известно, что понятия "филогенез" и "онтогенез" возникли в биологии и потому являются, как принято в этих случаях говорить, "занятыми понятиями", имеющими вполне однозначную смысловую нагрузку. Естественно, что такой их внефилософский генезис требует солидной мотивированности и обоснованности, когда с ними начинают обращаться как с философскими категориями. Попробуем в самом общем приближении мотивировать необходимость включения этих значений в формирующийся понятийный аппарат философской антропологии.

На наш взгляд, становление системы универсалий, категорий и понятий философии связано во многом с процессами дифференциации и интеграции системы человеческого знания, которые идут уже не одно столетие. Понятийный аппарат философии по своему генезису условно можно разделить на три основные группы всеобщих значений. Первая группа значений, именуемых *универсалиями*, досталась философии от мифологии — это предельно метафорические и размытые образы целостного и универсального существования, восходящего к абсолютному началу.

Во вторую группу входят *категории*, имманентные собственно философскому дискурсу и соответствующие тому периоду, когда философия была "наукой наук". К ним можно отнести такие классические значения, как "сознание", "материя", "субстанция", "бытие" и пр. В связи с последовательным отпадением от философии конкретных наук возникла ситуация, когда философия должна была осуществлять генерализацию тех частнонаучных понятий, которые формировались на основе парадигмальных форм мышления. Философия, пытаясь обобщить все то, что делалось и делается в конкретных науках, например, в математике, биологии, истории и пр., не может не использовать их ключевые понятия, ассимилируя их значения в свой собственный понятийный аппарат, иначе невозможен процесс интеграции знаний в единую гностическую целостность. Лишь философия может быть *интегратором* дифференцированного знания, и эту свою роль она в состоянии осуществлять лишь, возводя наиболее продуктивные эвристические значения частных наук в ранг всеобщих понятий, естественно, при этом соблюдая те ограничения, которые накладывает философский дискурс на отбор значений из целостного универсума знаков и значений. Таким образом, в философии начинает складываться третья группа значений, основу которых стали состав-

лять *понятия* — генерализированные значения из различных отраслей знания. Этот источник формирования философских понятий за последнее столетие становится основным, и именно это обстоятельство, как мы полагаем, дает возможность включать в понятийный аппарат философской антропологии категориальную пару "филогенез" и "онтогенез", естественно, при расширении их содержания до пределов "всеобщих понятий".

Еще одним доводом в пользу включения этих значений в понятийный аппарат философской антропологии является то, что жизнь реального, эмпирически наблюдаемого человека совершенно выпала из философского дискурса. Если еще филогенез человека, будучи редуцированным к истории его внешнего мира, еще как-то представлен в дискурсе, то онтогенез как индивидуализированная история человека давно стал прерогативой таких частных научных дисциплин, как психология и педагогика. Редукция человеческой индивидуальности к психическим процессам становится чуть ли не единственным способом постижения человека в его конкретно-исторических координатах существования. В качестве частных наук психология и педагогика стали по сути "частными философиями", т.к. расширенно трактуют те парадигмы, которые формируются при таком внефилософском дискурсе. Чего стоят так называемые "психодиагностика" и "педагогические технологии", которые широко используются в практике формирования современного человека (см., например, [2])? Философская антропология должна создать всеобъемлющую концепцию индивидуального становления человека, т.е. *теорию онтогенеза*, которая в состоянии была бы выступать метатеорией для психологических и педагогических концепций и практик индивидуального становления человека в конкретно-исторических условиях существования.

Несмотря на то, что термины "филогенез" и "онтогенез" были выработаны для выявления закономерностей становления биологического организма в рамках своей родовой, феноменальной определенности, довольно быстро они перекочевали сначала в психологию и обслуживаемую ею педагогику, затем и в культурологию¹. В

¹ В психологии под филогенезом понимается исторический процесс становления человеческого сознания, психики, а под онтогенезом — процесс формирования личности (индивидуальной психики, индивидуального сознания). Понимание процесса становления личности как онтогенеза восходит к представлениям о человеке как "природном существе" (Руссо), обладающем "естественными свойствами" (Локк). В педагогике и психологии такое понимание выражалось как требование подражать при обучении "природе ребенка" (Коменский), учить "есте-

настоящее время эти соотносительные категории довольно продуктивно осваиваются естественно-научной антропологией, а потому и философская антропология не может строить свою мировоззренческую модель человеческой многоуровневой экзистенции, не используя эвристических возможностей, заложенных в этих понятиях.

Поэтому эти парные понятия, возникшие вначале в биологической науке и ассимилированные науками о человеке — психологией, педагогикой, культурологией и др., нуждаются в придании им статуса метафизических категорий, категорий философской антропологии. Они вполне способны фиксировать собой взаимопереходы всеобщего и единичного в различных формах и уровнях бытия. В преобразованном виде они должны стать категориями онтологической антропологии или антропологической онтологии. В отличие от частных наук, которые соотносят между собой отдельные родовые и индивидуальные признаки человеческого существа, философская антропология призвана исследовать соотношение филогенеза и онтогенеза Человека в качестве особой экзистенциальной тотальности.

В пределах философской антропологии под филогенезом человека мы будем понимать генезис и процесс становления человека в качестве мирожизненной, экзистенциальной целостности, обладающей некой совокупностью исторических фаз, этапов развертывания целой иерархии его сущностных сил. Филогенез человека, таким образом, есть процесс развертывания его изначальных сущностных сил во всемирно-исторических координатах. В этой связи нам представляется целесообразным развести понятия "филогенез человека" и "всемирная история". Если посредством понятия "всемирная история" в основном преследуется цель выявления законов и этапов развертывания внешнего мира человека, то, опираясь на понятие "филогенез человека", можно выявить сущность и этапы процесса развертывания его внутреннего мира. Но поскольку между внутренним и внешним миром Человека наблюдается экзистенциальное соответствие, то и понятия "история" и "филогенез" человечества должны находиться в отношении взаимодополнительности. Если посредством первого понятия философская рефлексия пытается выдерживать так называемый "объектный подход", в рамках которого все человеческое в человеке есть не что иное, как следствие процесса интериоризации внешнего объективированного мира, то второе понятие лежит в основании "субъектного подхода", согласно которому внешними методами" (Ратке). Наиболее радикальный перенос понятий "филогенез" и "онтогенез" из биологии в психологию осуществили К.Г. Юнг и Л.С. Выготский.

ний объективированный мир есть не что иное, как экстериоризация процессов внутреннего мира человека.

Между филогенезом и онтогенезом человека существует система довольно сложных мирожизненных связей. Для того чтобы их предварительно наметить в рамках философско-антропологического анализа, необходимо на время вернуться к тем основоположениям, которые были сформулированы в биологии. Э. Геккель соотносил понятия "филогенез" и "онтогенез" в качестве неких сторон единого процесса становления живого, который он обозначил в качестве открытого им биогенетического закона (1866)².

На наш взгляд, недостаточно к филогенезу и онтогенезу относить лишь историю возникновения и становления человеческого организма, т.е. некой части той трансцендентно-феноменальной целостности, каким является Человек. Трудно себе представить как может существовать, а тем более развиваться, человеческое тело, вне связи с душой и Духом. Ведь принципом телесной организации человека выступает не принцип телесности, а принцип духовности. Более того, как утверждают и сами биологи, организация человеческой телесности не претерпевает существенных изменений вот уже несколько десятков тысячелетий. Однако за это же время существенно изменилась духовность, культура, цивилизация и технология, которые есть не что иное, как онтологические проекции внутреннего мира Человека. При почти неизменной телесности перманентно изменяются и филогенетические и онтогенетические константы, последовательно замещающие одна другую в качестве эпигенетических принципов построения человеческой экзистенции на последовательных этапах развертывания всемирной истории. Напрашивается вывод, что если мало что меняется в филогенезе и онтогенезе в биологической субстанции Человека с момента его экзистенциального обособления от универсума природных организмов, то эти категории в качестве узкобиологических являются понятиями, превышающими объем значений, соответствующих их семантическому статусу, т.к. способны прояснить лишь проблему соотношения человека с универсумом природных объективаций, да и

²Согласно которому каждая органическая форма в своем индивидуальном развитии (онтогенезе) в некоторой мере повторяет черты и особенности тех форм, от которых она произошла. Впервые проблему соотношения между онтогенезом и филогенезом, проблему рекапитуляции во всей ее полноте поставил Ч. Дарвин. Основная идея рекапитуляции и биогенетического закона выражена им как закон сходства древних форм с эмбриональными стадиями новейших форм. Важное значение биогенетического закона для эволюционного учения в целом подчеркивал Ф. Энгельс.

то лишь на стадии его "животного" существования. Соотношение зауженных понятий филогенеза и онтогенеза как сугубо биологических категорий вполне обосновано лишь там, где ведутся сравнительные исследования человеческого организма с иными природными организмами. Однако уже при таком определении понятий филогенеза и онтогенеза они мало что могут прояснить в исследовании соотношения становления абстрактного "человеческого тела" во всемирно-исторических координатах и истории "тела конкретного индивида". Вне понимания филогенеза Человека невозможно понять онтогенез реального эмпирически наблюдаемого индивида, т.к. исторические условия, в которых происходит его становление, оказываются совершенно иными, чем у индивидов предшествующих поколений. Если будем исходить лишь из природных предпосылок человеческого существования, то вряд ли сможем понять, каким образом и в силу каких причин происходят перманентные коренные изменения в способах существования человека. Филогенез применительно к экзистенции целостного человека – это, прежде всего, надприродный, сверхприродный процесс, процесс духовный. И, в основном, в качестве духовного процесса необходимо рассматривать не только филогенез родового человека, но и онтогенез эмпирически существующего индивида. Юнг утверждал, что не только телесность, но и психика человека в онтогенезе повторяют стадии человеческого филогенеза. "Так же, как в процессе эмбрионального развития человеческое тело, — писал Юнг, — повторяет свою предысторию, так же и ум проходит через серию доисторических состояний... Эта "первоначальная психика" в такой же степени присутствует и продолжает функционировать у ребенка, как стадии эволюционного развития человечества в теле его эмбриона" [3]. Однако мало признавать эпигенетическое соответствие между филогенезом и онтогенезом применительно к человеческой психике, этот принцип должен быть перенесен на целостный процесс становления человеческой экзистенции. Онтогенез есть целостное становление человека в его индивидуальной истории, укорененной во всеобщие исторические координаты человечества, которые и составляют содержание филогенеза Человека. Лишь при таком подходе к соотношению филогенеза и онтогенеза философская антропология в состоянии будет вписать человека как родового субъекта в его же собственную сверхродовую, трансцендентную духовность. При этом возникает возможность органически увязывать историю культуры, цивилизации и технологии с этапами целостного филогенеза Человека. И тогда станет понятно, каким образом эмпирический индивид, осуще-

ствляя вхождение во "внешний мир", тем самым воспроизводит все этапы филогенеза родового человека и сам оказывается субъектом нового исторического этапа развертывания единого общечеловеческого начала. Это позволяет не только вписывать живого эмпирически наблюдаемого индивида в метаисторию, но и выявлять исторические особенности его становления в связи с той филогенетической ситуацией, которая складывается на момент его появления в мире. И тогда мы будем в состоянии соотносить между собой филогенез родового человека и онтогенез эмпирического человека не только как соотношение общего и единичного, применительно к процессу человеческого становления, но и как два равновеликих и равноценных взаимообусловленных экзистенциальных процесса, онтологическому синтезу которых обязано возникновение целостного ряда уникальных исторических событий. Реальный человек со-бытийствует не только со своим непосредственным окружением, он опосредствованно и символически проживает свою жизнь совместно со своими предками и возможными потомками, его экзистенция трансцендентно аутентична Экзистенции Человека. Конкретный человек не только своим онтогенезом повторяет филогенез человечества, но и в его онтогенетических изменениях филогенез человечества черпает новые возможности для дальнейшего продвижения Всемирной Истории. В то же время в своем онтогенетическом становлении человек вынужден считаться со складывающейся филогенетической ситуацией, не только интенсивно актуализирующей определенный спектр его способностей, но и существенно сдерживающей развертывание той совокупности потенциальностей, которые оказываются невостребованными "эволюцией внешнего мира". Такая экзистенциальная асимметрия, наблюдаемая между филогенезом и онтогенезом, вполне объясняет причины перманентного самоотчуждения Человека. Они обусловлены теми ограничениями, которые накладывает новейший этап филогенеза на нормальное прохождение онтогенеза эмпирического человека.

Итак, первое, что необходимо зафиксировать, – это то, что филогенез и онтогенез как понятия, обретающие метафизический статус, применимы не только к определенным родам и видам становящегося бытия и тем более не ограничиваются лишь низшими биогенными формами существования, но и применимы к высшим экзистенциальным формам, прежде всего, к процессам духовного становления человека. Но не заподозрят ли нас при таком "расширительном подходе" в биологизации надбиологических, прежде всего социокультурных процессов? Придадим по-

нениям "филогенез" и "онтогенез" метафизического статуса, как нам представляется, осуществляется реконструкция первичной интуиции в характере становления человека и развертывания истории его овнешненного мира. В первичной философии становление человека как микрокосма рассматривалось не иначе, как в контексте становления макрокосма. Лишь начиная с Декарта и Ламетри происходит редукция человеческой целостности к ее отдельным структурным компонентам, прежде всего к разуму (Декарт) и телесности (Ламетри). Именно в рамках редукционистской традиции и была осуществлена метаморфоза субъектного подхода в объектный подход.

Категория "онтогенез" позволяет, на наш взгляд, выяснить, каким образом закономерности филогенетического становления Человека воспроизводятся в совокупности индивидуальных Становлений или становлений Индивидов в качестве монад, на которые распадается Единая Родовая Монада. Ведь под монадами Лейбниц понимал определенные целостности, обладающие свойством субъективной самодостаточности, актуализирующие свои внутренние потенциальности во внешнем мире. Филогенез есть не что иное, как развертывание Единой Монады в некую монадную множественность, или универсум монад, перманентно изменяющуюся во времени и пространстве. Первочеловек как монада исторически дробится на монадную множественность, отдельные монады в которой сохраняют экзистенциальную и генетическую аутентичность с целостной и универсальной первомонадой. "Если взять идею человека, — писал Плотин, — вместе с ней появляется, как бы сам себя вызывает к бытию весь (идеальный) человек, с самого начала всем обладающий и совершенный, а если он не весь сразу есть, но то или другое прибавляется в нем, то это бывает лишь после рождения (в теле). Тот идеальный человек существует от вечности и потому сразу есть весь во всей целостности; подверженным же изменениям он становится лишь после рождения (в теле)" [4, с. 43]. Когда мы говорим об онтогенезе человека, то имеем в виду, что своей индивидуальной историей он не только повторяет всю предшествующую историю человеческого рода, но и является по своей внутренней сути эмпирическим заместителем Рода как Монады. В любом из индивидов содержится вся программа развертывания целостного родового начала. При таком подходе к пониманию соотношения фило- и онтогенеза, эти взаимообусловленные категории относятся уже не только к биологической, психологической, социальной, культурной и иной организации человеческой экзистенции, но ко всей эк-

зистенциальной тотальности Человека. Каждый индивид как целостная монада экзистенциально изоморфен Человеку-Первомонаде, который в философии русского космизма "схватывается" понятиями микрокосмос, микрокосм³.

Каждый человек в своем индивидуальном становлении повторяет путь рода, и в этой связи необходимо выяснить взаимоотношение общего, единичного и особенного становящейся экзистенции человека. При субъектном подходе общее относится не к монаде, а к монадной множественности, каждая же особенная монада есть нечто более высшее, нежели общее в человеческой экзистенции, так как непосредственно соотносится с Единым. На эту особенность указывал еще С. Кьеркегор, считавший, что единичное выше общего, т.к. восходит к Единому, минуя Множественное, которое и описывается посредством категории общего. Общее относится к множественному, элементы которого обладают некоторыми сходными характеристиками, возникшими в процессе отпадения от Единого. Однако в качестве монады каждый индивид представляет собой весь целостный и трансцендентный человеческий род, а потому оказывается экзистенциально сопряженным не столько с элементами множества, сколько с целостным родом. Кьеркегор считал, что индивидуальное выше общего, прежде всего потому, что индивидуальное непосредственно связано с трансцендентным, человеческая душа непосредственно связана с Духом, а не опосредствованно через совокупность душ, совокупность со-знаний. В этом отношении соотношения Микрокосма и Макрокосма, Микротеоса и Макротеоса представляют собой трансцендентные тождества целостного и универсального в единичной человеческой экзистенции. Филогенез и онтогенез экзистенциально аутентичны, экзистенциально тождественны. И каждый индивид как бы заново начинает историю всего рода, и каждый раз эта история обрывается именно на нем, т.к. индивид своей духовностью укоренен в трансцендентность и вечность, а история человеческого рода имманентна его феноменальности, обладающей определенными временными рамками.

³ Человеческая природа проста и едина, — писал Николай Кузанский. — Если даже родится человек, рождение которого никогда не ожидалось, к человеческой природе ничего не прибавится, как ничего от нее не убавляется, когда умирают родившиеся; причина в том, что человеческая природа свернуто заключает как людей, которые существуют, так и людей, которые не существуют и не будут существовать, хотя могли бы. Точно так же, хоть бы случилось то, что никогда не случится, все равно к божественному провидению ничего бы не прибавилось, потому что оно свернуто заключает как происходящее, так и не происходящее, но могущее произойти" [5].

Обретая метафизический статус, понятие "филогенез" становится способно "фиксировать" процесс развертывания любой синкретичной целостности при переходе единого во множественное. А соотносимое с ним понятие онтогенез вполне в состоянии фиксировать экзистенциально-онтологическую тождественность элемента множественного не только с самой множественностью, но и с первичной, еще нерасчлененной целостностью. Однако такое их гомоморфное соотношение может быть выявлено лишь при последовательном соблюдении субъектного подхода к многомерному и многоуровневому процессу человеческой истории, т.к. существует не объект, а субъект, объект же эволюционирует лишь в той мере, в какой эманурует субъект.

Филогенез человека и история мира, которую он творит, находятся в онтологической противофазе, в экзистенциальном противостоянии друг к другу. Это противостояние двух форм филогенеза (или двух форм истории) фиксируется в объектоцентризме "снятием", а в субъектоцентризме — "самоотчуждением". Человек отчуждает от себя свои собственные сущностные силы в пользу внешнего мира и, подчиняясь ему, как своим собственным онтологическим проекциям, постепенно самовытесняется из истории, которая, с ускорением ее бега, становится все более чуждой ему.

Относясь к объектному миру объектно человек, сам того не осознавая, постепенно переносит объектный характер отношений на самого себя и начинает осознавать себя не иначе, как в качестве некоего онтологического средства достижения каких-то внечеловеческих целей. Однако он "в минуты роковые" обнаруживает свою неаутентичность внешнему миру, и тогда его самосознание начинает фиксировать феномен отчуждения, который совершенно не вписывается в объектоцентристскую версию сущего. Он пытается изменить свое мировоззрение, чтобы понять, а затем и как-то преодолеть этот деструктивный феномен. И тогда он вновь начинает проявлять интерес к субъектному подходу. Не случайно, что именно в XX в., отличающемся проявлением массового геноцида, начинает возрождаться философская антропология. Появляется реальная возможность вскрыть сущность самоотчуждения как проблемы онтологической, а не узкосоциальной. Самоотчуждение человека есть порождение внутреннего духовного кризиса, который человечество расширенно воспроизводит в своей экзистенции вот уже не одно тысячелетие. При построении всеобъемлющей картины филогенеза человека самоотчуждение должно занять место в ряду фундаментальных "объяснительных принципов" сущего, а не рассматриваться

лишь в качестве некоего временного эпифеномена прогрессивного развития, который можно преодолеть чисто рациональным способом. Субъектом, который отчуждает человека от Мира и мир от Человека, является не кто иной, как сам Человек, который, по словам Н. Бердяева, излишне склонен к самообъективации. Проблема самоотчуждения, будучи включенной в концепцию филогенеза человека, способна раскрыть истинный источник внутренней драмы метаистории, а следовательно, и пути ее трансцендентного преодоления. Овнешненный, объективированный и овремененный мир вряд ли мог бы столь интенсивно эволюционировать, если бы не подпитывался энергетикой, возникающей при "выработке" и "самоотторжении" высших духовных потенциалов "внутреннего человека".

Выводы о грозящей катастрофе человечества, которые вытекают из исследовательских проектов Римского клуба и которые содержатся в Повестке дня на XXI в., принятой на Международной конференции в Рио-де-Жанейро, проведенной ООН в 1992 г., ставят перед философской общественностью задачу — сформировать такую мировоззренческую модель, в которой четко был бы обозначен субъект вселенской деструкции. Прогрессистская философия, лежащая в основании современной идеологии, завела человечество в онтологический тупик, выход из которого возможен лишь при условии следования субъектному подходу к анализу состояния "реальной действительности". Попытка преодолеть онтологическую нестабильность за счет "последнего и решительного" революционного скачка в сфере технологии и информатики, без учета степени глобальной духовной деградации человека современной цивилизации, чревато всемирной катастрофой. Угроза миру идет не извне, а изнутри, идет из гипертрофированных структур человеческой ментальности. Процессом самовытеснения из мира человек обрекает не только себя, но и внешний мир на самораспад, т.к. последний в состоянии обретать относительную целостность и стабильность лишь за счет укоренения в нем человека.

- [1] Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 512.
- [2] Николин В.В. Сценарии формирования ученика. Омск, 2000.
- [3] Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 431.
- [4] Плотин. Избр. трактаты: В 2 т. М., 1994. Т. 2.
- [5] Николай Кузанский. Об ученом незнании // Соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 85.

УСЛОВИЯ ДИСКРЕТНОСТИ ПОДГРУПП В $PSL(2, C)$, ПОРОЖДЕННЫХ ДВУМЯ ГИПЕРБОЛИЧЕСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ С ОРТОГОНАЛЬНЫМИ ОСЯМИ

Н.А.Исаченко†, А.А.Малая‡

† Омский государственный университет, кафедра математического анализа
644077, Омск, пр. Мира, 55-А

‡ Северо-Казахстанский университет, кафедра математики
642026, Петропавловск, ул. Интернациональная, 26

Получена 15 января 2001 г.

In persisting article are received necessities a condition and sufficient condition of discrete subgroups b $PSL(2, C)$, induced two hyperbolic elements with perpendicular axes.

Введение

В настоящей статье изучаются группы движений пространства Лобачевского, а именно, получены необходимое условие и достаточное условие дискретности подгрупп в $PSL(2, C)$, порожденных двумя гиперболическими элементами с ортогональными осями.

Критерии дискретности подгруппы в $PSL(2, C)$, порожденной двумя вращениями с ортогональными осями, были получены Е.Клименко [1]. Д.Деревнин и А.Медных [2] для дискретных групп движений пространства Лобачевского дали точные оценки снизу на расстояния между неподвижными точками различных типов. Позднее Геринг и Мартин [3] получили необходимое условие дискретности подгруппы в $PSL(2, C)$, порожденной двумя вращениями, дав нижнюю оценку на расстояние между их осями.

1. Предварительные сведения

Введем необходимые в дальнейшем определения и хорошо известные результаты. В качестве модели плоскости Лобачевского будем рассматривать единичный круг в C .

$$\Delta = \{z \in C \mid |z| < 1\},$$

а модели гиперболического пространства – верхнее полупространство:

$$H^3 = \{(z, t) \mid z \in C, t > 0\}.$$

Известно, что группа в $PSL(2, C)$ изоморфна группе $Isom^+ H^3$ движений пространства Лобачевского.

Осью гиперболического элемента g назовем гиперболическую прямую A_g , соединяющую его неподвижные точки.

Как известно, всякое движение плоскости или пространства Лобачевского можно представить в виде композиции двух поворотов σ_1 и σ_2 относительно h -прямых L_1 и L_2 в H^3 . Причем $\sigma_2\sigma_1$ — эллиптический, гиперболический или же параболический в зависимости от того, пересекаются, расходятся или параллельны L_1 и L_2 . В случае скрещивающихся h -прямых L_1 и L_2 в H^3 элемент $\sigma_2\sigma_1$ будет локсодромическим.

Параметром элемента $g = \sigma_2\sigma_1$ назовем число $\lambda(g) = \rho + \varphi i$, где ρ — гиперболическое расстояние, φ — угол между L_1 и L_2 .

Используемые в статье тригонометрические соотношения для плоскости Лобачевского можно найти в [4].

2. Достаточное условие

Теорема 1. Пусть $g, h \in \text{Isom}^+ H^3$ – гиперболические и $A_g \perp A_h$. Если $[g, h]$ – неэллиптический, то группа $G = \langle g, h \rangle$ дискретна.

Доказательство. Для доказательства нам необходима следующая лемма.

Лемма. Если выполнены условия теоремы 1, то изометрические окружности I_g и I_h либо не пересекаются, либо касаются.

Доказательство. Используя, если нужно, сопряжение, можно считать, что g – гиперболический элемент с неподвижными точками $-1, 1$, h – гиперболический элемент с неподвижными точками $-w, w$, где w – чисто мнимое число и $|w| > 1$. Тогда

$$g \sim \begin{pmatrix} \text{ch}\lambda(g) & \text{sh}\lambda(g) \\ \text{sh}\lambda(g) & \text{ch}\lambda(g) \end{pmatrix} \quad \text{и}$$

$$h \sim \begin{pmatrix} \text{ch}\lambda(h) & w\text{sh}\lambda(h) \\ \frac{1}{w}\text{sh}\lambda(h) & \text{ch}\lambda(h) \end{pmatrix},$$

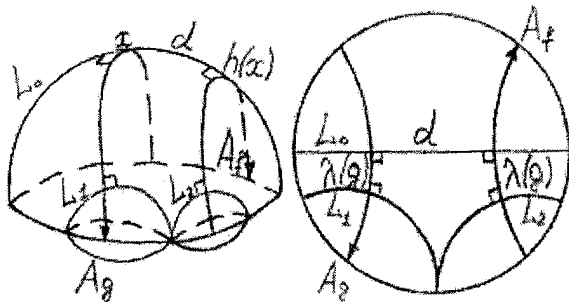
изометрическая окружность элемента g :
 $|z + \text{cth}\lambda(g)| = \frac{1}{\text{sh}\lambda(g)}$,

изометрическая окружность элемента h :
 $|z + w\text{cth}\lambda(h)| = \frac{|w|}{\text{sh}\lambda(h)}$.

Рассмотрим $[g, h] = gf$, где $f = hg^{-1}h^{-1}$. Неподвижными точками элемента f будут образы неподвижных точек элемента g относительно действия элемента h . Учитывая симметрию, видим, что точки $-1, h(-1), h(1), 1$ лежат на одной окружности O . Таким образом, эта окружность инвариантна относительно группы, порожденной элементами g и f .

Пусть L_0 – взаимный перпендикуляр к осям A_g и A_f , d – расстояние между ними. Тогда $g = \sigma_1\sigma_0$, $f = \sigma_0\sigma_2$, где $\sigma_0, \sigma_1, \sigma_2$ – полуобороты относительно прямых L_0, L_1, L_2 , и $[g, h] = \sigma_1\sigma_2$.

Пусть Π – полусфера (гиперболическая плоскость), опирающаяся на окружность O . Заметим, что прямые L_0, L_1, L_2, A_g и A_f лежат на Π . Пусть P – вертикальная плоскость, проходящая через L_0 . Тогда L_0, L_1, L_2 суть пересечения P и изометрических сфер элементов g и f с Π , соответственно.

Рассматривая ограничения g и f на гиперболическую плоскость Π , получим оценку на d . Заметим, что $\lambda(g) = \lambda(f)$. Так как $gf = \sigma_1\sigma_2$ – неэллиптический, то

$$1 = \text{ch}0 \leq \text{sh}^2\lambda(g)\text{ch}d - \text{ch}^2\lambda(g) \quad \text{или}$$

$$\text{ch}d \geq \frac{1 + \text{ch}^2\lambda(g)}{\text{sh}^2\lambda(g)}. \quad (1)$$

С другой стороны, d есть расстояние между точками $x = (0, |w|)$ и $h(x)$, следовательно [4, с. 107], формула (5.4.11)]:

$$\text{sh}^2 \frac{d}{2} = \text{sh}^2\lambda(g)\text{ch}^2l,$$

где l – расстояние между A_g и A_h . Отсюда

$$\text{ch}d = 2\text{sh}^2\lambda(h)\text{ch}^2l + 1. \quad (2)$$

Подставляя в (1), получаем

$$\frac{1}{\text{sh}^2\lambda(g)\text{sh}^2\lambda(h)} \leq \text{ch}^2l.$$

В нашем случае $\text{ch}l = \text{ch} \ln |w| = \frac{1}{2} \left(|w| + \frac{1}{|w|} \right)$. Следовательно, если gf – неэллиптический, то

$$\frac{1}{\text{sh}\lambda(g)\text{sh}\lambda(h)} \leq \frac{1}{2} \left(|w| + \frac{1}{|w|} \right).$$

С другой стороны, если R_g и R_h радиусы I_g и I_h соответственно, то

$$\begin{aligned} (R_g + R_h)^2 &= \frac{1}{\text{sh}^2\lambda(g)} + \frac{|w|^2}{\text{sh}^2\lambda(h)} + \frac{2|w|}{\text{sh}\lambda(g)\text{sh}\lambda(h)} \leq \\ &\leq \text{cth}^2\lambda(g) + |w|^2\text{cth}^2\lambda(h). \end{aligned}$$

Справа получили квадрат расстояния между центрами I_g и I_h . Следовательно, I_g и I_h пересекаются самое большее по одной точке. Теперь доказательство теоремы непосредственно следует из леммы. Так как в этом случае $I_g, I_{g^{-1}}, I_h, I_{h^{-1}}$ – четыре внешних одна относительно другой окружности в C , для которых g отображает внешность $I_{g^{-1}}$ на внутренность I_g , а h – внешность $I_{h^{-1}}$ на внутренность I_h . Тогда группа $G = \langle g, h \rangle$ является группой Шоттки или группой типа Шоттки.

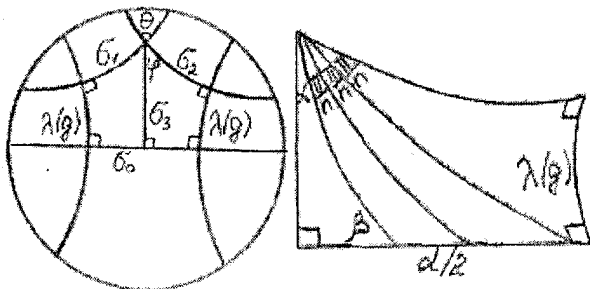
3. Необходимое условие

Теорема 2. Пусть $g, h \in Isom^+ H^3$ – гиперболические и $A_g \perp A_h$. Если группа $G = \langle g, h \rangle$ дискретна, то

$$ch^2 \rho(A_g, A_h) \geq \frac{1}{sh^2 \lambda(g) sh^2 \lambda(h)} \left(1 - 4ch^2 \lambda(g) \sin^2 \frac{\pi}{7} \right).$$

Доказательство. Повторяя рассуждения, приведенные в начале доказательства леммы из теоремы 1, видим, что мы находимся в ситуации, которая изображена на рисунке, где

$$g = \sigma_1 \sigma_0, \quad hg^{-1}h^{-1} = \sigma_0 \sigma_2, \quad [g, h] = \sigma_1 \sigma_2.$$

Если $[g, h]$ – неэллиптический, то из теоремы 1 следует, что G дискретна. Осталось рассмотреть случай, когда $[g, h]$ – эллиптический.

Если $G = \langle g, h \rangle$ дискретна, то $H_1 = \langle g, hg^{-1}h^{-1} \rangle$ дискретна. Таким образом, наша задача – найти необходимое условие дискретности группы H_1 .

Рассмотрим группу $H_2 = \langle \sigma_0, \sigma_1, \sigma_2 \rangle$. Группы H_1 и H_2 дискретны или же недискретны одновременно. В свою очередь H_2 дискретна одновременно с $H_3 = \langle \sigma_0, \sigma_2, \sigma_3 \rangle$, где σ_3 – биссектриса угла θ .

Возможны следующие случаи:

1) φ – иррациональный, то есть $\varphi = t\pi$, где $t \notin \mathbb{Q}$, тогда H_3 недискретна и, следовательно, G недискретна.

2) $\varphi = \frac{\pi}{n}$, $n \in \mathbb{N}$, $n \geq 3$, в этом случае выполнены условия теоремы Пуанкаре о фундаментальном многоугольнике [4, с. 224, теорема (9.8.4)] и H_3 дискретна, а поэтому и G дискретна. В этом случае имеет место оценка

$$chd \geq \frac{1}{2sh^2 \lambda(g)} + 1. \quad (3)$$

3) $\varphi = \frac{k\pi}{n}$, $k, n \in \mathbb{N}$, $k < n$, тогда разделим угол φ на k равных частей и обозначим $\alpha = \frac{\pi}{n}$. Из результата Мательски [5] следует, что в этом случае, если H_3 дискретна, то либо $\beta = \frac{\pi}{l}$, $l \in \mathbb{N}$, $l \geq 3$, либо $\beta = \frac{2\pi}{n}$, $n \geq 7$, n – четное.

Для $\alpha = \frac{\pi}{n}$, $\beta = \frac{\pi}{l}$, $n, l \in \mathbb{N}$, имеет место оценка:

$$chd \geq \frac{2}{sh^2 \lambda(g)} \left(1 - 4ch^2 \lambda(g) \sin^2 \frac{\pi}{7} \right) + 1, \quad (4)$$

а при $\alpha = \frac{\pi}{n}$, $\beta = \frac{2\pi}{n}$, $n \in \mathbb{N}$

$$chd \geq \frac{2}{sh^2 \lambda(g)} \left(1 - \left(\frac{2 - \sqrt{2}}{2} \right) ch^2 \lambda(g) \right) + 1. \quad (5)$$

Из (3), (4), (5) следует, что в общем случае

$$chd \geq \frac{2}{sh^2 \lambda(g)} \left(1 - 4ch^2 \lambda(g) \sin^2 \frac{\pi}{7} \right) + 1. \quad (6)$$

Комбинируя (2) и (6), получаем

$$\begin{aligned} ch^2 \rho(A_g, A_h) &\geq \\ &\geq \frac{1}{sh^2 \lambda(g) sh^2 \lambda(h)} \left(1 - 4ch^2 \lambda(g) \sin^2 \frac{\pi}{7} \right). \end{aligned} \quad (7)$$

Замечание. Можно считать, что $\lambda(g) \leq \lambda(h)$. В формуле (7) скобка, стоящая в правой части, должна быть положительной, откуда имеет смысл рассматривать $\lambda(g)$ такие, что

$$1 \leq ch \lambda(g) < \frac{1}{2 \sin \frac{\pi}{7}} \approx 1,152.$$

-
- [1] Клименко Е.Я. О дискретных группах в трехмерном пространстве Лобачевского, порожденных двумя вращениями // Сиб. мат. жур. 1989. Т. 30. №1. С. 123-128.
 - [2] Деревнин Д.А., Медных А.Д. Геометрические свойства дискретных групп, действующих с неподвижными точками в пространстве Лобачевского // Доклады АН СССР. 1988. Т. 300. №1. С. 27-30.
 - [3] Gehring F.W., Martin G.J. Commutators, collars and the geometry of Möbius groups // J. D'Analyse Math. 1994. V. 63. P. 175-219.
 - [4] Бердон А. Геометрия дискретных групп. М.: Наука, 1986.
 - [5] Matelski J.P. The classification of discrete 2-generator subgroups of $PSL(2, R)$ // Israel J. Math. 1982. V. 42. №4. P. 309-317.

БИМОДУЛИ КРИЧЕВЕРА-ДРИНФЕЛЬДА И МАТРИЧНЫЕ СОЛИТОННЫЕ РЕШЕНИЯ УРАВНЕНИЯ ЛАКСА РАНГА 2

Г.И. Сечкин[†], А.В. Латышев[‡]

[†] Омский государственный педагогический университет, кафедра математического анализа
644099, Омск-99, Наб Тухачевского, 14¹

[‡] Московский педагогический университет, кафедра математического анализа

Получена 18 апреля 2001 г.

The solutions of nonlinear partial differential Lax equations are obtained with the help of algebro-geometric method. The integration of high rank Lax equation can be reduced to constructing a pure algebraic objects - the Krichever-Drinfeld bimodules.

В многомерной обратной задаче рассеяния известны два подхода: методы теории функций и функционального анализа [1] и методы алгебраической геометрии [2-4].

Предварительно напомним некоторые определения.

Пусть K -ассоциативное кольцо с единицей и V -абелева группа с аддитивной записью; отображения $(x, v) \mapsto xv$ из $K \times V$ в V удовлетворяют условиям: $x(u+v) = xu + xv$, $(x+y)v = xv + yv$, $(xy)v = x(yv)$, $1 \cdot v = v$ для всех $x, y \in K$, $u, v \in V$. Тогда V называют левым K -модулем. Аналогично определяется правый K -модуль.

Пусть k - некоторое поле характеристики O , B - k -алгебра с единицей, в которой заданы попарно коммутирующие k -дифференцирования $\partial_j, j = 1, 2, 3$, т.е. ∂_j - такое k -линейное отображение B на B , что $\partial_j(ab) = \partial_j a b + a \partial_j b$. Основным примером алгебры B служит алгебра мероморфных функций нескольких переменных, $k = C$ или $k = R$, дифференцирование $\partial_1 = \frac{\partial}{\partial x_1} = \frac{\partial}{\partial x}$ обозначим просто ∂ .

Модулем Кричевера-Дринфеля (кратко КД-модулем) называется левый B -модуль M , где B - k -алгебра с дифференцированиями $\partial_j, j = 1, 2, 3$, в котором имеется отмеченный элемент e , задана возрастающая фильтрация $M_i, i \geq -1$ и действует k -линейное отображение $\nabla : M \rightarrow M$, которое назовем связностью. При этом должны выполняться условия:

1) $M_{-1} = \{0\}, B M_i \subset M_i$ для всех i ;
 $\bigcup_{i=0}^n M_i = M$;

2) для каждого $i \geq -1$ фактор M_{i+1}/M_i есть свободный B -модуль с одной образующей; e является свободной образующей M_0 ;

3) $\forall b \in B \forall m \in M : \nabla(bm) = (\partial b)m + b(\nabla m)$;

4) при каждом $i > -1$ $\nabla M_i \subset M_{i+1}$ и отображение $\nabla : M_i \rightarrow M_{i+1}$ при $i \geq 0$ индуцирует изоморфизм одномерных B -модулей: $M_i/M_{i-1} \rightarrow M_{i+1}/M_i$.

Элемент $e = 1$ будем называть функцией Бейкера-Ахиезера.

Для построения решения уравнения Лакса в модуле M надо задать дополнительную структуру.

Пусть O - некоторое коммутативное кольцо, содержащее поле k . KD -модуль M называется KD -бимодулем, если он является правым O -модулем, причем выполнены условия;

5) действия B и O коммутируют, т.е. $(bm)\varphi = b(m\varphi)$, где $b \in B, \varphi \in O$ и $m \in M$. Если $\lambda \in k \subset O$, то $m\lambda = \lambda m$ для $m \in M$;

6) $\nabla(m\varphi) = (\nabla m)\varphi$ для любого $\varphi \in O$ и $m \in M$;

7) для любого $\varphi \in O$ элемент $e\varphi \neq 0$.

Рассмотрим теперь уравнение Лакса

$$L_t = [L, P], \quad (1)$$

где $[L, P] = P \circ L - L \circ P$ - коммутатор операторов L и P , $L = \partial^4 + v\partial^2 + w\partial + z$, $P = b^{-1}\omega\partial^2 + c\partial + u$; $\partial = \frac{\partial}{\partial x}$ - оператор дифференцирования по переменной x ; v, u, w, z - функции двух переменных

¹e-mail: sechkin@omgpu.omsk.edu

x, t , которые достаточно гладкие; ω, b, c - вещественные постоянные.

Ранг уравнения (1), т.е. наибольший общий делитель порядков операторов L и P , равен 2.

Вычисляя коммутатор $[L, P]$ и исключая функцию $u(x, t)$, получим систему уравнений:

$$\begin{cases} b\omega^{-1}v_t = 2v_{xx} - 2w_x - bc\omega^{-1}v_x \\ b\omega^{-1}w_t = -w_{xx} + 2v_{xxx} + vv_x - bc\omega^{-1}w_x - 2z_x \\ b\omega^{-1}z_t = \frac{1}{2}v_{xxxx} + \frac{1}{2}vv_x - z_{xx} + \frac{1}{2}v_xw - bc\omega^{-1}z_x \end{cases} \quad (2)$$

Неизвестные функции v, w, z можно выразить через компоненты функции Бейкера-Ахиезера (возьмем $N = 1$, т.е. будем искать односолитонное решение), которая имеет вид

$$I = \begin{pmatrix} \lambda \\ 0 \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} \mu_1 \\ \mu_2 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \lambda + \mu_1 \\ \mu_2 \end{pmatrix}. \quad (3)$$

Для этого в бимодуле M , соответствующем векторному расслоению над рациональной кривой с двойной точкой с разделенными касательными, решим уравнения:

$$\begin{aligned} \tilde{L} I &= I\varphi \\ \tilde{P} I &= \nabla_2 I, \end{aligned}$$

где

$$\begin{aligned} \tilde{L} &= L(\nabla_1), \tilde{P} = P(\nabla_1), \nabla_j = \partial_j + d_j(\lambda), \partial_2 = \frac{\partial}{\partial t}, \\ d_1(\lambda) &= \begin{pmatrix} 0 & \lambda \\ b & 0 \end{pmatrix}, d_2(\lambda) = \omega\lambda E_2 + cd_1(\lambda), E_2 - \text{единичная матрица 2-го порядка, } \varphi = b^2(\lambda^2 - 2\alpha_0\lambda). \end{aligned}$$

Приравнивая в уравнении $\tilde{L} I = I\varphi$ столбцы при одинаковых степенях λ , получим систему

$$\begin{cases} v = -4\mu_{2x} - 2b^2\alpha \\ w = -6\mu_{2xx} - 4b\mu_{2x} - v\mu_2 - 2b\alpha\mu_2 \\ z = -4\mu_{2xxx} - 6b\mu_{1xx} - 4b\mu_{4x} - \\ -v(2\mu_{2x} + b\mu_1) - w\mu_2 - 2b^2\alpha\mu_1. \end{cases} \quad (4)$$

Аналогично из уравнения $\tilde{P} I = \nabla_2 I$

найдем, что

$$u = -2\omega b^{-1}\mu_{2x}. \quad (5)$$

Коэффициенты μ_1 и μ_2 найдем из матричного уравнения

$$(E_2 - g) \begin{pmatrix} \mu_1 \\ \mu_2 \end{pmatrix} + (\alpha E_2 - \beta g) \begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix} = 0, \quad (6)$$

полученного применением определения бимодуля M к функции Бейкера-Ахиезера, где матрица склейки $g(x, t) = e^{h(\beta)} \cdot g_0 \cdot e^{-h(\alpha)}$, α и β - параметры двойной точки, $h(\lambda) = x d_x(\lambda) + t d_t(\lambda)$, матрица $g_0 = \begin{pmatrix} g_1 & g_2 \\ g_3 & g_4 \end{pmatrix} \in GL(2; \mathbb{C})$ - невырожденная матрица с комплексными коэффициентами.

Вычислим матрицу склейки

$$g(x, t) = e^{\omega t(\beta - \alpha)}(\tilde{g}_{mn});$$

получаем (промежуточные выкладки опускаем ради краткости изложения):

$$\begin{aligned} \tilde{g}_{11} &= g_1 chc\xi \cos\alpha\xi + \frac{1}{a}g_2 chc\xi \sin\alpha\xi + \\ &+ cg_3 shc\xi \cos\alpha\xi + \frac{c}{a}g_4 shc\xi \sin\alpha\xi; \\ \tilde{g}_{12} &= -ag_1 chc\xi \sin\alpha\xi + g_2 chc\xi \cos\alpha\xi - \\ &- cag_3 shc\xi \sin\alpha\xi + cg_4 shc\xi \cos\alpha\xi; \\ \tilde{g}_{21} &= \frac{1}{c}g_1 shc\xi \cos\alpha\xi + \frac{1}{ac}g_2 shc\xi \sin\alpha\xi + \\ &+ g_3 chc\xi \cos\alpha\xi + \frac{1}{a}g_4 chc\xi \sin\alpha\xi; \\ \tilde{g}_{22} &= -\frac{a}{c}g_1 shc\xi \sin\alpha\xi + \frac{1}{c}g_2 shc\xi \cos\alpha\xi - \\ &- acg_3 chc\xi \sin\alpha\xi + cg_4 shc\xi \cos\alpha\xi; \end{aligned}$$

где $\alpha = a^2b$, $\beta = c^2b$, $\xi = b\bar{\xi}$, $\bar{\xi} = x + ct$.

Теперь выражаем функции μ_1 и μ_2 через элементы матрицы склейки:

$$\begin{aligned} \mu_1 &= \frac{\beta g_{11} - \alpha + \alpha g_{22} - \beta \det g}{\det(E_2 - g)}; \\ \mu_2 &= \frac{(\beta - \alpha)g_{21}}{\det(E_2 - g)}. \end{aligned} \quad (7)$$

Подставляя формулы (7) в (4) и (5), получаем матричные солитонные решения уравнения Лакса (1), из которых, в частности, при $\alpha_0 = 0$, $g_0 = \begin{pmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{pmatrix}$, α и β - чисто мнимые, комплексно сопряженные, можно получить один результат из работы Ю.И. Манина [5].

- [1] Новиков Р.Г., Хенкин Г.М. $\bar{\partial}$ -уравнение в многомерной обратной задаче рассеяния // УМН. Т. 42. Вып. 3 (255). 1987. С. 93-152.
- [2] Манин Ю.И. Матричные солитоны и расслоения над кривыми с особенностями // Функц. анализ. Т. 11. Вып. 4 (1978). С. 53-63.
- [3] Кричевер И.М. Интегрирование нелинейных уравнений методами алгебраической геометрии // Функц. анализ. Т. 11. Вып. 1 (1977). С. 15-31.
- [4] Дринфельд В.Г. О коммутативных подкольцах некоторых некоммутативных колец // Функц. анализ. Т. 11. Вып. 1 (1977). С. 11-14.
- [5] Манин Ю.И. Алгебраические аспекты нелинейных дифференциальных уравнений // Современные проблемы математики. М.: ВИНТИ, 1977. Т. 11. С. 5-152.

ВЛИЯНИЕ ДЕГУМИФИКАЦИИ И ЗАСОЛЕНИЯ НА ДИНАМИКУ СОБСТВЕННОГО РАДИОТЕПЛООВОГО ИЗЛУЧЕНИЯ ПОЧВ В САНТИМЕТРОВОМ ДИАПАЗОНЕ

А.П. Бобров, П.П. Бобров, О.В. Галеев

Омский государственный педагогический университет, кафедра общей физики
644099, Омск, наб. Тухачевского, 14

Получена 26 декабря 2000 г.

Multi-temporal remote sensing techniques have been employed in order to make comparative research of microwave emissivity of soil plots with different salt and humus content. The changes in radiobrightness temperature hold a direct relationship with changes of soil aggregation after intensive irrigation. The maximum radiobrightness contrast of plots with different humus content came to 60K and that of salted and non-salted plots - to 30K. The analysis has shown that there is a good correlation between the diurnal changes of emissivity and the initial moisture (a soil moisture in 2-3 hours after irrigation) of plots.

1. Введение

Практически все сельскохозяйственные земли России подвержены деградационным процессам, ухудшающим плодородие почв. Более 97% пахотных угодий имеют отрицательный баланс гумуса. Ежегодно содержание гумуса уменьшается на 0,01-0,05% [1]. Орошаемые земли в значительной степени подвержены засолению. Анализ показывает, что 1/3 орошаемых земель составляют засоленно-солонцовые почвы. Наибольшие суммарные площади засоленных и засоленно-солонцовых почв характерны для сельскохозяйственных угодий Западной Сибири (до 35%) [2]. Деградация почв как динамический процесс не отражается в земельных кадастрах, так как для этого необходимы многолетние режимные наблюдения на больших площадях.

В связи с этим возникает необходимость мониторинга поверхности суши как в региональном, так и в глобальном масштабах. Поскольку локальные наблюдения не могут обеспечить потребности такого мониторинга, данная проблема может быть решена только с использованием методов и средств дистанционного зондирования из космоса.

Основой микроволновых методов является зависимость собственного радиотеплового излучения и рассеяния внешнего сигнала от диэлектрической проницаемости почвенного слоя и степени шероховатости поверхности. Засоление сказывается на действительной части диэлектрической проницаемости почв только при отрицательных температурах [3] и приводит к увеличе-

нию мнимой части диэлектрической проницаемости воды в области длин волн более 10 см при положительных температурах [4]. В последнем случае для дистанционного зондирования засоленных почв пригодны приборы дециметрового диапазона.

Исследования возможного влияния гумуса на диэлектрические и излучательные свойства почв в сантиметровом и дециметровом диапазонах почти не проводились.

При исследовании динамики коэффициента излучения почв с различной степенью засоления нами [5] было установлено, что засоление влияет

Содержание солей, гумуса и физической глины в почве тестовых участков

Участок	Содержание, %		
	гумуса	солей (сухой остаток)	физической глины
1	6.6	0.08	36.0
2	1.1	0.06	44.1
3	6.1	0.08	47.9
4	6.1	1.00	47.9

на изменение структуры почвы в состоянии насыщения влагой. При этом изменяются гидрофизические характеристики почвы, что сказывается на испарении почвенной влаги [6]. Поскольку на водоустойчивость почвенных агрегатов влияет также содержание гумуса, естественно предположить, что динамика влагосодержания почв с различным содержанием гумуса после аналогичного воздействия на почву будет различной.

2. Описание эксперимента

Исследовалась сравнительная динамика радиояркой температуры почвенных участков с различным засолением и содержанием гумуса на частоте 6,25 ГГц. Почвы относятся к тяжелым суглинкам. Для создания тестового участка почвы с низким содержанием гумуса поверхностный гумусовый слой замещался грунтом, взятым с глубины около 1 м из шурфа, расположенного поблизости от тестового участка гумусовой почвы. Засоленный участок создавался искусственным внесением соли NaCl.

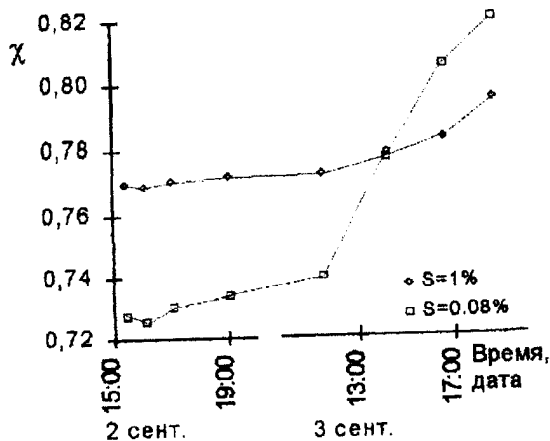

Рис. 1. Сравнительная динамика коэффициента излучения засоленной ($S=1\%$) и незасоленной почв ($S=0,08\%$) на длине волны 4,8 см после интенсивного орошения

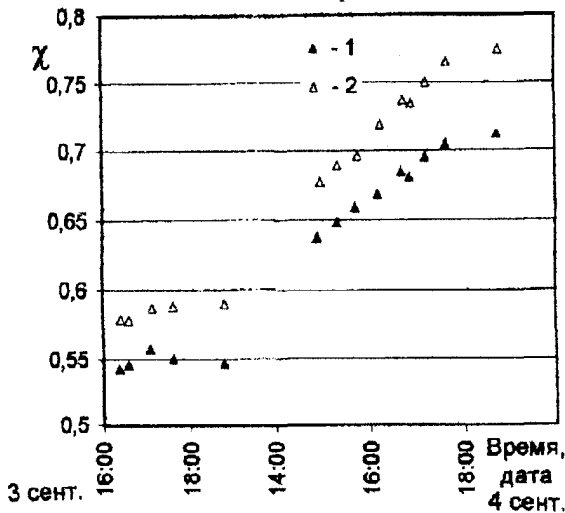

Рис. 2. Сравнительная динамика коэффициента излучения почв с содержанием гумуса $N=6,6\%$ (1) и $N=1,1\%$ (2).

Образцы почв с тестовых участков исследовались на содержание гумуса, солей и физической глины. Результаты этих анализов приведе-

ны в таблице. Почвы тестовых участков 1-3 практически не засолены, мало отличаются как по общему содержанию солей (сухой остаток), так и по солям натрия, влияющим на степень набухания при увлажнении. Гранулометрический состав почвенных участков несколько различается, причем наиболее существенным с точки зрения влияния на гидрофизические характеристики является небольшое различие в содержании физической глины (частиц размером менее 0,01 мм) - 36 и 44%. Основным различием между образцами 1 и 2 является содержание гумуса, а между образцами 3,4 - содержание солей.

Для измерения радиояркой температуры использовался серийный измеритель ПК7-20. Методика измерений не отличалась от описанной в [5]. Погрешность измерения разности яркостных температур соседних участков не превышала 1К.

3. Результаты эксперимента

При исследовании сравнительной динамики коэффициента излучения засоленного и незасоленного участков проведено шесть экспериментальных циклов, начинавшихся достаточно сильным увлажнением участков после их предварительного рыхления и проводившихся почти до полного высыхания поверхностного слоя. При исследовании динамики излучения участков с различным содержанием гумуса проведено восемь экспериментальных циклов. Измерения яркостной температуры $T_{я}$ начинались сразу после инфильтрации влаги, пробы почвы на влажность отбирались через 2-3 часа после орошения (после стекания гравитационной влаги).

Типичная динамика коэффициентов излучения на участках с выраженной деградацией (малогумусового и засоленного) $\chi_{д} = T_{яд}/T$ и на участках с исходной почвой $\chi_{0} = T_{я0}/T$, где T - термодинамическая температура верхнего слоя почвы, приведена на рис. 1, 2.

Как правило, после полива яркостная температура $T_{яд}$ участков была выше, чем $T_{я0}$. Это связано с тем, что, во-первых, из-за меньшей межагрегатной пористости деградированных почв вода слабо проникает внутрь комьев размером более 1 см и разрушает их в меньшей степени. Поэтому после полива поверхность деградированных почв оказывается более шероховатой (с размером неровностей, сравнимых с длиной волны излучения) и ее коэффициент излучения выше. Во-вторых, благодаря более высокой водоудерживающей способности влажность поверхностного слоя (и его диэлектрическая проницаемость) исходной почвы через 2-3 часа по-

сле полива оказывается более высокой.

В течение 1–2 суток после полива в процессе испарения почвенной влаги яркостная температура участков повышалась, при этом поверхностный слой засоленной почвы высыхал медленнее, а малогумусовой – быстрее, чем поверхностный слой исходной почвы.

Поэтому радиояркостный контраст засоленного и фонового участков $\Delta T_{Я}$ уменьшался и затем изменял знак (рис.1), а контраст малогумусового и фонового – несколько увеличивался (рис.2).

Максимальные значения контраста, наблюдавшиеся в эксперименте, составляли до 30К при различии в содержании солей в 1,5% и до 65 К при различии в содержании гумуса в 5,5%. Через 5–7 суток поверхностные слои высыхали и яркостный контраст исчезал полностью или становился очень малым.

Скорость изменения $\Delta T_{Я}$ участков, находящихся в одинаковых метеоусловиях, можно характеризовать суточным относительным изменением коэффициента излучения: $\eta = \Delta \chi_{д} / \Delta \chi_{0}$, где $\Delta \chi_{д}$, $\Delta \chi_{0}$ – суточные изменения коэффициента излучения поверхности деградированных и исходных участков.

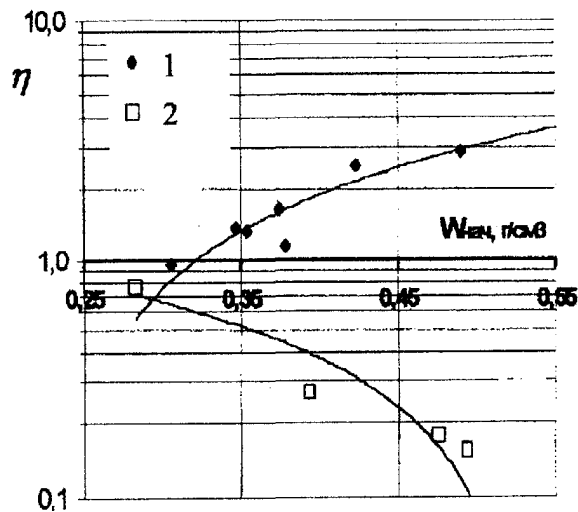

Рис. 3. Зависимость суточного относительного изменения коэффициента излучения от начального увлажнения: 1 - различие в содержании гумуса 5,5%, 2 - различие в засолении 0,9%

Обнаружено, что отношение двух этих величин практически линейно зависит от начального увлажнения $W_{нач}$ (рис.3). При этом дегумификация с 6,6 до 1,1 % содержания гумуса приводит к увеличению η максимум в три раза, тогда как засоление почвы до 1%-ного содержания солей приводит к уменьшению η в шесть раз. В обоих случаях различие в динамике коэффициента излучения возникало при достаточно силь-

ном увлажнении почвы ($W \bar{0},3 \text{ г/см}^3$), что свидетельствует о решающем влиянии изменения структуры почв при интенсивном увлажнении на динамику почвенной влажности [6].

4. Выводы

Проведенные эксперименты показали, что значительное различие в яркостных температурах (до 30–60 К) засоленного и малогумусового участков в сравнении с исходной почвой при одинаковых метеоусловиях может возникать в процессе испарения почвенной влаги только после определенных воздействий на почву искусственного или естественного происхождения, приводящих к заметному разрушению структуры деградированных почв. Такое разрушение структуры может происходить в состоянии насыщения почвы влагой в течение достаточного времени или при кратковременном промерзании. При отсутствии таких воздействий радиояркостный контраст, существующий в течение 2–3 суток после орошения, не превышал 10–20 К.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ фундаментальных исследований в области естественных наук (грант Е00-3.5-46).

- [1] Бондарев А.Г., Кузнецова И.В. Проблема деградации физических свойств почв России и пути ее решения // Почвоведение. 1999. №9. С.1128-1131.
- [2] Панкова А.И., Новикова А.Ф. Деградационные почвенные процессы на сельскохозяйственных землях России // Почвоведение. 2000. №3. С. 366-369.
- [3] Комаров С.А., Клещенко В.Н., Миронов В.Л. Влияние засоленности на диэлектрические свойства влажных грунтов при положительных и отрицательных температурах // Исследование Земли из космоса. 1997. №2. С. 37-44.
- [4] Реутов Е.А., Шутко А.М. Теоретические исследования СВЧ-излучения однородно увлажненных засоленных почв // Исследование Земли из космоса. 1990. №3. С.73 - 81.
- [5] Бобров П.П. Влияние различий в структуре засоленных и незасоленных почв на собственное СВЧ-излучение // Исследование Земли из космоса. 1999. №5. С. 83-87.
- [6] Бобров П.П. Исследование испарения, влажности и структуры поверхностного слоя почв дистанционными микроволновыми методами // Почвоведение. 2000. №5. С.574-578.

ВЛИЯНИЕ КАТИОНА ПРОВОДИМОСТИ В СОЕДИНЕНИЯХ $Me_3Sc_2(PO_4)_3$, ($Me = Li, Na$) НА ИХ ПРОВОДЯЩИЕ СВОЙСТВА

А.С. Ногай

Акмолинский аграрный университет, кафедра электроснабжения
 473000, Астана, пр. Победы, 116, Казахстан ¹

Получена 17 апреля 2001 г.

In the given article the conductive and dielectric properties of ceramic $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ are studied. The comparative analysis properties of $Na_3Sc_2(PO_4)_3$ and $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ is made.

Перспективы широкого применения супер-ионных проводников в современной электронике очевидны [1], [2]. Высокая ионная проводимость $Na_3Sc_2(PO_4)_3$ среди соединений ромбоэдрических каркасных кристаллических структур [3] стимулирует дальнейшее исследование его ближайших аналогов для получения дополнительной информации о природе супер-ионного состояния.

Близким по составу и структуре аналогом фосфата натрия-скандия следует отнести $Li_3Sc_2(PO_4)_3$. В настоящее время изучены его структурные параметры и установлено, что при достаточно высокой температуре (550 К) монокристаллы этого соединения испытывают фазовый переход в супер-ионное состояние [4], причем параметры ионпереноса установлены лишь в высокотемпературной области. В этой связи актуальны синтез и исследование керамических образцов $Li_3Sc_2(PO_4)_3$.

Целью данной работы является исследование проводящих и диэлектрических свойств $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ для установления влияния катионов проводимости на параметры ионпереноса в соединениях $Me_3Sc_2(PO_4)_3$, где $Me = Na, Li$.

Для реализации поставленной задачи были синтезированы керамические образцы фосфата лития-скандия твердофазным синтезом по обычной керамической технологии. Образцы имели форму дисков диаметром 10 мм толщиной 1,5 мм. Контроль приготовленных образцов на однофазность проводился рентгенографически на дифрактометре ДРОН-3. Электроды на поверхность образцов наносились путем вжигания палладиевой пасты при температуре 900 К. Ионная

проводимость и диэлектрические измерения проводились с помощью прибора ВМ-538 в интервале температур от 293 К до 600 К (рис. 1).

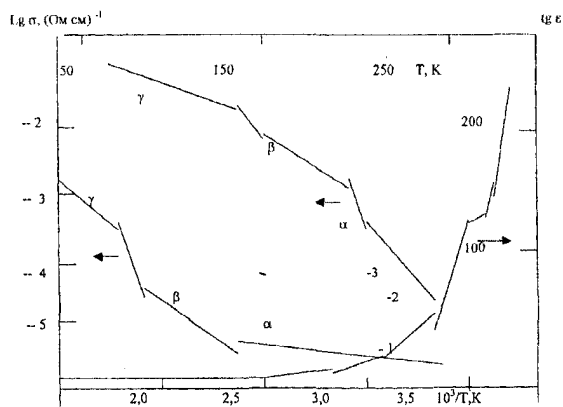

Рис. 1. Результаты измерения температурной зависимости проводимости (σ) фосфата скандия-лития (кривая 1) и диэлектрической проницаемости (ϵ) на частоте измерительного поля 500 кГц (кривая 2)

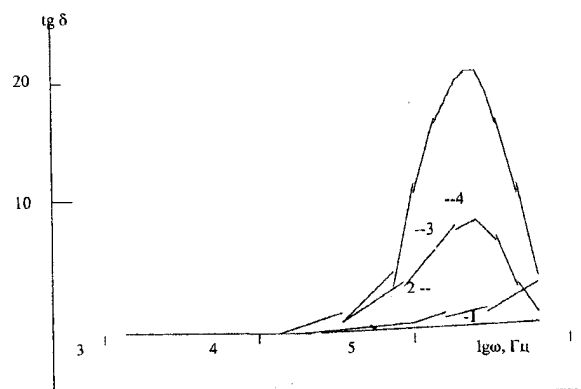
¹e-mail: nogya@mail.ru

Некоторые свойства лития-скандия и натрия-скандия

Параметры	$Li_3Sc_2(PO_4)_3$	$Na_3Sc_2(PO_4)_3$
Температура фазового перехода $T_{\alpha \rightarrow \beta}$, К	418	337
Температура фазового перехода $T_{\alpha \rightarrow \beta}$, К	553	439
Энергия активации E, эВ		
α	0,004	0,54
β	0,38	0,36
γ	0,52	0,2
Проводимость при $T = 293$ К, σ , $(\text{Ом} \cdot \text{см})^{-1}$	$2,5 \cdot 10^{-6}$	$2,6 \cdot 10^{-5}$
Проводимость при $T = 570$ К, σ , $(\text{Ом} \cdot \text{см})^{-1}$	$7,0 \cdot 10^{-4}$	$2,5 \cdot 10^{-2}$
Ионный радиус подвижного Ме-катиона, А	$R_{Li} = 0,68$	$R_{Na} = 0,98$

Для удобства анализа проводящих свойств этого соединения, сопоставим с проводящими свойствами $Na_3Sc_2(PO_4)_3$, представленной кривой 3 на рис.1. По экспериментальным данным (рис.1) легко заметить, что на кривой 3 так же, как и на кривой 1, выделяются три линейных участка, которые можно отнести к трем фазовым состояниям образца (по аналогии с $Na_3Sc_2(PO_4)_3$ [5, с.53], соответственно α -, β -, γ -фазам). Низкотемпературную область кривой 1 на рис.1 обозначим α -фазой. Эта фаза характеризуется невысокой проводимостью и весьма низкой энергией активации (E_a) (параметры ионпереноса приведены в таблице). Кроме того, ее невысокая диэлектрическая проницаемость (рис. 1, кривая 2) и термостабильность во всем температурном интервале существования этой фазы свидетельствуют о том, что практически вся концентрация ионов проводимости находится в упорядоченном состоянии. Эти данные указывают на электронный характер ее проводимости. Таким образом, α -фазу $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ следует считать абсолютно диэлектрической. Переход в β -фазу сопровождается изломом на температурной зависимости проводимости кривой 1 при температуре 425 К. При этом наблюдается заметное повышение проводимости и резкий скачок энергии активации до 0,38 эВ. Столь резкое изменение параметров проводимости можно объяснить изменением ее характера. Данные, приведенные в таблице и на рис. 1, однозначно указывают, что в β -фазе фосфата лития-скандия проводимость является преимущественно ионной. Поскольку электронная составляющая проводимости мала, то ею будем пренебрегать. По всей вероятности ионная проводимость этой фазы связана с фазовым переходом $\alpha \rightarrow \beta$, приводящему к разупорядочению части катионов лития, способных участвовать в проводимости по одному из каналов кристаллического каркаса $\{[Sc_2(PO_4)_3]^{3-}\}_{\infty}$. Значительный скачок проводимости и повышение энергии активации наблюдается при втором фазовом переходе $\beta \rightarrow \gamma$. Проводимость повышается на порядок. Этого можно достичь при пол-

ном разупорядочении катионов лития по всем каналам проводимости. Высокая диэлектрическая проницаемость суперионной γ -фазы (рис.1, кривая 2) и факт наличия тепловой ионной релаксации в температурном интервале этой фазы, показанной на частотной зависимости тангенса угла диэлектрических потерь (рис.2), указывает на полную разупорядоченность катионов лития. Процесс перехода фазы из $\beta \rightarrow \gamma$ сопровождается аномалией диэлектрической проницаемости в виде ступеньки на температурной зависимости $\epsilon(T)$ (кривая 2 на рис.1)

Сопоставляя параметры ионпереноса фосфатов натрия-скандия и лития-скандия (см. таблицу) можно установить, что в случае $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ энергия активации повышается скачком при переходе от низкотемпературной α -фазы в β -фазу и довольно заметно возрастает при переходе в суперионную γ -фазу. Напротив, в случае фосфата натрия-скандия наблюдается обратная закономерность, т.е. при переходе от низкотемпературной α -фазы в суперионные β - и γ -фазы, энергия активации последовательно снижается от 0,54 до 0,2 эВ. Таким образом, уменьшение ионного радиуса подвижного Ме катиона (см. таблицу) в соединениях с каркасной кристаллической структурой ромбоэдрического типа $Me_3\{[Sc_2(PO_4)_3]^{3-}\}_{\infty}$ приводит к увеличению энергии активации и снижению проводимости.

Полученный результат нельзя объяснить в рамках модели потенциального рельефа, построенного для $Na_3Sc_2(PO_4)_3$ по данным структурного и кристаллохимического анализа [6, с.106]. Более общий подход к данной проблеме предполагает, чтобы структура и проводимость определялись из потенциальной энергии подвижных ионов как функции их положений в кристаллическом каркасе и температуры. Именно такой подход, разработанный авторами [7, с.1199], применительно к AgI , лежит в основе теории ионного транспорта. При этом от ионного радиуса катиона проводимости (в частности Ag) в кристаллографическом тоннеле, созданной анионами (I), зависит высота потенциального барьера вдоль траектории движения иона по каналу проводимости, причем минимальная высота барьера реализуется при оптимальных размерах катиона, а его увеличение или уменьшение приводит к соответствующему повышению высоты барьера.

Таким образом, в рамках описанной теории ионного транспорта вполне можно объяснить наблюдаемое увеличение энергии активации проводимости и снижение проводимости при переходе от фосфата натрия-скандия к фосфату лития-скандия в высокотемпературных β - и γ -фазах, т.е. для иона натрия в канале кристаллографического каркаса $\{[Sc_2(PO_4)_3]^{3-}\}_{\infty}$ существуют более благоприятные траектории движения с меньшим энергетическим барьером, чем для ионов лития. Низкотемпературные фазы этих соединений не обсуждаются, поскольку для $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ эта фаза является диэлектрической, а существующая в ней проводимость носит электронный характер.

[6] Ногай А.С., Диль А.Л., Зайнабидинов С.З. К вопросу о влиянии структурных факторов на ионную проводимость $Na_3Sc_2(PO_4)_3$ // Труды Международ. симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения К.И. Сатпаева / КазНТУ. Алматы, 1999. Ч. 3. С. 106-109.

[7] Fligare W.H., Huggins R.A. Theory of ionic transport in crystallographic tunnels // J. Phys.Chem. Solids. 1973. V. 34. P. 1199-1204.

-
- [1] Богатыренко М.В. Твердотельный датчик Vr_2 для комнатной температуры. // Solid state ionics. 1997. 104. №1-2. P.159-162.
- [2] Укше Е.А., Вершинин Н.Н. и др. Функциональные элементы твердотельной электроники на суперионных проводниках // Зарубежная электроника. 1982. №7. С. 53-65.
- [3] Калинин В.Б., Стефанович С.Ю., Ногай А. Кристаллохимия и свойства соединений и твердых растворов типа $Na_{1+x}Zr_2Si_xP_{3-x}O_{12}$ // Неорганические материалы. М.: АН СССР, 1986. Т.22. №1. С. 107-111.
- [4] Иванов-Щиц А.К. Ионная проводимость изоструктурных кристаллических суперионных проводников $Li_3Fe_2(PO_4)_3$ и $Li_3Sc_2(PO_4)_3$ // ФТТ. 1997. Т. 39. С. 83-86.
- [5] Ногай А.С. Влияние давления на ионную проводимость керамики $Na_3Sc_2(PO_4)_3$ // Вестник науки ААУ им. С. Сейфуллина. 1997. №8. С.93-98.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ СТАЦИОНАРНЫХ И НЕСТАЦИОНАРНЫХ СОСТОЯНИЙ В ДЛИННЫХ ДЖОЗЕФСОНОВСКИХ ПЕРЕХОДАХ

Е.А. Яшкевич, К.Н. Югай

Омский государственный университет, кафедра общей физики,
 644077 Омск, пр. Мира, 55-А

Получена 26 марта 2001 г.

Stationary and nonstationary states in long Josephson junctions are investigated. Bifurcation lines on the parametric bias current-external magnetic field plane are calculated. It is shown that the area limited by bifurcation lines is an area of coexistence of stationary and nonstationary states.

Длинный джозефсоновский переход как физическая и математическая модель нелинейных систем представляет большой интерес. В длинном джозефсоновском переходе был обнаружен динамический хаос [1]. В предыдущей работе [2] получены бифуркационные кривые для стационарных состояний. Было показано, что в области малых значений внешнего магнитного поля и тока смещения существуют только стационарные состояния и их число максимально для данной длины перехода. Однако при увеличении магнитного поля и тока смещения число стационарных состояний уменьшается. Это уменьшение стационарных состояний сопровождается увеличением числа нестационарных состояний. В настоящей работе нами найдены области сосуществования стационарных и нестационарных состояний для различных значений длины перехода и коэффициента диссипации.

Стационарные состояния в длинных джозефсоновских переходах описываются нелинейным стационарным уравнением Феррелла-Прейнджа:

$$\varphi_{xx}(x) = \sin\varphi(x) - \beta, \quad (1)$$

$$\varphi_x(x)|_{x=0} = \varphi_x(x)|_{x=L} = H_0, \quad (2)$$

где $\varphi(x)$ – разность фаз волновых функций на переходе, β – плотность тока, нормированная на критическую плотность тока j_c , H_0 – постоянное внешнее магнитное поле, перпендикулярное к переходу и нормированное на $\tilde{H} = \Phi_0 / (2\pi\lambda_J d)$, Φ_0 – квант потока, $d = 2\lambda_L + b$, где λ_L – лондоновская глубина проникновения

магнитного поля, b – толщина диэлектрического барьера, L – длина джозефсоновского перехода, нормированная на λ_J . Уравнение (1) с граничными условиями (2) при заданных H_0, β, L имеет множество решений, число которых растёт с увеличением длины перехода [?]. В связи с этим возникает проблема выбора решения.

С термодинамической точки зрения, решение, соответствующее устойчивому состоянию, должно соответствовать минимуму термодинамического потенциала Гиббса, который в нашем случае имеет вид:

$$G = \int_0^L \left\{ \frac{1}{2} \varphi_x^2(x) + 1 - \cos\varphi(x) - \beta\varphi(x) - H_0\varphi_x(x) \right\} dx, \quad (3)$$

где G – термодинамический потенциал Гиббса, нормированный на величину $\tilde{G} = \Phi_0^2 / (16\pi^3\lambda_J d)$. Ранее было показано, что экстремальное значение уравнения (1) соответствует минимуму термодинамического потенциала Гиббса [2]. Для стационарных состояний поток для бесконечно длинного перехода может быть вычислен следующим образом:

$$\Phi = \frac{1}{2\pi} \int_{-\infty}^{\infty} \varphi_x(x) dx = n, \quad (n = 1, 2, 3, \dots), \quad (4)$$

$$\varphi(x)|_{x \rightarrow -\infty} = 0, \quad \varphi(x)|_{x \rightarrow \infty} = 2\pi.$$

Поток Φ нормирован на квант потока Φ_0 . Для переходов конечной длины выражение для потока можно записать в виде:

$$\Phi = \frac{1}{2\pi} \int_{x_1}^{x_2} \varphi_x(x) dx = \frac{1}{2\pi} [\varphi(x_2) - \varphi(x_1)], \quad (5)$$

²e-mail: yugay@univer.omsk.su

где x_1 и x_2 – ближайшие точки к левому и правому берегам перехода соответственно. Используя данное определение точек, были найдены следующие состояния:

- 1) $\Phi = 0$,
- 2) $\Phi = n, n = 1, 2, 3, \dots$,
- 3) $\Phi = n/2 \pm \arcsin \beta/\pi, n = 1, 2, 3, \dots$ (6)

Значение $\Phi=0$ соответствует мейсснеровскому и квазимейсснеровскому состояниям, $\Phi=n$, ($n=1,2,3,\dots$) соответствует флюксонному и антифлюксонному состояниям и $\Phi=n/2 \pm \arcsin \beta/\pi$, ($n = 1, 2, 3, \dots$) – всем остальным состояниям. Состояния с полуцелым числом квантов потока всегда нестабильные, флюксонные состояния являются стабильными, а антифлюксонные – нет. Среди состояний с нулевым числом квантов потока только мейсснеровские состояния являются стабильными [5].

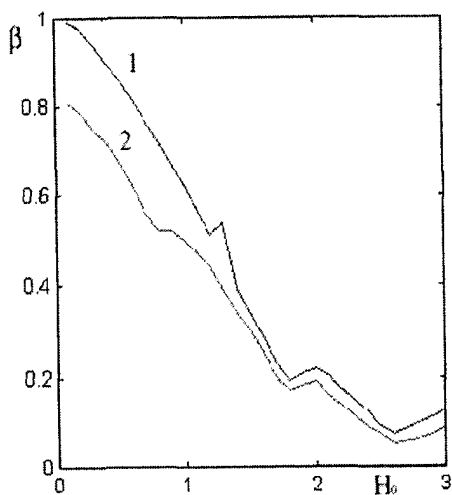

Рис. 1. Область сосуществования стационарных и нестационарных состояний для перехода длины $L=5, \gamma=0,13$; 1 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования стационарных состояний; 2 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования нестационарных состояний.

При помощи численного интегрирования уравнения (1)-(2) были найдены стационарные состояния системы и построена в параметрической плоскости $\beta-H_0$ бифуркационная кривая – линия, разделяющая параметрическую плоскость на две области (рис.1,2,3 кривая 1). Выше бифуркационной кривой расположена область существования нестационарных состояний, ниже – область существования стационарных состояний. Данная кривая получена для переходов различной длины: $L = 5, 8, 10$. Известно, что число стационарных состояний уменьшается с увеличением тока β , одновременно с этим увеличивается

число нестационарных состояний, которые можно найти с помощью численного интегрирования нестационарного уравнения \sin -Гордона:

$$\varphi_{tt}(x, t) + 2\gamma\varphi_t(x, t) - \varphi_{xx}(x, t) = -\sin \varphi(x, t) + \beta, \tag{7}$$

$$\varphi_x(x, t)|_{x=0} = \varphi_x(x, t)|_{x=L} = H_0, \tag{8}$$

где t – время, нормированное на джозефсоновскую частоту $\omega_J, \omega_J = (2\pi c j_c / C\Phi_0)^{1/2}$, γ – коэффициент диссипации. При вычислении потока для переходов конечной длины для нестационарных состояний точки x_1 и x_2 будут зависеть от времени $x_1 = x_1(t), x_2 = x_2(t)$. Эти точки определяют, используя условия исчезновения полного тока в переходе. Используя эти условия, были определены следующие состояния [5]:

- 1) $\Phi = 0$,
- 2) $\Phi = n(t), n = 1, 2, 3, \dots$,
- 3) $\Phi = n(t)/2 \pm \arcsin \beta/\pi, n = 1, 2, 3, \dots$ (9)

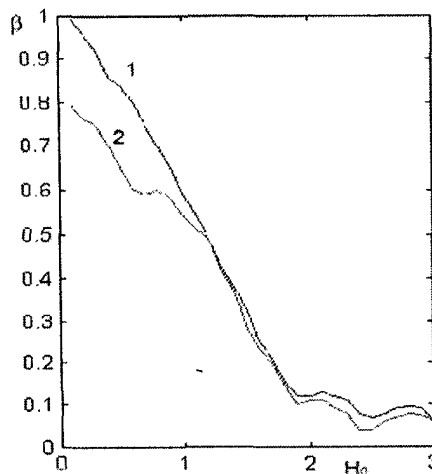

Рис. 2. Область сосуществования стационарных и нестационарных состояний для перехода длины $L=8, \gamma=0,13$; 1 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования стационарных состояний, 2 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования нестационарных состояний.

Численно решая нестационарное уравнение \sin -Гордона и используя выражение для квантование потока, в параметрической плоскости $\beta-H_0$ построена бифуркационная кривая, ограничивающая область существования нестационарных состояний (рис. 1,2,3 кривая 2). Ниже данной кривой находится область существования стационарных состояний.

Область, ограниченная двумя бифуркационными кривыми является областью сосуществования стационарных и нестационарных состояний. Эта область рассчитана для переходов различной длины: $L = 5$ (рис.1), $L = 8$ (рис.2), $L = 10$ (рис.3), $\gamma = 0,13$. На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что размеры области зависят от длины перехода, а также от коэффициента диссипации γ .

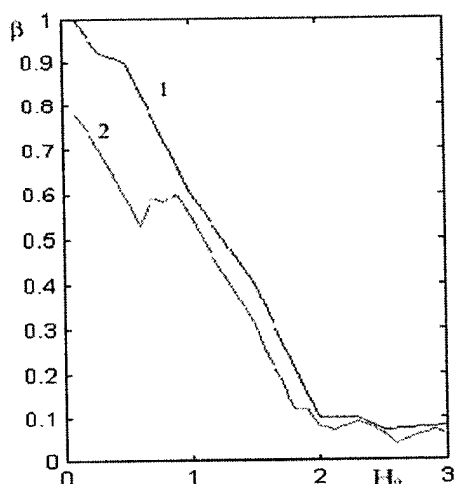

Рис. 3. Область сосуществования стационарных и нестационарных состояний для перехода длины $L=10$; 1 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования стационарных состояний; 2 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования нестационарных состояний, $\gamma=0,13$.

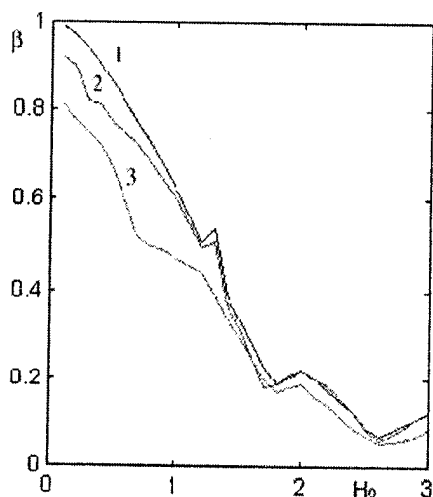

Рис.4. Область сосуществования стационарных и нестационарных состояний для перехода длины $L=5$; 1 – бифуркационная кривая, ограничивающая область существования стационарных состояний; бифуркационная кривая, ограничивающая область

существования нестационарных состояний: 2 – $\gamma=0,26$, 3 – $\gamma=0,13$.

На рис.4 представлены бифуркационные кривые, рассчитанные при различных значениях коэффициента диссипации: $\gamma=0,13$ (кривая 3) и $\gamma=0,26$ (кривая 2), из которого видно, что с увеличением γ область сосуществования сужается, и бифуркационные кривые, соответствующие стационарным и нестационарным состояниям, в некоторых точках сливаются в одну кривую.

В результате нашей работы получены области сосуществования стационарных и нестационарных состояний для длинных джозефсоновских переходов. Заметим, что внутри этих областей одновременно реализуются стационарные и нестационарные состояния, что характерно только для нелинейных систем, к которым относятся джозефсоновские переходы. Мы предполагаем, что именно в этих областях находятся "полоски хаоса" [2]. В дальнейшем планируется, используя область сосуществования, исследовать динамический хаос.

- [1] Yeh W.J., Symko O.G, Zheng.D.J. Chaos in long Josephson junctions without external rf driving force // Phys. Rev. 1990. V.42. №7. P. 4080–4087.
- [2] Yugay K.N., Blinov N.V., Shirokov I.V. Bifurcations and chaos strip in states of long Josephson junctions // Fiz. Nizk. Temp. 1999. V.25. №7. P. 712–717.
- [3] Yugay K.N., Blinov N.B., Shirokov I.V. Asymptotic states in long Josephson junctions in an external magnetic field // Phys. Rev. 1993. V. 49. №17. P. 12036–12039.
- [4] Yugay K.N., Blinov N.V., Shirokov I.V. Effect of memory and dynamical chaos in long Josephson junctions // Phys. Rev. 1994. V.51. №18. P. 12737–12741.
- [5] Yugay K.N., Blinov N.V., Shirokov I.V. Flux quantization in stationary and nonstationary states in long Josephson junctions // Low Temper. Phys. 2000. V.26. №11. P. 791–795.

ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ОБРАЗОВАНИЕ

Т. А. Рубанцова

*Институт философии и права СО РАН
634090, Новосибирск, ул. Лаврентьева, 2*

Получена 5 декабря 2000 г.

In this paper the correlation between postmodernist state of society and education is considered.

Для XX в. характерно мультикультурное пространство образования, которое формируется в эпоху постмодернизма. Человек оказывается в ситуации плюрализма, множественности культур, ставящей перед познающим субъектом вопрос о том, кто он сам по культуре, где проходит граница между его культурой и той, которую он изучает. Если культур много, то знание о культуре и существование в ней часто не совпадают друг с другом. Попытаемся выделить философские основания содержания постмодернистской концепции образования.

Человек *поликультурен*, если даже он воспитывался и образовывался в определённом типе культуры и сознательно разделяет её нормы и ценности. Он открыт не только наличным формам культуры своего настоящего, но и прошлому — разнообразию истории, сменяющим друг друга типам знаково-символических систем во всём их богатстве. Как духовное существо он свободен и вправе выбирать направления и содержание своей духовной жизни и ценностей из всего культурного хранилища человечества, особенно с развитием средств массовой коммуникации. И хотя он выбирает то, что отвечает запросам и условиям его бытия, всё же выбор его может быть альтернативным — принять или отвергнуть [1, с. 55–85].

В этом сложность и противоречивость культурной динамики человека. Система образования и его содержание должны иметь “запас свободы”, создаваемый поликультурностью. Данный подход детально описан Сёрла в статье “Рационализм и реализм” [1, с. 56]. Он анализирует западную рационалистическую традицию, которая обладает объективным характером зна-

ния, свободного от интерпретаций. Эти критерии объективны в смысле “независимости от сознания людей, которые пользуются этими критериями”, — пишет он. Сёрл считает, что можно пользоваться в процессе познания intersubjectivными методами, они расширяют мыслительные возможности человека. Эти методы хороши для гуманитарных и общественных наук, а для естественных и технических — объективные критерии [2].

Образование решает проблему *культурного самосознания личности* в современном мире, а также проблему выбора ценностей, с которыми личность себя отождествляет. Мы имеем дело с осознанием своего культурного выбора, с творением собственного “Я”. Культурное самоопределение связано с выбором индивидом разных форм культурной активности и предметной направленности индивидуальных культурных интересов с их последующей трансформацией и развитием. В процессе вхождения в культурное пространство образования встаёт проблема идентичности, тождественности человека самому себе [2]. Личность в процессе аккультурации не должна потерять свой образ и своё отношение к окружающему миру. Многокультурность образования для личности предполагает: убеждение в ценности проявлений культуры для саморазвития личности; самооценку собственной культурной деятельности в процессе образования; способности к отбору ценностей культуры сообразно своим установкам и нравственным идеалам и нормам.

Следовательно, определённому типу культуры соответствует определённая образовательная модель. Она культурно зависима, в своих осно-

ваниях содержит культурные традиции и ценности народов. Постмодернисты последовательно отстаивают идею о том, что образование должно основываться на многообразии. В полемике с Куном, Деридой, Рорти Сёрл развивает мысль о том, что в диспутах о целях образования должны быть поставлены идеалы правды, рациональности и объективности. Он отмечает две различные культурные традиции в образовании — традиционалистские и постмодернистские университеты. Первые образовательные центры накапливают и приумножают знание ради знания, университеты постмодернизма опираются на простейшую концепцию науки — получать реальные доказательства, оформлять их в теории к тем областям знания, к которым они относятся [1, с. 58].

Трансляторами культуры в образовании выступают учащийся и учитель, однако следует отметить особую роль учителя в этом процессе, т.к. “культурный текст” прочитать и передать может только человек с развитыми культурными потребностями и способностями. Он выбирает набор знаний, ценностей, символов, идеалов, т.е. именно учитель изначально выделяет информацию разных видов, определяет пропорции, этапы и методы её усвоения, что и составляет педагогически организованный процесс усвоения культуры [3].

Образование необходимо осознать как сложный культурный процесс. Следует заметить, что в отечественной научной литературе данная проблема мало разработана. Необходимо изменить взгляд на обучаемого как на субъект воспитания и рассматривать его как субъект жизнедеятельности в целом. Новые культурные ценности современного образования, преодолевая собственные стереотипы, должны выстраивать новое *культурное педагогическое пространство*. Это возможно лишь через *гуманизацию образования*.

В XXI в. ясно видны изъяны системы образования. Во-первых, построенное для передачи специализированного иерархизированного знания пространство образования не справляется со своей задачей, так как *объём знания в культуре* не только значительно превысил возможности передачи его через канал образования, но и продолжает быстро *увеличиваться*.

Во-вторых, массовость образования, *демократизация* как среднего, так и высшего образования приходят в противоречие с *принципом отбора* учащегося по уровню усвоения знания (принципом оценки его знания и перевода его со ступени на ступень): школа вынуждена либо снижать критерий оценки, ориентируясь на слабо успевающих учеников, но тогда она “грешит” против Истины, либо делить школы на “элитные”

и “массовые”, но тогда она отходит от демократизации образования.

Наконец, в-третьих, сложившаяся в культуре Нового времени система образования нацелена *на обучение, а не на воспитание*. Возможно, оно и присутствует в школе, но сама архитектура педагогического пространства его не предполагает, в нём просто нет места для воспитания и воспитателя. Содержание урока может производить воспитательный эффект, который учитель-предметник может усилить, но это не функция урока как структурного элемента педагогического пространства, не действие урока как такового, это, скорее, результат либо *самостоятельного осмысления учеником содержания знания, либо личностного общения учителя и учеников*.

Из сказанного можно сделать вывод: поскольку архитектура самого педагогического пространства современной системы образования не ориентирована на вовлечение в работу личности учащегося и личности учителя (не формирует ценностного мышления, а только мышление сциентистское, не формирует ответственного сознания, а только сознание функционера), постольку необходимо создание совершенно новой архитектуры педагогического пространства, которая бы объективировала новые цели образования.

Каким должен быть модуль этой новой архитектуры?

Если абстрагироваться от национальных особенностей культур и сосредоточить внимание на логике организации смысла в современной постмодернистской культуре, то можно выделить ряд её особенностей. Она перестала быть культурой отраслевой. Социальное и культурное развитие характеризуется всё углубляющейся интеграцией. В связи с этим в культуре формируется новый тип рациональности. Если классическая рациональность вела мысль через ряд жёстко связанных между собой понятий, этапов, суждений и т.п., то мысль в современной культуре движется по “случайным” траекториям, *ассоциативность*, по выражению К. Леви-Стросса, становится доминирующей чертой мышления. Случай, прецедент приобретает огромное значение в логике новой рациональности. Умение ухватить, понять новое, появившееся здесь и сейчас, вписать это новое в свою деятельность, сразу отказавшись от стереотипа, составляет особенность типа мышления современной культуры.

Способность не только видеть типичное в явлениях и событиях, но и замечать, понимать особенное и индивидуальное, не отбрасывая последнее в процессе размышления и познания, также входит в стиль нового мышления. Логика движения мысли определяется не отнесением к некоему исходному и фундаментальному опреде-

лению или понятию, а отнесением к интересу и ценности, из которой исходит мыслящий субъект и которые он утверждает. Последовательность и однозначность такого “участного мышления” гарантируется, как писал М.М. Бахтин, “подписью” действующей личности, её ответственностью за своё постоянство, что, конечно, должно войти в самую ткань подобного аксиологического мышления [4].

Современная культура — это *культура диалога, а не монолога*. Подробно идея диалогичности культуры разработана в отечественной философской литературе В.С. Библером [5]. Философ отмечает, что культура по своей природе вообще, а современная культура это обнаруживает наиболее ярко, несёт в себе энергию в силу диалога, благодаря которому актуализируются любые смыслы культуры. Поскольку “участное мышление” лично, то культура неминуемо должна включать в себя многообразие личностно ориентированных мыслей, каждая из которых не только имеет право на существование, но и приобретает свою определённую только в отношении к таким же другим мыслям, т.е. через диалог. Именно поэтому для системы образования очень важно признание особой роли в нём *полифоничности, диалога* как принципа существования различных культурных образовательных моделей. В качестве универсального средства выступает диалог различных исторических эпох, культур. Поэтому в рамках современной образовательной парадигмы *диалог* становится важнейшим условием вхождения в культуру.

Современная культура — это культура, которая должна быть ориентирована не на пользу, а на *самоценность человека как уникальности, как личности*. Хотя ещё Кантом был провозглашен принцип — человек всегда должен быть целью и никогда не должен быть средством, но именно для современной культуры он становится регулятивной идеей, а не просто гуманистическим мечтанием. Универсальной целью любой образовательной деятельности является совершенствование человека в культурном контексте его существования, т.е. в процессе гуманизации образования.

Следовательно, образование нужно рассматривать как канал, который воспроизводит культуру. Как замечает Библер, оно должно формировать “человека культуры”, способного работать с разными типами мышления, с идеями различных культур. Не может и не должен чужой человек, даже если он педагог, без спроса, ведома и желания человека “лезть” в душу, касаться личности. Вспомним, что личность — это достоинство самого индивида.

Попытку анализа методологических основ ор-

ганизации учебного процесса в университете дал Сёрл в своей статье “Рационализм и реализм, на что ставка?”. Образование стоит перед вызовом: на чём выстраивать учебные планы? Ответ ясен — на концепции рационализма, правды, объективизма и реальности, с которыми сталкивается высшее образование. Он выделяет две различные культурные традиции: первая связана с накоплением, исследованием и расширением знания, как и было всегда в университетах. Это традиционная модернистская модель.

Второе направление выражает гораздо большее стремление разрешать научные проблемы и исследовательские проекты, прикрываясь вывеской. “Я бы назвал такую культуру “постмодернизмом”, — пишет Сёрл [1, с. 57]. Традиционные университеты накапливают и приумножают знания ради знаний и их практического применения. Они вне политики. Университеты постмодернизма политизированы. Исследования, проводимые этими университетами, проводятся в угоду политике. Постмодернисты предпринимают попытки представления о природе правды, объективности, рациональности, реальности.

П. Эмберли отмечает, что в США и Канаде идет широкая дискуссия по поводу учебных планов. По мнению одних, тридцатилетние эксперименты с обучением, сфокусированным на учащемся, а также на процессе, связанном со свободным выбором предметов, сделали учебный план бессодержательным и педагогически неэффективным. По мнению других, учебный план по-прежнему несет черты авторитаризма, привилегий и устарелости и нуждается в дальнейших радикальных преобразованиях [6, с. 250–270]. Он утверждает, что “сегодня в образовании отсутствует баланс между признанием свободы и самоконтроля, автономии и целостности. “Левые” и “правые” рвут образование на части. Построение учебного плана должно происходить с учетом двух противоположных тенденций — стремлением к целостности и к обновлению” [6, с. 268].

По мнению П. Эмберли, только базовый учебный план, основанный на базовых текстах, может способствовать развитию рефлексивности мышления, критицизма, чувства меры. Тексты могут быть разные, главное, чтобы их авторы поднялись до того, что Гегель называл “конкретным всеобщим”, чтобы они сумели представить события как часть осмысленного целого и дать таким образом символы для упорядочения сложной природы человека” [6, с. 270]. Далее он подвергает критике “левых”, которые, борясь против любых ограничений социальной мобильности, видят в расе, поле, этничности средство, с помощью которого идет конструирование соци-

альной идентичности. Они берут на себя миссию радикальной деконструкции всего. “Безжалостный негативизм деконструктивистов оказывается коррозией, которая разъедает и уничтожает преемственность и связность. Стремление человека к порядку, единству и преемственности отрицается, что по существу отрицает существование позитивных связей человека с бытием”, — пишет Эмберли [6, с. 267].

Как решить эту проблему? Ответ уже найден педагогической практикой. Ч. Темпл, К. Мередикт и Д. Стил разработали учебный проект “Чтение и письмо для критического мышления”. В своем пособии “Как учатся дети” они демонстрируют новый гуманистический подход к решению проблемы обучения ребенка или студента. Цель авторы ставят достаточно скромную: “Разработать единый связный набор обучающих методов, благодаря которым учащиеся смогут активно участвовать в уроках и приобретать знания” [7, с. 4].

Интересными являются теоретические основания данного подхода: прежде всего это конструктивизм, который “подчеркивает активную роль учащегося в создании или “конструировании” знания на базе собственной деятельности по поиску, обнаружению истины и рассуждению. Разрабатывать критическое мышление, которое означает: “Думать критически, проявлять любознательность и использовать исследовательский поиск” [7, с. 16]. М. Липман отмечал, что термин “критическое мышление” может относиться практически ко всей умственной деятельности. Он и его коллеги разработали комплект дидактических материалов, которые, отталкиваясь от удивления, развивают в детях исследовательское и аналитическое начало.

Учащиеся вправе подвергать сомнению достоверность или авторитетность полученной информации, тщательно проверять логику доказательств, делать выводы, конструировать новые примеры для ее применения и т.д. (Мэтьюз, Колберг, Пиаже). Красной нитью через все эти исследования проходит следующая мысль: эффективное, прочное, применимое к новым ситуациям образование в основе своей представляет способность осмыслить информацию и использовать идеи, находящиеся как бы под рукой. Лучше всего это происходит, когда учащиеся интериоризируют, синтезируют и принимают чужие представления как свои.

Ценными членами общества являются люди, которые умеют не только сотрудничать и ладить с окружающими, но и осмысливать ход истории, принимать важные решения с гуманистической ориентацией, что означает способность сочувствовать, сопереживать (Selman); ощущать

собственную значимость, когда человек чувствует, что его личное участие в делах общества имеет ценность (Colby, Merelma, King), осознает важность своей жизни (Ericson).

Предлагаемые учебные методы в рамках “критического мышления” основываются на демократии, ставят своей главной целью создание учебной среды, где “детям в школе должна быть предоставлена свобода, чтобы в будущем, встав у кормила власти, они знали, как ее использовать; пусть развивают инициативу, предприимчивость, независимость”, — так писал Дьюи, и его слова не потеряли своей значимости и для сегодняшнего дня [8].

Современная картина мира — это картина постмодерна, она состоит из множества “картин мира”, теорий, ценностей, культурных традиций. Образование должно учитывать указанные процессы, ведь в современном обществе постмодернизма происходят стремительные перемены. И если исходить из тезиса о *культуросообразности* образования, то следует говорить о взаимосвязи двух процессов — гуманизации и гуманитаризации образования. Необходимо пересмотреть место и роль культурной традиции в образовании, а также роль циклов гуманитарных дисциплин, внутренне не связанных единым культурным полем с традициями мировой и отечественной культуры. Анализ связи образования и культуры показывает непосредственную зависимость их друг от друга. Культура должна определять структуру, логику образовательного процесса. Построение педагогического пространства в соответствии с логикой культуры позволит направить её деятельность на формирование “человека культуры” через аккультурацию личности.

- [1] Serl J. Rationality and Realism. What is stake? // Daedalus Journal of American of Arts and Sciences. Fall, 1993.
- [2] Барблан А. Иерархия знания // Alma mater. 1994. № 3. С. 34.
- [3] Давыдов В.В., Зинченко В.П. Культура, образование, мышление // Вопросы образования: Перспективы. 1991. № 3. С. 8.
- [4] Бахтин М.М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. М., 1986. С. 102–112.
- [5] Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. М., 1981. С. 42–48.
- [6] Emberly P.C. The restoration and of core curricula // Providence. 1996. V. 3.
- [7] Темп Ч., Мередикт К., Стил Д. Как учатся дети: Свод основ. Новосибирск, 2000.
- [8] Дьюи Дж. Проблемы человека. М., 2000. С. 58.

ИДЕИ Н.А. БЕРДЯЕВА О ЧЕЛОВЕКЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.Н. Смирнова

*Омский государственный университет, кафедра философии,
644077, Омск, пр. Мира, 55а*

Получена 27 марта 2001 г.

Berdyayev's ideas about a man and relation these ideas with modern period are analysed in this article.

Интерес к философскому наследию Н. Бердяева во многом объясняется характером взглядов русского философа, их обращенностью к человеку, свободе и творчеству, тем, что он тесно связывал философию с человеческим существованием, поисками смысла жизни, с нравственным возвышением человека. Н. Бердяева не устраивало нынешнее, несовершенное, "болезненное", неподлинное состояние мира. Преобразовать, одухотворить мир, привести его в подлинное состояние может и должен сам человек. Русский мыслитель считал, что проблемы человеческого существования должны быть центральными в философии. Правильно понять мир, в котором он живет, можно лишь под углом зрения существования человека, его судьбы. "Человек не устраним из философии: философия есть прежде всего учение о человеке, о целостном человеке и учение целостного человека. Это есть философское учение о человеке, а не биологическое, психологическое или социологическое учение о человеке... Философия неизбежно антропологична, но познает бытие в человеке и через человека. И весь вопрос в том, чтобы повысить качество этого антропологизма..." [1, с. 29–30].

Философская антропология – философское учение, дающее системный анализ сущности и природы человека, его исторического назначения (в бердяевском понимании), выявления места и роли человека в социальной системе и духовной жизни общества.

Основные категории в философской антропологии: человек, индивид и личность. Следует отметить, что индивид и личность не существуют порознь друг от друга, это различные ракурсы, фрагменты, состояния, "качествования" человека. Человек есть понятие родовое, выражающее общие черты, присущие человеческому роду. По

Бердяеву, человек принадлежит двум, а точнее трем мирам: природному, социальному и духовному, следовательно, можно сказать, что природа человека биосоциодуховна.

Для понимания того, что такое личность очень важно установить различия между индивидуумом и личностью. "Индивидуум есть категория натуралистическая, биологическая, социологическая. Индивидуум есть неделимое в отношении к какому-то целому, атом. Он не только может быть частью рода или общества, как и космоса в целом, но он непременно мыслится как часть целого и вне этого целого не может быть назван индивидуумом" [2, с. 20–21]. Индивидуум не только характеризуется как подчиненная часть целого, но и как часть эгоистической самоутверждающаяся. Поэтому индивидуализм, производный от слова "индивидуум", не означает независимости по отношению к целому, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого. У Бердяева индивид ассоциируется с природносоциальным существом, существом не свободным, поведение которого детерминируемо природой и обществом.

Но человек не только индивидуум, по мнению Н. Бердяева, но также и личность, и именно с личностью связана идея человека, его призвание в мире. "Не разные два человека, а один и тот же человек есть индивидуум и личность. Это не два разные существа, а два качествования, две разные силы в человеке" [2, с.21]. Человек занимает промежуточное состояние между зверем и Богом, и в зависимости от того, какая сила в человеке преобладает, в таком направлении и движется человек. Именно в связи с этим и критиковал русский философ гуманизм, не отрицая его положительного значения в качестве момента в

раскрытия человеческой личности. "Ошибка гуманизма была совсем не в том, что он слишком утверждал человека, что он толкал на путь человекобожества, как часто утверждалось в русской религиозной мысли, а в том, что он недостаточно, не до конца утверждал человека, что он не мог гарантировать независимость человека от мира и заключал в себе опасность порабощения человека обществу и природе" [2, с. 26]. Есть два способа рассмотрения человека — сверху и снизу, от бога и духовного мира и от бессознательных космических, биологических и социальных сил. Последний познает человека как существо, детерминируемое подсознательными сексуальными влечениями, экономическими интересами или другими факторами. Из тех, которые смотрели на человека снизу, наибольшее значение имеют К. Маркс и З. Фрейд. При данном подходе человека рассматривают частично, изучая те или иные стороны, раздробляя его. В данном случае человек познается как объект. Н. Бердяев настаивает на необходимости философской антропологии, которая будет изучать человека в его целостности, в сложном единстве, будет познавать человека в роли субъекта, т.к. именно в субъекте раскрывается идущая изнутри творческая энергия человека. Учения же, рассматривающие человека сверху, — личностные учения.

Что касается личности, на наш взгляд, уместно процитировать известного советского философа Э.В. Ильенкова о том, что "Человеческая личность, по старинке называемая иногда "душой", той самой "душой", которую каждый человек знает как свое "Я", как нечто уникально-неповторимое, неразложимое на какие-либо общие составляющие и, стало быть, принципиально ускользающее от научно-теоретических определений и даже невыразимое в словах (ведь слово выражает только "общее"), тем самым объявляется своего рода запретной зоной ... для объективного изучения вообще, для научного мышления..." [3, с. 388]. По Бердяеву, тайна существования личности, в ее однократности и единичности, в ее несравнимости. Личность должна быть исключением, никакой закон к ней не применим. И поэтому неслучайно он ради метафизического оправдания человеческой свободы ее онтологизирует. Н. Бердяев признавал существование не только внеприродного, но и внебожественного онтологического источника свободы человека - иррациональную свободу. Она представляет тайну, ей нельзя дать рациональное определение. Точно также нельзя дать рациональное определение и личности, которая ассоциируется у Бердяева со свободой и духом. Но можно указать, что она имеет стихийно-бессознательную основу и выделить ряд существенных черт.

Личность не есть биологическая или психологическая категория, но категория этическая и духовная. Духовность — аксиологична. "В человеке есть духовное начало, как трансцендентное в отношении к миру, то есть превышающее мир. Сознание и самосознание связаны с духом. Сознание не есть лишь психологическое понятие, в нем есть конструирующий его духовный элемент. И потому только возможен переход от сознания к сверхсознанию. Дух есть действие сверхсознания в сознании. Духу принадлежит примат над бытием" [4, с. 18]. Причем дух Бердяевым понимался как универсальный, отличный от объективного, который есть порождение мысли и имеет самостоятельное существование. Универсальное существует не как существо вне личностей, а как высшее содержание жизни личностей, как сверхличностные ценности в человеке. Личность есть субъект, а не объект, она вкоренена во внутреннем плане существования, т.е. в мире духовном, в мире свободы.

Личность есть целое, она не может быть частью, она микрокосм. Каждая личность является целью сама по себе, она не может быть средством для чего-либо. Личность есть неизменность в изменении. Субъект изменения остается одним и тем же лицом. Для личности разрушительно, если она застывает, останавливается в своем развитии, не возрастает, не обогащается, не творит новой жизни. И так же разрушительно, если изменение в ней есть измена (если она перестает быть самой собой, если у нее разрушен и полностью отсутствует духовный стержень). Личность есть единство во множестве.

Существенно для личности, что она предполагает существование сверхличного, того, что ее превосходит и к чему она стремится.

Личность может быть понята лишь как акт, она противоположна пассивности, она всегда означает творческое сопротивление. Творческий акт не может быть повторением, он всегда несет с собой новизну, т.к. в творческий акт приходит свобода. Личность есть творчество. В то же время нужно учитывать, что наличие свободы в творчестве (с ее случайностями, индетерминизмом) ведет к тому, что дух не всегда адекватно воплощается в продуктах человеческой деятельности; человек может порождать объекты, чуждые ему: в них могут входить односторонние рационализированные моменты духа, губящие духовность; это же объясняет и наличие заблуждений, зла и несправедливости в мире.

Сознание личности глубоко связано с существованием зла. Личность укрепляется в сопротивлении власти зла, которое всегда имеет социальную кристаллизацию. Личность формируется через столкновение со злом в себе и вокруг

себя. Личность есть боль, т.к. реализация личности болезненна и многие люди отказываются от личности, от свободы, во избежание боли.

Личность есть сопротивление детерминации обществом и природой, героическая борьба за самоопределение изнутри. Личность имеет волевое ядро, в котором всякое движение определяется изнутри, а не извне. Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека. Личность связана с характером. Характер есть победа духовного начала в человеке, овладение собой.

Учитывая все вышеуказанное можно сказать, что сущностью человека является "свобода для", в соответствии с которой человек добровольно выбирает сверхличностные (в данном случае христианские) ценности.

Основная черта личности – независимость ни от чего внешнего (природы, общества, государства, коллектива), самоопределение изнутри. По мнению русского философа, каждый человек является потенциальной личностью, стать же личностью в действительности – задача (предназначение человека). Осуществление этой задачи – долговременный и непрямолинейный исторический процесс, который предполагает изменение человека и мира в соответствии с названными ценностями. "Внутренне личность получает силу и освобождается через богочеловечность, внешне весь мир, все общество и вся история преображаются и освобождаются через человечность, через верховенство личности" [2, с. 28].

Хотя русский философ не употребляет категорию "социальный тип личности", он постоянно анализирует человека с точки зрения степени его свободы. А его категория "объективация" имеет сходное значение с терминами "опредмечивание" и "отчуждение". Остановимся подробнее на данных категориях.

В условиях первобытного общества человек еще полностью слит с социальной общностью, членом которой он является (род, племя), не осознает себя как самостоятельная личность и на самом деле еще не является ею. Человек, по выражению К. Маркса, еще не оторвался от пуповины естественных связей, и его личное бытие осознается им как бытие члена определенного коллектива. Исторически человек начинает формироваться как личность на основе выделения индивидуального труда, возникновения частной собственности, распада родоплеменного коллектива и отделения личных интересов от общественных. То, что верно для филогенеза человеческого рода, верно и для онтогенеза — процесса развития отдельного индивида. С момента своего появления на свет ребенок является чело-

веком и индивидом, но он еще не является личностью, для этого ему предстоит пройти сложный процесс биологического, психологического, социального и духовного созревания. Бердяев также отмечает, что на заре человеческой цивилизации человек еще не был личностью. Каждый общественный строй, любое изменение в жизни общества анализируется в аспекте свободы человека. В социальной философии данный подход связан с характеристикой основных исторических типов социальности личности.

Первый тип социальности — отношение личной зависимости. Субъект зависимости при этом может быть различен: в первобытном обществе им выступает родовая община, поскольку индивид еще не является личностью в собственном смысле слова; в условиях рабовладения и феодализма субъектами зависимости выступают эксплуататорские классы; общество двадцатого века знало таковых в лице тоталитарных режимов.

Во всех этих случаях человек подавлен как личность не только классовым гнетом (там, где он существует), но и коллективом, в который он включен. Функцию рода в этом отношении унаследовали каста и сословие, цех ремесленников и купеческая гильдия, а на макроуровне — тоталитарное общество. Проявляется эта зависимость — подавление не только в поведении индивида, которое определяется соответствующими нормами, запретами, традициями, но и в его сознании, в неспособности вычленивать себя из коллектива, атомизироваться, иметь собственную точку зрения.

Второй тип социальности личности — личная независимость, основанная на вещной зависимости. При данном типе впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Освобождение человека от пут личной зависимости ведет к атомизации индивида, это есть формальная свобода и необходимая объективная предпосылка для развития личности.

Бердяев критикует формы как личной, так и вещной зависимости человека, называя их формами рабства. Стать личностью человек может только преодолев формы рабства (отчуждения), и таким образом перейти к следующему типу социальности.

Следует отметить, что переход к новому историческому типу социальности, для которого характерны отношения свободных индивидуальностей, не только пожелание, но требование времени. Само развитие капитализма подготавливает переход к вышеуказанному историческому типу. Понятие "свободная индивидуальность" предполагает личность, располагающую неви-

данными на предыдущих исторических этапах возможностями для раскрытия своих способностей и для удовлетворения своих здоровых, в том числе творческих, потребностей. Общественный прогресс, начиная с технологического, порождает необходимость их появления и расширенного воспроизводства.

В особенности эта необходимость дает себя знать по мере перехода к новой, информационно-компьютерной волне цивилизации. Современному цивилизованному обществу для нормального функционирования в возрастающих масштабах требуются "свободные индивидуальности", то есть индивиды, высокоразвитые в умственном, нравственном и физическом отношении. Нравственность часто выходит на первое место и представляет собой ответственность перед большими группами людей, а иногда и всем миром.

В настоящее время возникла потребность в едином планетарном сознании, которое характеризуется приоритетом общечеловеческих ценностей над частными, а вселенная рассматривается как единый дом, единый коллектив. При этом приоритет в социокультурных ценностях все больше сдвигается в сторону планетарного коллективизма в противовес господствующему веками индивидуализму государств и народов. Иначе и быть не может: чтобы спасти мир, планетарная солидарность должна из факта сознания превратиться в общечеловеческую практику. Причем речь идет не о новой форме подавления индивида коллективом, а о продвижении к дифференцированному единству, в котором индивидуальность не теряется и не смешивается, а еще более совершенствуется. У Бердяева данный тип связи называется коммюнитарностью, а религиозные (христианские) ценности отражают ценности общечеловеческие.

Необходимость перехода к третьему типу социальности, что тождественно, по Бердяеву, становлению личностью или выполнению человеком своего предназначения, необходимо и с точки зрения нормального существования государства.

Как известно, в процессе своего становления и развития народ проходит качественно различные между собой ступени-состояния. Одним из таких социально-психологических состояний, является состояние толпы, которое либо предшествует формированию народа, либо означает его деградацию. У толпы бывают разные этапы развития. В непробужденном состоянии толпа характеризуется как спящие, апатичные, рутинные, косные массы. Характерными же чертами пробужденной массы являются: легкая возбудимость, способность развивать большую энергию (правда, на непродолжительное время), неустойчивость и мобильность в сочетании с труд-

ной предсказуемостью действий, шараханьем из крайности в крайность.

Превращение широких народных масс из толпы в народ, который на определенном этапе своего социально-психологического и политического развития в значительной степени состоит из личностей – длительный исторический процесс. Бердяев много внимания уделяет психологическим особенностям русского народа, в частности выделяет: шараханье из крайности в крайность (русский народ то самый смиренный, то самый бунтующий; то добрый, то злой; то самый анархичный, то самый почитающий государство). Также русский философ выделяет такую черту русского народа, как преобладание женского начала над мужским, то есть начала стихийно бессознательного над личностным. На наш взгляд, все эти особенности характеризуют состояние русского народа именно как толпу.

Говоря о России, Бердяев отмечал, что многие думают: главная беда России в том, что русское общество недостаточно либерально или радикально, ожидая многого от поворота общества влево. В действительности, главная беда в "плохой общественной клетке", недостатке настоящих людей, которых история могла бы призвать для реального подлинно радикального преобразования страны, в слабости русской воли, недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины. Нашему обществу недостает характера, способности определяться изнутри. Русского человека слишком легко заедает "среда", он слишком подвержен эмоциональным реакциям на все внешнее. России нужна прежде всего радикальная моральная реформа, возрождение самих истоков жизни.

Можно сказать, что Н. Бердяев еще в начале прошлого века, хотя и не доказал логически, но интуитивно прочувствовал, предугадал, что для успешного развития России, в частности для успешного проведения реформ в настоящее время, необходимо превращение толпы в народ, т.е. превращение подавляющего большинства людей в личности.

[1] Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж, 1934.

[2] Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.

[3] Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

[4] Бердяев Н.А. Дух и реальность. Париж, 1937.

ПРЕВРАЩЕННЫЙ ХАРАКТЕР ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С.И. Орехов

*Омский государственный педагогический университет, кафедра философии
644099, Омск, наб. Тухачевского, 14⁰*

Получена 29 марта 2001 г.

The paper considers the ontological status of virtual reality. The virtual reality is created by the interaction of technical, social and mental realities. The basic way of virtual reality manifestation is the transformed form.

В настоящее время понятие "виртуальная реальность" широко используется для обозначения ряда самых различных явлений. Виртуальными могут быть различные эзотерические (мистические), психические, эстетические состояния; культурологические, информационно-технологические, семиотические и др. процессы. Пишут о "виртуальных деньгах", "виртуальных войнах", "виртуальных убийствах", "виртуальном искусстве", "виртуальном офисе", "виртуальной корпорации", "виртуальной цивилизации", "виртуальной психологии", наконец, всю эту "виртуальную пирамиду" венчает "виртуальный человек". В первом приближении, виртуальным оказывается все то, где хотя бы в какой-то мере используются информационные технологии, компьютер. Даже если при помощи компьютера будут забивать гвозди, то и этот процесс окажется "виртуальным".

Вместе с тем сознание улавливает, что применение информационных технологий связано с возникновением некоторых "виртуальных" феноменов, одним из которых является виртуальная реальность. На сегодняшний день при всей малочисленности исследований этого явления, сложились три основных направления. Они связаны, прежде всего, с ответом на вопрос: "Где находится виртуальная реальность?"

Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос. Для первого направления характерно то, что виртуальная реальность обладает онтологическим статусом, это специфическая реальность,

и она существует вне сознания человека. Формирование виртуальной реальности связано с неким активным началом в природе - *virtus*; затем эта, уже ставшая реальность получает свое существование в пределах природы и культуры, и далее - специфическое отражение в человеческом сознании [1].

Второе направление также придает виртуальной реальности онтологический статус, но связывает ее формирование с различного рода компьютерными системами, генераторами изображений. Виртуальная реальность выступает как событие, создаваемое компьютером и в компьютере; она находится в информационных системах и прежде всего представляет собой техническую проблему [2].

Для третьего направления решение статуса виртуальной реальности свойственно снятие проблемы ее онтологического статуса. Виртуальная реальность рассматривается не как реальность бытия, а как реальность переживания и проживания некоего события человеком, как мир, генерируемый сознанием. Виртуальная реальность - это чисто психологический феномен [3].

Первое направление рассматривает виртуальную реальность онтологически и строит соответствующую модель реальности, где *virtus* есть активно действующая сила, но само построение основывается на гипотетическом допущении наличия такой силы, факт существования такой силы надо еще доказать. После постулирования онтологического характера виртуальной реальности изучение этой реальности смещается в сторону особенностей ее восприятия.

⁰e-mail: orekhov@omsk.edu

Для третьего направления "виртуальность" - это еще одна характеристика психики, неявно осуществляемая смена идеальности на виртуальность. В лучшем случае виртуальность рассматривается как одно из свойств идеального. По сути, виртуальность - это новый красивый термин для исследования психики.

Виртуальная реальность, как и любая реальность, есть определенность бытия при соответствующих условиях. Она рождается из взаимодействия реальности технической (причем техническая реальность трактуется достаточно широко) и субъективно-социальной, частным случаем которого является взаимодействие компьютера и человека. Технические устройства - клавиатура, мышь, джойстик, шлемы, перчатки, костюмы, системы объемного звучания и порождаемые ими соответствующие виды виртуальной реальности разнообразны. Субъект начинает активно взаимодействовать не только с точки зрения чувственного созерцания, но и, частично, мышления, так как вынужден ставить цель, оценивать виртуальную ситуацию, но не как виртуальную ситуацию, а именно ситуацию, в которой он оказался, принимать решения, действовать. В процессе этого взаимодействия осуществляется манипулирование информацией, которая, будучи сенсоризирована, предстает как виртуальная реальность. Эта реальность есть форма коммуникации, так как без межличностного взаимодействия - прямого или опосредованного - она бессмысленна.

Казалось бы, система человек - компьютер проста, но здесь надо учитывать, что: во-первых, компьютер есть своеобразная квинтэссенция современной техники, за ним стоит техническая реальность, представленная сплавом естественного и искусственного, фундаментальной и прикладной науки и техники; во-вторых, человек - это не просто индивид, а представитель определенного типа общества, культуры с конкретными социопсихическими характеристиками.

Поэтому, на первый взгляд "простая" система человек-компьютер содержит в снятом виде колоссальные пласты человеческой культуры, науки, техники. Знания и технологии, в которых воплощен совокупный человеческий опыт, непосредственным образом функционируют в этой системе, порождая новую реальность - виртуальную. Правда, человек, включенный в эту реальность, часто не только не задумывается о тех научно-практических достижениях, породивших информационные технологии, но и не знает о них, взаимодействуя с ними как пользователь, он, скорее всего, выступает как дрессированная обезьяна, наслаждающаяся достигнутым результатом - созданием виртуальной реальности и пре-

быванием в ней.

Локализация, онтологический статус виртуальной реальности последовательно приводят к изучению ее свойств. Ряд таких характеристик выделены и описаны в [4]. Это *порожденность* - виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности; *актуальность* - виртуальная реальность существует сиюминутно, пока активна порождающая ее реальность; *автономность* - в виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования; *интерактивность* - виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающими ее реальностями.

Помимо названных характеристик, существенным признаком виртуальной реальности и способом ее проявления является *превращенность*. Виртуальная реальность, как превращенная форма взаимодействия технической, социальной и субъективной реальностей, концентрированно выражается в системе человек-компьютер, получает свое относительно самостоятельное существование. Эта реальность обладает своей сущностью (сущностями) и функционирует как отношение (отношения) между компьютером и человеком. Эти отношения, представленные потоком информации и выраженные в знаковой форме, превращаются в виртуальную реальность, которая в силу действия механизма превращенной формы становится наглядной, чувственно видимой и слышимой, в перспективе - осязаемой и обоняемой формой действительных отношений технической и социальной систем, причем явно отличной от тех процессов, которые ее породили.

Эта совокупность зримых образов - результат действия системы человек-компьютер - приобретает самостоятельное бытие, качественную определенность, не покидая саму систему человек-компьютер, но, одновременно, не сливаясь ни с машиной, ни с человеком. Они (образы) получают самостоятельность, пластичное, модифицируемое бытие, но не разлагаемое, наделенное определенной совокупностью свойств. Виртуальная реальность - это реальность, включающая в себя наблюдателя - субъекта, без которого этой системы нет. В качестве действующего и наблюдающего человека выступает виртуализатор. Виртуализатор - это человек, создающий виртуальную реальность, погруженный в нее и взаимодействующий с виртуальной реальностью. Это - субъект виртуальной реальности.

Трансформация взаимодействия технической и социальной реальностей в силу свойств превращенной формы выливается, в конечном счете, в виртуальную реальность. Но эта трансформация

осуществляется не в сознании человека (виртуализатора), а при помощи сознания. Более того, человеку кажется, что он застаёт виртуальную реальность готовой, сложившейся, сформированной независимо от него, вот почему виртуальная реальность может рассматриваться как самостоятельное образование. Порождающие факторы виртуальной реальности не даны на поверхности или даны в столь грубо-прямолинейной форме: вот компьютер, вот человек, вот изображение, что ничего не объясняют. Человек воспринимает и переживает виртуальную реальность как внешнеположенную данность и оперирует с ней и в ней, как в объективном физическом мире. Можно проанализировать, например, саму техническую реальность, разложить на составляющие технику, вплоть до отдельной микросхемы, но не обнаружить никаких следов виртуальной реальности, ибо она - порождение не отдельных частей, а продукт взаимодействия и переплетения сложных систем.

Виртуальная реальность как совокупность превращенных отношений и процессов обладает специфическим статусом существования. Существование этой реальности не сводится к субъективным переживаниям человека, различного рода феноменам, порождаемым психикой. Но, одновременно, форма существования виртуальной реальности не может характеризоваться аналогично природным образованиям в форме объективной реальности, не зависящей от сознания.

Виртуальная реальность, как превращенная форма, отделяется от тех физических процессов, которые происходят в технической реальности (компьютере), и биопсихических процессов, происходящих в голове человека, при этом, будучи синтетической формой их взаимодействия, она становится относительно самостоятельной и способной, в свою очередь, быть условием дальнейшего развития или изменения технико-социальных образований. Виртуализатор, как правило, не в состоянии проследить все зависимости виртуальной реальности от порождающих ее условий, для него виртуальная реальность существует как самостоятельная реальность, и он действует без учета генетических механизмов виртуальной реальности.

Виртуальная реальность, как превращенная форма, не субстанциональна, так как ее существование не определяется из нее самой; виртуальная реальность детерминируется внешними причинами, рождается из столкновения иных реальностей, но, возникнув, она может рассматриваться как нечто самостоятельное, не являясь таковым. Несмотря на то что виртуальная реальность интеробъективно-субъективна, она не менее реальна и существенна как для индивида,

так и для человечества.

Виртуальная реальность обнаруживает двоякое отношение к себе:

1) для субъекта-виртуализатора, погруженного в нее, она обладает сущностью, так как эта реальность противостоит ему как реальность, поскольку он воспринимает, переживает виртуальную реальность изнутри, в момент погружения в нее;

2) для субъекта-исследователя, ее изучающего, рефлектирующего, стоящего над ней (своеобразное метауровневое рассмотрение) она есть существование, превращенная форма, лишенная своей сущности, она - следствие сущностей иных реальностей, иного порядка, часть системы "человек-компьютер".

Первое, самое простое обнаружение виртуальной реальности - это восприятие ее как бытия; как сущее - она дана человеку в чувственном созерцании, выступает как непосредственная данность, очевидность. Находясь в виртуальной реальности, я одновременно могу ее переживать как реальность, почти неотличимую от подлинной, физической и, одновременно, рефлектируя, могу сознавать, что это - фикция, иллюзия, порожденная странными взаимодействиями моего сознания и компьютера.

Во втором случае, я отдаю себе отчет в том, что это не фикция, а специфически объективная превращенность. Превращенность раскрывается только мышлением, теоретически, сама же виртуальная реальность "естественна", насколько она может быть естественной как порождение взаимодействия технической и социальной реальностей. Если в первом случае она дана мне в форме чувственных образов, созерцательно, откуда и может рождаться представление об иллюзорности и даже ложности этих образов, то во втором - эта иллюзорность исчезает: понятийный характер рассмотрения, так сказать, "рационализация" виртуальной реальности, приводит к выводу о ее существовании, хотя и существовании странном, порождающем чувство неудовлетворенности: где она существует - в моей голове или в машине?

В содержании, в составе виртуальной реальности нет ничего иррационального, воплощение ее в графических образах, знаках и пр. может рассматриваться как нечто вполне естественное, привычное, понятное, легко поддающееся расшифровке. Как объект познания виртуальная реальность может быть проанализирована только вместе с взаимодействующим с ней человеком - виртуализатором. Виртуализатор располагается не перед виртуальной реальностью, они не рядоположены, а он, человек, находится внутри виртуальной реальности и только в момент на-

хождения в ней противопоставляет себя виртуальной реальности. Происходит взаимодействие двух различных онтологий с различными способами существования - человеческой (социальная онтология) и технической.

В рамках виртуальной реальности понятие объективности (независимость чего-то от воли, сознания) не действует или совершенно меняет свою форму, так как без участия человека-виртуализатора о самой виртуальной реальности сказать ничего нельзя, возможно, она не существует как виртуальная реальность, а есть всего лишь некая совокупность обычных материальных процессов. Человек занимает двойственную позицию: телесно и частично психически он находится в физическом бытии, субъективно (психически вместе с образом своего тела) он находится в виртуальной реальности, то есть объективно он окружен двойным бытием, но сознательно он присутствует только в одном, обладая способностью переключаться между "бытиями", переходя из одного в другое.

Правда, виртуализатор переносит свой жизненный опыт в виртуальную реальность, например, "управляя" самолетом, автомобилем на тренажере, но его интересует только адекватность, правильность своих действий, чтобы получить нужный результат, и менее всего интересует, где находится эта реальность - в его голове, компьютере или существует как отношение между ними. Виртуальная реальность заранее дана ему в качестве установки как условность и проблема объективности, ее природа и источники, критерии, формы и пр. его не интересуют. В виртуальной реальности человек одно и то же бытие может проиграть множество раз, добиваясь нужного, "правильного" результата.

Виртуализатора прежде всего интересует не что такое виртуальная реальность, ее характер, закономерности и пр., а как в ней действовать, как адаптироваться, к каким последствиям это действие приведет. Виртуализатор, взаимодействуя с виртуальной реальностью, сразу сталкивается, как и в повседневном мире, с вещью. Точнее не с вещью, а с квазивещью, образом, но, даже зная о ее мнимом характере, он обращается с ней, как с реальным предметом, и это вполне возможно, так как посредствующий инструментарий позволяет это делать, а чувственное созерцание "подтверждает" это. Вещь лишь меняет свое положение в пространстве, но не во времени. Время существует только для виртуализатора, а не для вещей виртуальной реальности, ибо некорректное взаимодействие не приведет к уничтожению виртуальной реальности или ее частей, можно повторить действие и воспроизвести "правильно" ситуацию. У вещей и событий

виртуальной реальности другое время.

Итак, виртуальная реальность - это искусственная среда, реальность, ее совершенство, в основном определяется теми информационными технологиями, которые участвуют в ее производстве. Виртуальная реальность, вторгаясь в мир человека, заставляет последний перестраивать технологии и сам способ бытия человека. Виртуальная реальность - нематериальная разновидность бытия, это упорядоченная форма бытия информации, возникающая при взаимодействии технической и социальной реальностей. Виртуальная реальность интегративна по своей сути, она есть синтез информационно-коммуникативных свойств технической реальности, эстетико-образных и социально-психических особенностей человека.

-
- [1] Носов Н.А. Виртуальный человек. М., 1997; Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. №10.
 - [2] Панкратов А.В. О различном понимании термина "виртуальная реальность" // Виртуальная реальность: Труды лаборатории виртуалистики. М., 1998. Вып. 4.
 - [3] Степанов А.А., Бахтина Т.Е., Свердлов Т.А., Желтов С.Ю. Обзор технических и программных средств систем виртуальной реальности // Технологии виртуальной реальности. Состояния и тенденции развития. М., 1996.
 - [4] Бабенко В.С. Таксономия систем виртуальной реальности // Виртуальная реальность: Труды лаборатории виртуалистики. М., 1998. Вып. 4.
 - [5] Корсунцев И.Г. Прикладная философия: субъект и технологии. М., 2000; Корсунцев И.Г. Субъект и знаковые системы. М., 2000.
 - [6] Хэмит Ф. Виртуальная реальность (Дайджест книги) // Возможные миры и виртуальные реальности. М., 1995. Вып. 1.
 - [7] Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994; Носов Н.А., Яценко Ю.Т. Параллельные миры. Виртуальная психология алкоголизма. М., 1996.

ФИЛОСОФСКАЯ КОЛЛИЗИЯ РАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМ МИРОПОСТИЖЕНИЯ

Н.Г. Зенец

*Омский государственный педагогический университет, кафедра философии
644099, Омск, наб. Тухачевского, 14⁰*

Получена 31 марта 2001 г.

In this paper, a problem of creation of existential experience and rational cognition, two forms of comprehension of the world, is discussed. This problem is manifested as a confrontation of classical and modern philosophical traditions, thus revealing their limits. In the classical tradition, the only form of the world comprehension was rational cognition expressed in logic of a concept. Modern tradition introduced experience as a form of comprehension but at the same time denied gnoseology as a science. This problem can be solved by means of creation of a new gnoseology that will include both concept and experience as two sides of philosophic comprehension of the world.

Основное звено гносеологического разрыва современной и классической традиции философствования — это принципиальная несовместимость форм миропостижения классической и неклассической.

Классической формой миропостижения можно назвать гносеологию, которая вдохновлялась идеей общего порядка мира и мышления, непременно находящего свое выражение в отлитых разумом формах — понятиях. Способность понятийно-категориального познания выражать собой единство, пребывающее в многообразии изменчивых проявлений бытия и духа, оказалось не только эмпирически невоспринимаемым, но и лишенным всякого "вида", т.е. самоочевидности. Перспективой такого познания было постижение вневременной, внепространственной сущности, а также развитие методов и стилей, которыми философия предполагала овладеть этой перспективой.

Благодаря такой перспективе сама философия представлялась то как бесконечная прямая (рационализм), то как искривленная и конечная (сенсуализм), то как изначально обратная (мистицизм), однако всюду единственно разумно постигаемая.

Классическая философия, конечно, не "выдумала" веру в постоянство порядка вещей, ко-

торые, с одной стороны, открывают логическую возможность приведения их во взаимное соответствие, а с другой — делает невозможным их соответствие своим действительным историческим "живым" прообразами. Азбучное правило классической гносеологии гласит: "Лишь распознав в потоке явлений и событий логику, можно определить содержание и истинную меру их рациональности и тем самым впервые придать исследованию форму научности". За пределами логики познание мистифицируется. Это очевидно. Однако не принимает ли рациональное познание еще более мистический вид внутри своих чисто понятийных, логических пределов? Дело в том, что понятийно-абстрактная, неочевидная, неживая реальность не менее эфемерна, чем случайно переживаемое мгновение жизни.

Наука истории мысли как наука логики спекулятивна не только в утонченно философском, но и в самом обыкновенном, здравом смысле слова. Сложившаяся в XIX столетии она принципиально исходит из чисто логической реальности, безотносительной к пространству и времени его исторического осуществления, — рассматривает прошлое сквозь призму логической, и только логической, необходимости его представлений для воспроизведения истины в конкретно-всеобщем понятии (Гегель). А потому она произвольно выдает логическую реальность за истинную действительность познания вообще, и актуально —

⁰e-mail: orekhov@omsk.edu

рефлектирующий разум – за движущую силу и воплотившееся в заветный смысл.

Познание в образе саморазвития разума и снимающая его логика в образе самодавящей диалектики понятия, в итоге ничем не отличаются от предметов философской веры. Рациональные, категориально заданные образы познания обращаются в сверхчувственные образы, в некотором смысле выступающие как иррациональные метафизические объекты, потому что они могут быть приняты или оспорены исходя только из веры в самоочевидность разума. Если сравнить предмет знания и предмет веры, то они номинально совпадают. Предмет знания — это любой предмет вообще, любой объект внешнего чувства, душевного переживания и духовного созерцания, взятые в независимости от его субъективного своеобразия и биографической или исторической значимости. Предмет веры — номинально тот же самый предмет знания, определенный уже не со стороны собственного субстанциального бытия, безотносительного и более или менее ложным образом, его отражающем, а со стороны сопричастности его бытию человека, тех образов жизни и мысли ведущих к неизбежной общности людей. Любое отношение человека к исповедуемым образам жизни, и мысли может найти себе идеальное воплощение и так или иначе фантастическое выражение единственно в тех же самых образах, в которых воспринимается сущее "как таковое". Соответственно посвящаясь в образный мир, человек осваивает его по-разному. Если освоение идет в зависимости от полноты и строгости обоснований истинности, идентичности, адекватности, составивших этот мир образов, то возникает форма духовной посвященности в лице "знания", а если в зависимости от авторитетности и неоспоримости свидетельств их искренности, откровенности, то такая форма духовной посвященности синтезировалась со временем в лице "веры". Очевиднейший из очевиднейших формальных доводов спекулятивно-натуралистического разума состоит в том, что мир есть и во всех своих лицах тождествен самому себе, что, в свою очередь, выступает лишь логической импликацией ветхозаветной веры метафизики в неизменности истинных порядков вещей и мышления.

Так, традиционная гносеология, претендующая на вневременную, внепространственную истину сама превращается в мистифицируемый процесс, где знания — лишь великая мистификация веры.

Иначе говоря, если философская мысль замыкается в сугубо логически-интеллектуальной самодостаточности понятийного дискурса и всякий другой способ миропостижения принимается

как разновидность "иррационализма", то философ оказывается в достаточно ущербной ситуации и необходимость поиска выхода диктуется даже подспудным ощущением, которое некогда заметил Гете: "...вера в общее понятие и большое сомнение в любой момент может стать причиной несчастья" [1, с. 251].

Вывести философию из этого гносеологического тупика стала одной из задач неклассической философии. Характерной чертой современной "гносеологии" явилось возникновение особой "скандальной" ситуации – элиминирования ее (гносеологии) из пределов нарождающейся "новой философии", понимаемой в духе неоромантиков, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, либо в духе Дж.С. Милля и Б. Рассела. "В глазах феноменологии и экзистенциализма, как и в глазах позитивизма и аналитической философии, гносеология в классическом смысле слова – как наука о воспроизведении мира в понятии – просто напросто беспредметна. Для экзистенциализма "мир как таковой", взятый по ту сторону наличного человеческого существования, настолько же фиктивен и пуст, насколько мертво и наивно для неопозитивизма понятие "как таковое", взятое по ту сторону стихии естественного и искусственного языка" [2, с. 45].

Нетрудно заметить, что конфликт между формами миропостижения перерастает собственнo гносеологические границы и захватывает сферу "онтологии" мысли. Раскол теперь проходит не между различными познавательными способностями в духе звучащих сегодня расхожих фраз: "пустоты рассудка" и "слепоты переживания", но сама мысль как бы разорвана в акте своего исполнения. Логическая истинность мысли, безупречная доказательность ее теоретических построений – та степень соответствия между "миром идей" и "миром вещей" обнаруживают собственную "половинчатость" на фоне жизненного мира. Но в свою очередь потребность "понять жизнь, проживаемую людьми" (Дильтей), поставила перед разумом задачу отказаться от монополии в области постижения мира. Естественная исполненность этого мира непрерывным потоком переживаний, построением мыслей, поступков, чувств делает, по меньшей мере, неестественной всякую попытку аналитическо-концептуализирующей рефлексии заменить собою процесс выработки жизни и мировоззрения. В философию как бы непрошено входил субъект, раздвигающий рамки своей сугубо гносеологической заданности, и вносил собою мир переживаний, страстей, привязанности и т.д., которые никак не подчинялись строгому требованию рациональности и научности.

Всякая смутность жизненных построений и

проникающих друг в друга жизнеощущений оказывается для логико-понятийного дискурса, для рациональной формы миропостижения не просто чуждой, но как будто почти враждебной "субстанцией", т.к. они (переживания) не могут обладать общими значениями, что дается только понятиями, а, следовательно, они лишены логической понятности, и выступают как иррациональные образования, доступные скорее вере, чем знанию.

В итоге мы имеем ту же самую картину, ту же коллизия, что и с классической гносеологией, только с точностью до "наоборот", пришедшую к одинаковому результату, – к вере.

На каких путях возможно создание новой гносеологии, способной выразить глубину мысли и полноту жизни?

Одним из первых, кто попытался ввести в гносеологию феномен переживания, был А. Бергсон: "...мысль, открывающая для себя неукротимый поток внутренних переживаний, открывающая человека не просто как гносеологического субъекта, но как творца самого себя, – ибо для сознательного существа существовать – это значит изменяться, а изменяться – значит созреть, созреть же – это бесконечно создавать себя ... я меняюсь, таким образом, постоянно, если бы состояние души перестало изменяться, его длительность прекратила бы свое течение" [3, с. 61]. Движение мысли, несущей в себе реальность смысловой длительности, принципиально не выразимо в терминах понятийно-логического дискурса. "Переживание реальной жизни страдает немотой от рождения и не может найти себе словесного выражения" [4, с. 101].

Стремление выразить полноту реальных переживаний, внести в гносеологию феномен длительности не угасла, а с новой силой проявилась в экзистенциализме, особенно в работах М. Хайдеггера.

Хайдеггер как философ жизни ищет пути, где мысль нагружена всей непомерностью таких неведомых в пространстве "чистого сознания" "явлений", как долг, совесть, забота и т.п. Мысль в этом пространстве исполнена бытийностью понимания, она есть тот прорыв, преодоление всякого "здесь и теперь" с удержанием его смыслового богатства и подлинного бытия.

Важно видеть, что "бытие", по Хайдеггеру, открыто лишь через экзистенцию как целостность человеческого существования. Здесь исключена анонимность мысли: конституирующая эйдетическая рефлексия чистого *cogito* как бы утрачивает ореол абсолютной возможности всепроникающего раскрытия мира.

Поэзия предстала как "глагол несокрытости сущего" (М. Хайдеггер). Другими словами, по за-

мыслу Хайдеггера, мышление, преодолевающее классическую форму, должно состоять в том, чтобы дать слово самому Бытию, в результате чего познание становится переживанием этого свершения.

Для анализа такого высказывания, которое есть высказывание самого Бытия, Хайдеггер вводит понятие присутствия (*Dasein*). Однако раскрытие этой простой сущности бытия осуществляется у него сложно: через анализ экзистенциального устройства присутствия, что предполагает выделение в нем особых конституитивных моментов, для обозначения которых вводится понятие экзистенциала, но при этом как будто "забывает" прояснить основополагающий для его философии термин, у которого нет даже четкой языковой определенности.

Хайдеггер вводит понятие *Dasein*, означающее бытие присутствия как основополагающее. Способ бытия присутствия экзистенциален, следовательно, не имеет черт продуцируемой всеобщности: "Бытие никак не род, не бытие для сущего во всеобщности..."¹. [5, с. 439]. Другими словами экзистенциалы как формы миропостижения выступают не только как свидетельства опыта присутствия, но и как "называющие определения", претендующие на структурные единицы онтологии. Однако остается неясной роль экзистенциалов как возможных экспликатов нового, неклассического опыта мышления. Очевидно, что муки рождения новой гносеологии продолжаются, а следовательно, коллизия рациональной и экзистенциальной форм миропостижения снята быть не может.

-
- [1] Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1979.
 - [2] Иванов Н.Б. От истории культуры к истории познания // Ленингр. междунар. чтения по философии и культуре. Л.: Логос: 1991. Кн. 1.
 - [3] Бергсон А. Творческая эволюция. М.-СПб., 1914.
 - [4] Риккерт Г. Философия жизни (изложение и критика модных течений философии нашего времени). П., 1922.
 - [5] Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

¹ Хайдеггер здесь имеет в виду, что Бытие не есть предикат сущего, выявляющий его всеобщность.

ШТРИХИ К ТЕОЛОГИИ ИСТОРИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Ю.В.Балакин

*Омский государственный университет, кафедра истории и теории религии
644077 Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 12 марта 2001 г.

The article dedicate to Merezhkovsky's religious understanding of the historical process, relation of the ancient culture and christian culture.

Д.С. Мережковский - мыслитель, чрезвычайно остро переживающий историю, видящий ее как драму с напряженнейшей фабулой. Эта драма воспринималась им очень обостренно потому, что ее действие никогда не воспринималось автором как "прошедшее в прошедшем", как что-то хоть и любопытное, но внешнее. Д.С. Мережковский никогда и ни в чем не был сторонним наблюдателем, история (не только современная, но и глубоко древняя) разворачивалась для него не где-то вовне, а всегда в его собственной душе. В этом смысле творчество Д.С. Мережковского уникально, ибо нет в русской литературе мыслителя, интеллектуально и эмоционально столь "зависимого" от истории, не исключая и историков-профессионалов, которые так или иначе вынуждаются самой массой исторического материала овладеть ремеслом историка и тем самым определить для себя какие-то внешние, научные критерии в оценке этого материала. Д.С. Мережковскому это не нужно, в нем мощно заявляет о себе критерий не просто субъективный ("вкусовой"), но субъективный в такой высокой степени, что превращается под пером автора в некую абсолютно необходимую закономерность. Критерий строится на личном опыте Д.С. Мережковского, но это не тот опыт, который создается последовательностью интеллектуальных размышлений и эстетических переживаний и которым руководствуется историк-профессионал; это глубочайший личный религиозный опыт. Этот опыт не зависит от исторического материала, ибо не может быть скорректирован иначе, чем самим же религиозным (и очень глубоким) переживанием; все осталь-

ное лишь скользит по поверхности. Историческая концепция Д.С. Мережковского задана, таким образом, не суммой фактов и даже не внешними по отношению к ним спекуляциями (то, что принято называть философией истории), а видением истории через призму незыблемых религиозных концептов. Обращение к истории у Д.С. Мережковского не провоцируется ни познавательными, ни эстетическими, ни этическими импульсами, почему и не будет верным применительно к нему термин "философия истории". Под его пером история раскрывает свой мистический характер, и видение Д.С. Мережковского прошлого может быть названо "теологией истории". Историк-профессионал скажет, что Д.С. Мережковский в оценке исторических событий крайне субъективен, и будет, видимо, прав. Однако сам Д.С. Мережковский мог бы сказать о своих пристрастиях к великим историческим событиям и великим личностям, что они (эти пристрастия) ни в коем случае не зависят от его вкусов и настроений или, тем более, от какой-либо злобы дня. В этом случае какой-либо толерантности Д.С. Мережковский не допускает, ибо не может допустить именно субъективности религиозного опыта. Да, верно, религиозный опыт у каждого особенный, личностный, но источник его не в человеке, а в Боге. Д.С. Мережковский всегда ощущал в себе пророческий дар и не мог не ощущать его именно потому, что всегда помнил об этом мистическом источнике своих переживаний.

На мой читательский вкус, одно из самых художественно сильных мест у Мережковского-романиста - финальная сцена из романа "Смерть богов (Юлиан Отступник)". Судно, на котором

отбывают герои романа в Италию (Арсиноя, Анатолий, историк Аммиан Марцеллин), огибает безмятный остров, мирный уголок Эллады. Герои видят, как на берегу готовится вечерняя жертва Пану, и слышат звук флейты, на которой играет юный пастух. На самом судне вечернюю молитву поют монахи-христиане. Бездонно-высокое небо принимает оба гимна, которые растворяются в бесконечной вышине и замирают одновременно. Замирают и сердца героев от радости и восхищения, от очевидной для них неслучайности в этом слиянии языческого и христианского. Д.С. Мережковский множеством деталей подчеркивает, насколько важно героям романа не потерять красоту эллинского мира, но, и это тоже очевидно, эта красота после пришествия Христа не может не измениться, не может не приобрести отпечаток неземной печали. Арсиноя во время путешествия создает скульптурную заготовку к большой работе, и Анатолий не решается спросить ее: кто это, Дионис или Христос? Аммиан Марцеллин читает в дороге "Строматы" Климента Александрийского, который, по словам Аммиана (и с ним вполне согласен Д.С. Мережковский), примиряет две мудрости - языческую и христианскую. На вопрос: "кто ты - христианин или эллин?", Аммиан отвечает просто: "не знаю". Д.С. Мережковскому важна как раз эта "простота" ответа, в ней он видит не беспечность и безразличие своего героя, а, если хотите, глубочайшую духовную стратегию. Аммиан, хотя в романе фигура и эпизодическая, - человек с глубочайшим духовным опытом. По мысли Д.С. Мережковского, этот опыт оказывается глубже и яснее всего совокупного опыта эпохи, в которой творил этот историк и о которой он писал. С позиции церкви это мысль еретическая, и в дальнейшем сам Д.С. Мережковский отказался от идеи равнозначности "двух правд" (языческой и христианской) [1]. Но сейчас нам важно подчеркнуть следующее: Д.С. Мережковский вообще не допускает возможности увидеть "правду" вне личного опыта, вне мистического проникновения в собственные переживания. "Правда" не может быть дана человеку извне, не может быть навязана никаким государственным насилием, никаким внешним авторитетом. Человек сам, через свои страдания, обнаруживает истину в собственной душе. Результат осмысления этого глубоко интимного переживания может быть ценнее и "правдивее" совокупности идей, имеющих хождение в той или иной общественной среде.

Д.С. Мережковский, со всем своим опытом обращения к истории, не рассуждает о какой-либо "правде" вообще. Он избегает рассуждений о догматах и доктринах и, уж тем более, о за-

кономерностях истории. Ему это просто неинтересно. Интерес к истории у Д.С. Мережковского выражается постольку, поскольку история позволяет увидеть те внешние обстоятельства, которые вызывают страдания и скорбь личности и заставляют ее искать в себе эту высшую правду. Сама же личность, по Д.С. Мережковскому, стоит если не вне времени и над временем, то все же немного в стороне. Исторический процесс не только не способен сформировать личность, но не способен вообще проникнуть в ее мистические глубины. История определяет внешние обстоятельства, но сам феномен личности имеет все же потусторонний относительно времени и пространства характер. "Вечные спутники" (сборник работ Д.С. Мережковского) - название совершенно неслучайное. Эти титаны, эти исполины духа - посланцы вечности. В книге о Наполеоне одна из глав называется "Человек из Атлантиды" (это - о самом Наполеоне). Д.С. Мережковский не может и не хочет признать людей подобного масштаба обычными, хотя и высоко вознесенными людьми. Его "теология истории" создавалась в размышлениях о сокровенно-мистическом характере выдающихся личностей, о тайнах их миссии. Это и есть таинственное дыхание вечности, вторгающееся в эмпирическое время. Д.С. Мережковскому время интересно лишь постольку, поскольку оно несет себе элемент вечности. Без "вечных спутников" любая эпоха для Мережковского теряет смысл и оправдание.

Но Д.С. Мережковский не делит людей на "героев" и "толпу". Выдающиеся личности - те, кто умеет и желает найти в себе ту скорбь, которой охвачены герои романа о Юлиане Отступнике. Эта скорбь - тоска о будущей гармонии, о "великом веселии Возрождения".

В XX столетии ученые и философы много размышляли о природе времени. Каких-либо развернутых размышлений по этому вопросу у Д.С. Мережковского мы не найдем, однако тот же фрагмент из романа о Юлиане Отступнике дает интересный материал. В этом эпизоде время спрессовано до чреватой мощным взрывом "критической массы", дано в величайшем напряжении и концентрации. Один за другим встают над горизонтом, вновь погружаются в него острова Эллады, и героям кажется, что "еще не прошли времена Одиссеи". В это прошлое мощно вторгается мир настоящего, но представлен он не героями романа, а поющими монахами. Главные же персонажи этой финальной сцены романа, по мысли Д.С. Мережковского, не принадлежат настоящему. Они - те "вечные спутники", в чьих сердцах живет и мелодия пастушеской флейты, и христианский гимн, поэтому они - над временем с его неизбежной односторонностью.

В XX веке, как известно, имели очень сильное влияние те или иные синхронические концепции культуры, в которых акцент ставился на неизменяемые, "вечные" культуруобразующие элементы. Таковы, в частности, теории К.Г.Юнга и (позже) М.Элиаде. Д.С. Мережковский не выразил конкретного отношения к "глубинной психологии" Юнга, а может быть, и не был с нею знаком. Однако сам принцип такого подхода к культуре Д.С. Мережковский мог бы принять и в своем творчестве принимал, хотя выражение его видел в гораздо более широком аспекте.

Архетипы Юнга, "миф о вечном возвращении" Элиаде обращены к коллективному бессознательному; именно в нем они находят постоянно возобновляемые в истории духовные ситуации. Эти ситуации оказываются по сути своей безличными, и если они связываются с какими-либо персонажами, то связь эта в значительной степени случайна. Д.С. Мережковский не мог принять идею о пассивности личности даже в минимальной степени. Ему важна была человеческая скорбь, подобная той, что переживали герои упомянутой финальной сцены романа. Без этой скорби об уходящей Элладе не может в сердцах героев возникнуть великое веселие возрождения, следовательно, не может возникнуть и само возрождение. Без этой скорби нет истории.

Поэтому, мог бы сказать Мережковский, у Юнга и Элиаде слишком мало истории не потому, что они ставят акценты на неизменяющихся элементах культуры, а потому, что они не видят в этих элементах подлинно мистической, т.е. интимно-личностной основы.

[1] Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1914. С. 6.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ВЕРУЮЩИХ МУСУЛЬМАН В 20-30 гг. XX СТОЛЕТИЯ В ПРИИРТЫШЬЕ

В.Л. Данилов

*Омский государственный университет, кафедра истории и теории религии
644077, Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 26 февраля 2001 г.

In this article the author generally tells about relations between Soviet state and Muslims in 1920-1930's in Omsk and Tumen region.

Вопрос взаимоотношений государства и верующих мусульман в 20-30-е гг. XX столетия сложен и противоречив. В обращении Совнаркома РСФСР и Народного комиссариата по делам национальностей от 20 ноября 1917 г. "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока" говорилось: "Отныне Ваши верования и обычаи ... объявляются свободными и неприкосновенными..." [1].

Все национальные и культурные учреждения мусульман объявлялись свободными и неприкосновенными; все народы окраин бывшей царской России были уравновешены в правах со всеми гражданами Страны Советов. "Знайте, - говорилось в обращении, - что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов...". В декабре 1917 г. представители мусульман, проживающих в Петрограде и его окрестностях, собрались на свой первый в истории легальный съезд. Выражая чаяния всех российских мусульман, съезд обратился с просьбой в Совет Народных Комиссаров вернуть "Священный Коран Османа" - редчайший экземпляр книги - верующим мусульманам. Совнарком РСФСР 9 декабря 1917 г. решил: "...немедленно выдать Краевому Мусульманскому Съезду "Священный Коран Османа" [2].

В 1918 г. был создан Комиссариат по делам мусульманских народностей, руководителем которого стал мулла Нур Вахитов [3]. В то же время государство начинает разворачивать активную антирелигиозную пропаганду среди населения, в том числе и мусульманского. Такая го-

сударственная политика, направленная против верующих, коснулась практически всех районов проживания российских мусульман, за исключением мусульман Средней Азии.

Не обошло государство своим вниманием в этом вопросе и мусульман юга Западной Сибири. Используя документы омских архивов, можно в точности проследить политику государства в отношении мусульман Прииртышья в указанный период.

Период антирелигиозной пропаганды можно условно разделить на два этапа, для каждого из которых были характерны свои методы антирелигиозной работы. Первый - 20-е годы - в это время на первый план выдвигались культурно-просветительские методы и антирелигиозная кампания носила характер антирелигиозной пропаганды. Второй этап - 30-е годы - в этот период все более стали преобладать методы административные, а антирелигиозная пропаганда сменилась антирелигиозной борьбой.

Первоначально отношение к исламу и служителям культа было достаточно демократичным в силу того, что насильственное искоренение ислама по опыту царского правительства могло привести только к укреплению исламских догм в сознании мусульманского населения [4]. Это отразилось и на ведении антирелигиозной работы среди верующих мусульман. В циркулярах и информационных письмах, рассылаемых на места, давались лишь рекомендации по ведению антирелигиозной работы. Кроме того, в них давалась общая характеристика ислама как религии; его

особенностей и отличий от других религий; отмечалось, что по ряду причин ислам проник в сознание людей гораздо глубже, чем иная религия. К тому же признавалось, что ранее антирелигиозная пропаганда против ислама велась слабо и бессистемно и рекомендовалось усилить работу в данном направлении [5].

Подчеркивалось, что в отношении мусульман должны быть установлены совершенно иные методы антирелигиозной работы. Традиционные методы работы здесь не подходят по двум причинам. Во-первых, ислам является самой молодой религией из всех "великих" религий земного шара, а потому самой крепкой и сильной по влиянию; во-вторых, серьезным фактором, затруднявшим и осложнявшим антирелигиозную пропаганду, являлось международное социально-экономическое положение мусульманских народностей в последние столетия. Это время - время политического и социально-экономического порабощения почти всего мусульманского мира, который долгое время являлся объектом эксплуатации западно-европейского империализма, ресурсом его экономики. Это отразилось и на положении религии мусульман: в глазах самих мусульман ислам носил характер угнетенной и защищающейся религии, поэтому в условиях русской действительности положение это усугублялось еще и тем, что, организуя антирелигиозную пропаганду среди мусульман, Советы рисковали попасть в положение "борцов с исламом" [6], а это уже напрямую расходилось с теми заявлениями, которые были сделаны Советским государством в адрес трудящихся мусульман России и Востока.

По ведению антирелигиозной пропаганды давались следующие рекомендации:

- 1) массовая работа должна вестись постепенно, к ней нужно привлекать людей, знающих арабский язык, умеющих читать и объяснять Коран;
- 2) основная работа должна вестись в городе среди рабочих, исповедующих ислам, влияние религии на которых слабее, чем в сельской местности;
- 3) вести активную работу нужно среди детей и молодежи, которые более восприимчивы к новым идеям;
- 4) организовать антирелигиозные кружки, читать лекции и доклады о сущности религии, о происхождении жизни на земле и т.д., проводить диспуты, а также массовые мероприятия в период наиболее значительных праздников;
- 5) предлагался такой метод работы, как разоблачение духовенства как представителей враждебного класса;
- 6) предполагалось подорвать влияние му-

сульманского духовенства на верующих, не применяя репрессивных мер (привлечение духовенства к докладам, беседам с последующей дискредитацией их несознательных поступков) [7].

За выполнение антирелигиозной работы на местах отвечали различные национальные бюро, такие, например, как татарско-киргизское. Из специальных отчетов и докладов подобных пропагандистских органов, мы можем встретить информацию о проведении кампаний в дни мусульманских праздников, во время которых на лекциях разъяснялась сущность религии, предпринимались попытки проведения бесед с мусульманским духовенством, устраивались спектакли на атеистические темы. Более того, в апреле 1923 г. среди татаро-башкирской молодежи во всероссийском масштабе был проведен месячник антирелигиозной пропаганды - "комсомольский Байрам", приуроченный к мусульманскому Байраму. Проведение комсомольского месячника и Курбан-Байрам полностью регламентировалось центральными органами, что позволяло контролировать и корректировать антирелигиозную работу и возможные ошибки [8]. В ходе этой кампании распространялись элементарные знания о происхождении Земли и человека, религии и бога, их роли в обществе. Проведение этого мероприятия было возложено на уездные бюро РКП (б) и РКСМ.

Подобная антирелигиозная политика, однако, не принесла всех ожидаемых результатов - в сельской местности сохранялось проведение религиозных обрядов, продолжали существовать различные религиозные общества. В связи с этим была изменена тактика антирелигиозной работы. Прежде всего был налажен учет верующих и религиозных обществ путем юридического оформления с обязательным представлением ежегодных списков членов, уставов обществ и списков священнослужителей. Такой порядок контроля (прежде всего со стороны ГПУ) стал возможным благодаря введению типовых договоров, заключаемых с зарегистрированной общиной верующих, которая, согласно этому договору, получала в бесплатное пользование молитвенное здание вместе с находящимся в нем культовым имуществом, за которое несла полную ответственность в соответствии с договором. К тому же община верующих, согласно договору, была обязана производить текущий ремонт здания за свой счет, а также выплачивать налог за землю, на котором находилось молитвенное здание [9].

В целом, подводя итоги антирелигиозной работы за 20-е гг., можно сказать, что государство не имело больших и ощутимых успехов в области антирелигиозной пропаганды. Для достижения серьезных результатов в этой области нужны бы-

ли большие средства, большая организационная работа, специальная научная и популярная литература, квалифицированные кадры и более длительный период времени.

Более того, сами отчеты отделов по антирелигиозной пропаганде свидетельствуют об этом. Несмотря ни на что, мусульмане Прииртышья имели возможность выписывать и читать журналы на турецком и арабском языках; отмечалось, что мечетей и молитвенных домов в данный момент было больше, чем до революции, при этом увеличение падало на последние годы (конец 20-х гг. - прим. автора); по-прежнему сильное распространение имели религиозные школы, работали они нелегально, но несмотря на то что официально деятельность религиозных школ была запрещена, местные власти не предпринимали каких-либо мер по их закрытию [10].

Начиная с 30-х годов бестактная и прямолинейная критика религии сменяется признанием верующих врагами народа. Создание образа врага вскоре приводит к развертыванию репрессий над духовенством и верующими. Именно в 30-е годы в Омске, Таре, Тюмени, Тобольске и других городах Западной Сибири были разрушены мечети, представлявшие собой памятники архитектуры, были уничтожены религиозные и светские книги, написанные на арабском языке и имевшие историческое значение. Впрочем, акты вандализма в отношении духовных ценностей мусульман начались еще в годы гражданской войны. Тогда разграблению и уничтожению подверглась библиотека при мечети селения Манцыл (Ембаево) близ Тюмени. В 1937-1938 гг. много книг духовного и светского содержания было уничтожено самими их владельцами из-за боязни быть обвиненными в контрреволюционной деятельности. В эти годы были репрессированы сотни рядовых колхозников, рабочих лишь за то, что еще до революции они обучались в медресе.

Естественно, что, борясь с религией как оппортунизмом для народа, государство также не обошло стороной и культовые здания верующих.

Первую попытку лишить верующих мусульман культовых зданий государство в лице местных органов предприняло в начале 30-х годов. В связи с ликвидацией земельных обществ в 1930 г. Тарский и Большереченский окружные исполнительные комитеты решили выставить на продажу оставшиеся бесхозными мечети в ряде населенных пунктов, входивших в указанные округа. Одновременно на эти мечети заявили свои права и местные религиозные общины. Однако, несмотря на просьбы передать молитвенные здания в собственность общин, мечети были проданы близлежащим колхозам. Вернее, были проданы земли, на которых располагались здания.

Сами же здания подлежали сносу. Это не могло не вызвать возмущения верующих мусульман. Ведь согласно закону "О религиозных объединениях" 1929 г. здания передавались общинам верующих по первому требованию с оформлением соответствующего договора. В итоге в Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет, который находился в Новосибирске, была отправлена срочная телеграмма с просьбой разобраться с этим делом. Ответ в Омский областной исполнительный комитет пришел очень быстро. Краевой исполнительный комитет на правах вышестоящего органа интересовался: имеет ли под собой реальную почву заявление верующих; если да, то кто разрешил продажу мечети и на каком основании (в этом случае основание должно было быть лишь одно - официальное закрытие мечети, на что нужно было официальное решение о закрытии с обоснованием такого решения - прим. автора). До окончательного решения этого вопроса было запрещено передавать здания всех проданных мечетей в собственность колхозов, равно как и переоборудовать их или сносить. Облисполкому же было указано на недопустимость впредь нарушать закон "О религиозных объединениях" (касательно бесхозяйного, самовольного закрытия молитвенных зданий) и не заниматься самоуправством, а действовать строго в рамках действующего законодательства [11].

Начиная с середины 30-х гг. процесс закрытия молитвенных домов мусульман стал необратим. Этому предшествовала колоссальная массово-разъяснительная работа среди населения, исповедовавшего ислам. При закрытии мечетей соблюдался определенный порядок: решение о закрытии того или иного молитвенного здания мусульман принималось Президиумом областного исполнительного комитета на основании следующих документов: решения общего собрания жителей того района (села, деревни, аула), в котором находилась мечеть; справки сельсовета или райсовета о количестве взрослого населения данного района; подписи всех жителей района, которыми они удостоверяют, что не возражают против закрытия мечети; ходатайство окружного или районного райисполкома о закрытии мечети; при необходимости к этим документам нужно было приложить акт технического состояния, который обычно фиксировал ветхость и дряхлость здания, угрожающего обвалом, а посему лишь подтверждал нужность его закрытия. Только после соблюдения всех формальностей, связанных с закрытием здания, принималось решение о его закрытии. А затем специальная комиссия по вопросам культов при облисполкоме доводила до сведения верующих о принятом решении.

Как правило, основные мотивы закрытия мечети были следующие:

- молитвенное здание пришло в ветхость, требует ремонта или вообще долго время находится "беспризорным" и по прямому назначению не используется;

- официально зарегистрированной общины верующих при мечети не существует, либо она действует нелегально, что было запрещено законом о религиозных объединениях;

- добровольный отказ верующих от содержания молитвенного здания и совершения в помещении здания религиозных обрядов

Согласно уже упоминавшемуся закону "О религиозных объединениях" верующие могли в течение 15 дней опротестовать решение облисполкома во ВЦИК (и только во ВЦИК и никуда более. Именно этот орган выносил окончательное решение). Для этого общине, опротестовавшей решение облисполкома о закрытии мечети, нужно было иметь статус официально зарегистрированной общины, заключив договор с местными властями об аренде молитвенного здания. В этом случае решение о закрытии подлежало отмене и здание возвращалось общине на основании заключенного договора об его аренде. Но и в решении этого вопроса обнаруживается самоуправство местных властей, выразившееся в нарушении упомянутого закона. Во-первых, облисполкомом отводилось всего 10 дней для того, чтобы верующие могли опротестовать решение о закрытии молитвенного здания; во-вторых, в нарушение закона облисполком самолично принимал окончательное решение о закрытии того или иного культового здания (а не ВЦИК) [12]. Вероятно, могли существовать какие-то инструкции ВЦИКа по этому поводу, которые рассылались на места, но из-за отсутствия подобных документов в недрах архива, можно предположить, что имели место именно злоупотребления местных властей в вопросе закрытия молитвенных зданий мусульман (да и не только мусульман).

Но, как правило, именно мусульманское население первым выступало с ходатайством о закрытии мечети на культурные нужды, а следовательно, решения о закрытии никто не опротестовывал.

Но случались и случаи, когда мечети закрывали вследствие обнаружения нарушений закона о религиозных объединениях. Так, например, в селе Черталы Муромцевского района мечеть была закрыта (согласно официальным документам) из-за нелегальной деятельности общины верующих, которая, несмотря на предложение местных властей зарегистрироваться, не сделала этого и продолжала действовать подпольно. А в мечети села Бостандык Москаленского района,

якобы действовала банда троцкистов во главе с муллою, которая под видом богослужений вела контрреволюционную деятельность.

По инструкции культовые здания мусульман должны были передаваться на культурные нужды жителей того района, где они находились. Но в подавляющем большинстве случаев, закрытые молитвенные здания мусульман либо разбирались по частям на хозяйственные нужды (как это произошло с мечетью в Таре), либо просто пустовали (как это произошло с большинством мечетей). Часть мечетей использовались для хозяйственных нужд (под картофелехранилище, зернохранилище, например), что послужило причиной долгих разбирательств областной прокуратуры с местными властями о недопустимости использования молитвенных зданий не по назначению. Репрессии над духовенством и верующими в конце 30-х годов, массовое закрытие мечетей привело к тому, что к началу 1941 г. в Прииртышье не осталось ни одной действующей мечети, а в отчетах того времени все чаще можно встретить информацию о том, что с религией покончено раз и навсегда.

-
- [1] Аширов Н. Эволюция ислама в СССР. М., 1972. С. 13.
 - [2] Барменков А.И. Свобода совести в СССР. М., 1986. С. 35-36.
 - [3] Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 61.
 - [4] Малицкая Л.Р. Антирелигиозная деятельность Советской власти в отношении мусульман-татар Западной Сибири // Современное общество: Материалы науч. конф., посвященной 25-летию Омского государственного университета. Омск, 1999. С. 189.
 - [5] ЦДНПО. Ф.1. Оп. 5. Д. №407. Л. 30.
 - [6] ЦДНПО. Ф.1. Оп. 3. Д. №406. Л.Л. 37-46.
 - [7] ЦДНПО. Ф.1. Оп. 4. Д. №425. Л.Л. 6-9.
 - [8] Малицкая Л.Р. Указ. соч. С. 189-190; ЦДНПО. Ф.1. Оп. 2. Д. №488. Л. 80.
 - [9] ГАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. №1. Л.Л. 47-48.
 - [10] ЦДНПО. Ф. 7. Оп. 3. Д. №373. Л. 8.
 - [11] ГАОО. Ф. 437. Оп. 6. Д. №298. Л.Л. 1, 7, 12, 13, 14, 17-18.
 - [12] ГАОО. Ф. 437. Оп. 6. Д. №312. Л. 1.

”ЯЗЫЧЕСТВО” КАК ПРОБЛЕМА АНТИКОВЕДЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ”ТЕОЛОГИИ ИСТОРИИ”

Е.В. Кузьмина

*Омский государственный университет, кафедра истории и теории религии
 644077 Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 9 февраля 2001 г.

The article dedicate to the problem of study of the ancient culture by the russian religious writers. The study is impossibly without employment of the concept of "theology of history". This concept it possible to see the ancient culture in a true light.

Многие не согласятся включить язычество в основную проблематику отечественного антиковедения. Вероятно, это связано с тем, что отечественная советская школа антиковедения унаследовала "фактологические" симпатии Санкт-Петербургской школы (Ф. Ф. Соколова). Советское антиковедение традиционно разрабатывало вопросы экономической и политической истории Древней Греции и Древнего Рима и достигло здесь выдающихся результатов. Но тот же Санкт-Петербургский историко-филологический факультет знал не только школу Ф.Ф. Соколова. Здесь работали и имели известное влияние такие антиковеды, как М. Ростовцев и Ф. Зелинский. Оба они эмигрировали после революции 1917 года. Но тем не менее главные научные разработки этих авторов приходится на российский этап их жизни. Фигура Ф.Ф. Зелинского нас интересует особенно, так как он являлся одним из ведущих специалистов в области классической филологии, а также считал делом всей своей жизни разработку весьма оригинальной, а потому и спорной концепции античной религии в целом. Более того, он, хотя уже и не в родных стенах своей alma mater, все же завершил начатое дело.

Э.Д. Фролов в одной из своих недавних работ заметил, что до начала XX века история религии, особенно религии христианской, была "прерогативой профессоров богословия" [1]. И, действительно, русская богословская мысль занималась историко-культурными изысканиями касательно не только христианства, но и античного язычества, так как богословская традиция со

времен первых христианских апологетов связала эти два культурно-исторических явления в неразрывное антиномическое целое. Здесь можно указать целый ряд имен, начиная с О. М. Новицкого, заканчивая прот. А. И. Введенским и С. С. Глаголевым.

Э.Д. Фролов далее отмечает, что историко-религиозная тематика все же постепенно привлекала к себе внимание светских историков-антиковедов. И на этой ниве уже были видны некоторые результаты. Но после 1917 г. эта работа была прекращена на территории Советской России. Все же наш историограф не указал еще одного главного участника этого исследовательского процесса - русскую религиозно-философскую мысль. Возможно, по своим богословско-религиозным идеям она во многом следовала за отечественными богословами. Да и в области фактического знания религиозная философия уступала философии историков-профессионалов, так как зачастую относилась к историческим фактам избирательно и тенденциозно. Но тем не менее именно ей принадлежит авторство так называемой **теологии истории**. Последняя может и должна быть использована современным антиковедением в его поисках нового образа науки, новой, работающей методологии в изучении истории Древнего мира.

Итак, мы назовем три подхода в изучении древних религий, а также три взгляда на культуру античности в целом:

1) точка зрения историко-филологическая, которая дает нам необходимый фактический

материал;

2) православно-богословская традиция изучения дохристианской культуры;

3) религиозно-философские обобщения.

Интересно, что все три, несмотря на всю принципиальную разницу их исходных теоретических установок, на рубеже XIX–XX вв. начинают работать вместе и стремятся синтезировать все то, что каждая имеет по отдельности. И это воссоединение веры и разума происходит как раз на основе концепции "язычества". Конечно, было бы большим преувеличением сказать, что в начале XX в. мы уже наблюдаем искомый синтез. Наоборот, эта работа сопровождается очень жаркой полемикой: богослов критикует философа, философ призывает историка подняться на уровень философии истории и т. д. Но, вероятно, нет иного пути движения к истинному знанию.

Понятие "язычество", безусловно, христианское, вернее, ветхозаветное по своим корням. Для богослова главными источниками и авторитетами для разработки этой концепции являются прежде всего ап. Павел, "апостол языков" и его речь перед афинянами, а также апологетическое наследие первых веков по Р. Х. Здесь особо надо выделить учение Климента Александрийского об античности как одной составляющей всемирно-исторической триады "иудейство - эллинская мудрость - христианство". С учетом выработки основой православной догматики после семи Вселенских соборов само православное учение о язычестве сохранялось практически неизменным до XIX в. С появлением же светской философии истории и философии культуры во многих представителях своих протестантской по вероисповеданию, историей языческой религиозности и языческой культуры начинают заниматься и светские философы и историки. Нельзя сказать, что некоторое противостояние между богословской и светской, западно-ориентированной мыслью во второй половине XIX в. прошло безрезультатно для обеих сторон. К концу XIX столетия светская философско-историческая мысль в России с большим вниманием и уважением обращается к богословской традиции, а богословы вполне осваивают светскую, научную терминологию, что способствует росту взаимопонимания. На начало XX века можно говорить о единой духовной культуре России, о некотором специфическом "духе эпохи", не умаляя при этом конкретного и индивидуального многообразия отдельных представителей российского духовного Ренессанса.

Во многом посредническую роль в этом процессе и играет русская религиозно-философская мысль. А. С. Хомяков пишет свою "Семирамиду", желая охватить всю мировую историю имен-

но с христианской точки зрения, так как только здесь работает принцип историзма. Он одним из первых подчеркивает религиозный характер античной, дохристианской культуры, объединяя ее таким образом с культурой христианской, средневековой и противопоставляя их секуляризированной культуре Новой Европы [2]. Вслед за ним В.С. Соловьев выстраивает интереснейшую теологию античной культуры, прямо заявляя, что без знания язычества, языческой религии, невозможно понять всю дальнейшую человеческую историю. Используя свою богословскую подготовку, основатель русской школы "всеединства", раскрывает диалектику античного дуализма, как конечного результата языческого "процесса овеществления духовного божества", приводящего к абстрактному одухотворению материи и к абстрактной же материализации духа [3]. Здесь мы видим все три признака язычества, известные еще с первоапостольских времен: 1) естественный, антропоморфный характер их религиозных поисков и образов; 2) осознание границ этого исключительно человеческого, рассудочного поиска Бога; 3) отсюда чаяние сверхразумного, божественного откровения, "готовность ко Христу" [4]. Эти характеристики языческой религиозности и античной культуры в целом мы наблюдаем практически у каждого автора, который смотрит на древность человечества с христианской, а значит, и со вселенской точки зрения, начиная с российских богословов-теистов (Ф. Голубинский, В. Кудрявцев-Платонов, А. Введенский, С. Глаголев, П. Флоренский), включая историков философии (кн. С. Н. Трубецкой, А. Ф. Лосев), а также университетских историков. Здесь мы вновь возвращаемся к Ф. Ф. Зелинскому. Ведь если мы не учтем принципиальное заявление о том, что главная цель его изучения языческой религии, начиная с религии древнегреческой и заканчивая религией позднего Рима в том, чтобы показать и доказать: "*античная религия - это и есть настоящий ветхий завет нашего христианства*" [5], то тогда бессмысленны любые обобщения на счет его замечательного автора.

Мы видим, что в одном единодушно были вышеуказанные авторы дореволюционной России: нельзя подходить к изучению древней, дохристианской культуры без учета религиозной подосновы последней. Пусть язычество - лишь искаженное отражение, тень истинной религии, но только христианин может увидеть здесь формальное сходство. Ведь мы знаем, что именно постхристианская философия, сохранившая в себе христианское учение о вселенской вере, создала общеполитическое понятие религии, после чего и стала возможна и философия религии, и сравнительное религиоведение. Более того, и фило-

софия истории, стоящая у основания современной исторической науки, также сохраняет в себе христианский принцип историзма. Поэтому мы скажем вместе с о. Георгием (Флоровским): "История не зрелище и не панорама. Это процесс. Временная перспектива - с конкретным временем, заполненным событиями - дает нам ощущение направления, которого, возможно, само события на момент совершения были лишены... Если история - многовековая жизнь человечества - имеет смысл и значение, то *изучение истории*, если оно больше, чем простое любопытство, *должно иметь значение и смысл*. Таким образом, чтобы разобраться в своей области, историк, вопреки распространенному предрассудку, *должен быть чутким ко всем человеческим вопросам и заботам*. Если у него нет своих интересов в чем-либо, чужие покажутся ему бессмысленными... *Неверующий историк религии с той же наивной убежденностью и чувством превосходства полагает, что история всякой религии есть повесть "обманов", "суеверий" и всевозможных человеческих заблуждений...* (Поэтому) то, что мы называем "философией истории" на деле более или менее замаскированное "богословие истории" [6].

-
- [1] Античное общество: проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 206.
- [2] Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Ч. 1. // Собр. соч. Т. 3. М., 1871. С. 130.
- [3] Соловьев В. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 21-33.
- [4] Введенский А. И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории религии. М., 1902. Т. 1. С. 3-5.
- [5] Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 3.
- [6] Флоровский Г. В. Догмат и история. М., 1998. С. 56-63.

УПРАВЛЕНИЕ СРЕДНИМ КАЗАХСКИМ ЖУЗОМ В КОНЦЕ XVIII - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX вв.: ПРОЕКТЫ РЕФОРМ

С.В. Шевченко

*Омская академия МВД России, кафедра теории и истории права и государства
644000, Омск, пр. Комарова, 7*

Получена 9 февраля 2001 г.

The article is devoted to the experience of improve of system of government of Kazakh Juz in Russian Empire.

Считается, что вхождение казахских жузов в состав Российской империи началось в 30-е годы XVIII в., когда ханы Младшего и Среднего жузов присягнули "на верность" России. С этого времени казахи (за исключением представителей Большого или Старшего жуза) признавались российскими подданными. Однако на практике подданство казахов не было реализовано. Казахи не платили налогов и сохранили собственное управление, вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Более того, периодически они совершали набеги на русские селения и грабили караваны среднеазиатских купцов, торговавших с Россией. Российские власти в течение XVIII в. активно занимались строительством укрепленных линий на границах со степью, которые оградили бы внутренние районы от новых подданных. Это было связано со сложной международной обстановкой в Центрально-Азиатском регионе и с недостатком военных формирований у России на южных рубежах. Царская администрация считала основными причинами "непокойствия" в степи кочевой образ жизни казахов и ханскую власть. Власть казахских ханов внутри жузов была слабой. Они избирались из султанской группы, относившей себя к потомкам Чингис-хана. Междоусобицы и соперничество султанов за обладание ханским титулом ослабляли положение ханов. Авторитет хана зависел во многом от его личных качеств.

Отношение русского правительства к наличию ханской власти носило двойственный характер. С одной стороны, российские чиновни-

ки понимали, что ханам сложно навести порядок в степи, и что авторитет ханской власти имеет ограниченный характер, с другой стороны, ханы представляли определенное консолидирующее начало в жузах. Отсюда перед русским правительством стояла дилемма - укрепить политическую роль ханов, подчинив их своему влиянию, или ослабить ханскую власть и ориентироваться на старшинскую группу.

На протяжении XVIII в. царской администрацией делались определённые шаги по созданию опоры среди казахских "владельцев" и старшин. Присяги "на верность" России давали не только ханы, но и наиболее влиятельные "киргизские владельцы", некоторым из них правительство назначало жалованье, велась переписка между российскими начальниками и казахскими "старшинами". Однако проекты создания противовеса ханской власти в Среднем жузе оформились лишь в конце XVIII в. в связи с правлением Вали-хана - сына популярного и пользовавшегося большим авторитетом у казахов хана Аблая.

Через несколько лет после утверждения его ханом российские власти пришли к выводу, что выбор казахской знати оказался неудачным. Не все казахские роды признавали авторитет Вали-хана: роды тортул (найманы) и каракесек (аргыны) не подчинялись ему и выбрали собственного хана. Им стал Даир - сын Барак-султана [1]. Кроме того, деятельность Вали-хана вела не к установлению порядка в степи, а к разобщенности среди казахских родов. Вместо того, чтобы способствовать прекращению вражды между

родами, Вали-хан принимал активное участие в барымте, набегах и т. д. В 1794 г. он "отдался в покровительство богдохану" (то есть принял китайское подданство), что вызвало недовольство не только у русского правительства, но и у значительной части казахской родовой знати. В январе 1795 г. от двух казахских султанов и 19 старшин с подвластными им людьми (более 100 тыс. чел.) на имя императрицы было подано прошение - избавить их от власти хана Вали и "о ограждениях их единственным российским правлением" [2].

В связи с этим начальник сибирских пограничных линий генерал-поручик Г.Г. Штрандман предложил направить в степь войска "для занятия мест, означенных киргисцами, ныне прошение подавшими..." [3]. Однако считая монархию единственно возможной формой правления, царское правительство не могло лишиться власти Вали-хана, правителя Среднего казахского жуза. В 1801 г. Г.Г. Штрандман составил новый проект политического устройства Среднего казахского жуза, прямо противоположный предыдущему. В своей записке Александру I он предложил усилить власть хана Вали и послать к нему "в помощь" казачий отряд в количестве 50 человек. Командир отряда и хан со своим окружением должны были совместно, по мнению Штрандмана, осуществлять правление жузом. Получая жалованье от правительства, Вали-хан с несколькими султанами стали бы российскими чиновниками, но с более широкими полномочиями. Однако решение важных вопросов Штрандман считал необходимым передать в ведение командующего сибирскими пограничными линиями [4].

Несколько иной подход был у командира бригады Ишимской дистанции генерал-майора Я. Боувера. В 1795 г. он представил Екатерине II свой проект, который бы позволил "освободить" границы от опасности. Боувер преподнес намеченную систему мероприятий как расширенное продолжение разработок фаворита императрицы князя Г.А. Потемкина-Таврического. С его слов, светлейший князь признавал первоочередной необходимостью склонение казахов "на принятие жизни неподвижной", причем начать, по его мнению, следует со Среднего казахского жуза [5].

Помимо политических шагов (взятие аманатов из кочевников, образование русско-казахских судов, посылка в степь российских мулл, учреждение в казахской степи волостей и волостного правления и т.д.) русское правительство, согласно предложениям Боувера, должно предусмотреть социально-экономическое переустройство казахского общества. Он считал, что для этого необходимо закрепить за родами пути кочева-

ния, построить представителям казахской знати дома и загоны для скота (другие казахи по примеру "старшин" также начнут строительство домов), "приучить" казахов к сенокосению. "...Асим, - писал Я. Боувер, - прекратится неизбежные ... скоту гибели и семействам разорения". Кроме того, по его мнению, нужно построить для кочевников больницы и школы, содействовать развитию у казахов хлебопашества, всемерно поощрять торговлю. Всё это, по его расчетам, приведет к тому, что казахи, "ощуя в полной мере толикий дар небес привыкнут и к неподвижной жизни" [6].

Появление проектов, направленных на ревизию подходов в отношениях с казахами, объясняется изменением политической ситуации в Центральной и Средней Азии и усилением позиций России на юге Западной Сибири. Качественно изменились и русско-казахские взаимоотношения. В конце XVIII - начале XIX вв. заканчивается эпоха "закрытости" пограничных линий. Казахским родам Среднего жуза было разрешено переходить со своими стадами во "внутреннюю сторону" линий. Часть из них оставались на юге Сибири на постоянную кочевку. Этим казахов стали называть "верноподданными". К концу второго десятилетия XIX в. во "внутренних" областях кочевало уже около 11 тыс. казахов.

Однако планы реформирования управления казахами пока не были претворены в жизнь. В этот период времени правительство большее внимание уделяло европейской политике. Лишь с окончанием наполеоновских войн русское правительство смогло приступить к решению внешнеполитических вопросов на своих восточных окраинах. В 1816 г. царская администрация начала реорганизацию управления Средним жузом и частично ограничила ханскую власть. Из-под власти Вали-хана были выведены восточные районы Среднего жуза. Ханом восточной части был утвержден султан Букей. После смерти хана Букея (1819 г.) и смерти хана Вали (1821 г.) русское правительство решило упразднить ханскую власть в Среднем жузе. Командиру Сибирского корпуса было поручено "отклонить всякий приступ к выбору" нового хана. Вышестоящее начальство мотивировало этот шаг тем, что "свойства сына хана Валия и обстоятельства его семейства не только здесь, но и на месте ... недовольно начальству ещё известны". Также указывалось на то обстоятельство, что в результате выборов к власти в Среднем жузе может прийти недостойный кандидат, так как не все казахи могут принять участие в выборах и т.п. Но главная причина заключалась в решении не допустить "послабления", чтобы выборы не прошли "без дозволения и без руководства нашего" [7].

Следующим этапом в реорганизации управления Средним жузом было проведение реформ М.М. Сперанского в Сибири. Был сделан вывод, что пограничная система управления уже исчерпала себя, и было решено "создать органы правительственной власти внутри самой орды" [8]. В 1822 г. правительством был утвержден "Устав о сибирских киргизах", пожалуй, один из самых радикальных реформаторских проектов сибирского периода М.М. Сперанского.

В составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства образовывалась Омская область. Омский областной начальник одновременно являлся и командиром Сибирского корпуса. Область разделялась на внутренние и внешние округа. Центрами внутренних округов стали крепости Омская, Петропавловская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская. Во главе них поставлено Окружное управление, состоящее из начальника округа и Окружного совета. Начальниками округов назначались коменданты крепостей - командиры казачьих подразделений. Станичные командиры имели права полиции и суда на территории своих селений и подчинялись Окружному управлению. В их ведении находились и все дела, касающиеся "верноподданных" казахов. Внешние округа должны были создаваться постепенно в самой степи. Внешний округ управлялся Окружным приказом. В его состав входили: председатель - выборный старший султан, два русских заседателя, которых назначал областной начальник, и два выборных казаха. Как правило, русские заседатели были выходцами из сибирского линейного казачества, т. к. хорошо были знакомы с нравами казахов и имели опыт общения с ними. Окружной приказ выполнял функции полиции и земского суда. В его распоряжение передавался отряд линейных казаков. Округа разделялись на волости, возглавляемые волостными султанами, чья власть была пожизненной и наследственной. В волость входили аулы, управляемые выборными старшинами. Все должностные лица и чиновники, исключая "старшинскую" группу, должны были получать жалование. На территории округа предполагалось образовать благотворительные заведения, больницу, школу. В целом ежегодно функционирование учреждений в восьми внешних округах должно было обходиться казне в 248 тыс. рублей [9]. В эту сумму не входило строительство зданий и мечетей, которые финансировались отдельно.

Открытие внешних округов изменило порядок несения службы и обязанности сибирского линейного казачества. Если раньше казаки в основном исполняли роль пограничной стражи, то теперь на них возлагались полицейские и административные функции. В обязанности ко-

мандиров казачьих отрядов входило обеспечение спокойствия и правопорядка в степи и содействие деятельности окружных приказов. Начальник Омской области должен был организовать перепись населения и скота во вновь образуемых внешних округах. Выполнение этой задачи также поручалось казачьим командирам. Предполагалось обеспечить окружные и волостные управления переводчиками, толмачами и писцами, и среди казаков Сибирского линейного казачьего войска проводился поиск лиц, знающих казахский язык, а все толмачи, переводчики и их дети ставились войсковым начальством на учет. Командование войска намеревалось также расширить практику зачисления в казачество желающих казахов.

Таким образом, "Устав о сибирских киргизах" кардинально менял всю систему русско-казахских отношений в Западной Сибири и устанавливал прямое российское правление с элементами выборности в Среднем казахском жузе. Реализация "Устава" осуществлялась преемниками М.М. Сперанского на посту генерал-губернатора и растянулась на длительный срок.

-
- [1] Кузембайулы А., Абилов Е. Казахстан в XVII-начале XX вв.: Учеб. пособие. Костанай, 1995. С. 23.
 - [2] Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1861 гг.): Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964. С. 141-142.
 - [3] Там же.
 - [4] Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч.1, 2. С. 237.
 - [5] Казахско-русские отношения... С. 144.
 - [6] Там же. С. 146-147.
 - [7] Там же. С. 182-183.
 - [8] Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1909. С. 153.
 - [9] ГАОО. Ф.366. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ СВОЙСТВО ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ФАКТОР ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Г.А. Кривоzubова

*Омский государственный университет, кафедра русского языка
644077, Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 1 марта 2001 г.

In this article are analysed the results of psycholinguistic experiment, which reveals influence of system properties own name's on formation of the person's onomastic competence.

Одна из фундаментальных идей лингвистики второй половины XX века, идея антропоцентричности языка, порождает интерес исследователей к языковой личности, к её "языковому существованию" [1], к моделированию языковой картины мира отдельной возрастной, этнической или социальной группы, что неизбежно приводит к актуализации такого понятия, как языковая компетенция индивида и общества в целом.

Причем в этом случае должное внимание уделяется так называемому "отрицательному материалу" [2], в состав которого, в частности, может быть включена и детская речь со всеми её несовершенствами, с иной, чем у взрослых, системой ценностей [3], с иным креативным потенциалом, с иным корпусом ассоциативных реакций и коммуникативных стратегий.

Как правило, в такого рода исследованиях привлекается апеллятивная лексика. Обращения же к собственным именам выглядят в большинстве случаев достаточно фрагментарными и непоследовательными. Между тем имя собственное и в речи, и в сознании ребенка занимает одно из центральных мест. Иными словами, уже в самом раннем возрасте в том или ином объеме начинается формирование ономастической компетенции личности. Достаточно сказать, что практически первый вопрос, обращенный к ребенку в процессе межличностных коммуникаций, вопрос, возбуждающий в ребенке некую рефлексию в отношении самого себя, звучит следующим образом: "Как тебя зовут?" И это делает имя собственное в определенный период вре-

мени едва ли не единственным опознавательным характеризующим знаком формирующейся языковой личности.

В разговоре об ономастической компетенции, с нашей точки зрения, следует прежде всего учитывать умение носителей языка достаточно адекватно оперировать некоторым набором ономастической лексики; осознавать ассоциативный потенциал и прецедентность отдельных ономастем; прагматически оценивать коммуникативный фон при выборе того или иного варианта имени собственного и при осуществлении номинативной деятельности в целом; непринужденно создавать разного рода ономастические системы.

Для уточнения перечисленных позиций со школьниками разных возрастных групп был проведен психолингвистический эксперимент (эксперимент со школьниками младшего возраста ставился совместно со студенткой 5-го курса филологического факультета С. Шапаренко). Учащимся были предложены задания разных типов, ориентированные на проработку той или иной позиции.

Так, для выяснения, в какой степени участники эксперимента владеют (и владеют ли?) понятием "ономастическая система", могут ли они непринужденно, то есть без специального наведения, создавать системы разной протяженности, были использованы тексты с пропущенными проприальными (большой частью антропонимическими) единицами.

Понимание системообразующего свойства имени собственного как одного из ярких факторов

ономастической компетенции личности продиктовано самой природой онимической лексики. Имя собственное в значительной мере тяготеет к системной организации, выбор той или иной антропо-, зоо- или топоосновы достаточно часто оказывается стимулированным, и прежде всего со стороны культурно-языковой традиции. Можно предположить, что последовательный, целенаправленный учет этой традиции в процессе номинации может свидетельствовать о весьма высоком уровне ономастической компетенции. В то же время очевидно, что успех такого рода номинативной деятельности не в последнюю очередь зависит от возрастного фактора.

Среди текстов, предложенных детям 8 лет (2-й класс средней школы №117), пять было сориентировано на умение использовать имя собственное как элемент определенной системы. Эти тексты различались и по жанру (сказка, фантастический рассказ, бытовая история, два шуточных стихотворения), и по объему (от 2 до 13 незаполненных позиций); вместе с тем все тексты носили веселый, игровой характер, поскольку широко известно, что в процессе экспериментального тестирования ни в коем случае нельзя утомлять ребенка, дабы не получить нежелательной реакции отторжения.

Анализ полученных результатов показал, что уже во 2-м классе школьники могут включать имена собственные в разного рода системы. Наиболее последовательно это происходит, когда требуется заполнить всего лишь две позиции, то есть создать малокомплектную систему. Стимулирующим фактором в данном случае является то, что в самом тексте уже представлена бинарная оппозиция на апеллативном уровне. Так построен текст "Забота": *Взрослый дждин в большом кувшине беспокоился о сыне: нужен маленький кувшинчик, чтобы мог малютка-дждинчик уместиться ловко в нем, обращаться вдруг огнем, над кувшином вырастать - настоящим ДЖИНОМ стать!* Участникам эксперимента предлагалось придумать имена собственные этим героям: папе-дждину и сыну-дждинчику. В анкетах встречаются следующие пары: *Утя - Гусена; Рахат Лукум - Али; Дарри - Ирри; Джинани - Джини; Великан - Кроха* и т.д.

Аналогичным образом было сформулировано и другое задание. С единственной лишь разницей, что апеллативная пара была женской (мать и дитя): "Ох!" - *встревожена жар-птица, к Айболиту птица мчится: "У ребенка жара нет, не идет от перьев свет!" Отвечает доктор птице: "Надо б птенчику умыться. Ваш жар-птенчик запылен, потому и тусклый он"*. Второклассникам предлагалось придумать имена жар-птице и жар-птенчику. В анкетах читаем: *Дина - Динара;*

Тюган - Келигюн; Огонь - Жар-сметушка; Снегирь - Ворона; Мама - Доча, Солнышко - Запыленный, Тейла - Тайл и т.д.

Эти примеры показывают, что детям младшего школьного возраста присуще стремление создавать взаимообусловленные, системные номинации. Очевидно, что в данном случае процесс имятворчества идет нерасчлененно, обслуживая сразу две денотативные единицы. Видимо, вначале в сознании ребенка возникает некая общая номинативная идея, которая затем реализуется в бинарной оппозиции. Вместе с тем нами получен и "нулевой" вариант такого рода номинативной деятельности. Наименования обоих участников и той, и другой ситуации в ряде анкет выглядят достаточно разнородно: 1-й текст - пары: *Вова - Малютка, Дилан - Беленок, Полный - Митя* и т.д.; 2-й текст - пары: *Таня - Летунчик, Кристина - Саша, Клевдия - Беби, Распрекрасная - Малютка* и т.д.

При выполнении более объемных и сложных заданий достаточно ощутимо проявилась непоследовательность в использовании того или иного системообразующего принципа в рамках одного замкнутого текста, что явилось причиной эклектичности созданных онимических рядов. И хотя жанровая экспансия, безусловно, подталкивала участников эксперимента к выбору или созданию вполне определенного ономастического материала, качественно однородных систем дети создать не смогли. (Еще раз следует уточнить, что прямо задача создать систему имен собственных не ставилась. Просто - заполнить указанные позиции любыми подходящими, приемлемыми именами). Было важно проверить непосредственную реакцию, выяснить, в какой степени в сознании школьника имя собственное тяготеет к системной организации.

Сейчас можно сделать вывод, что лишь в некоторой, поскольку смешение жанров, стилей, эпох, культурных парадигм в рамках отдельно взятых анкет налицо.

В качестве подтверждения данного тезиса следует обратиться к материалу, извлеченному из текста-сказки, где использован широко известный сюжет: *В одном старинном замке жил сильный и смелый король¹... У него была жена, прекрасная королева²..., и три сына. Старший был умным да ласковым, а звали его³... Средний любил охоту и шумные игры и звался⁴... Младшенький же был шутиком, имя ему дали под стать⁵... А еще была у короля и королевы дочь, вся в мать, красавица писаная, звали её⁶... А рядом с замком в маленьком ветхом домишке жила злая фея, которая не любила детей. Её звали⁷... Однажды она заманила детей короля на берег чудесного*

озера⁸..., превратила их в четырех прекрасных лебедей и отобрала у них имена. Старшего она стала звать⁹..., среднего¹⁰..., младшего¹¹..., а царевну-лебедь¹²... Так как дети долго не возвращались, король и королева стали их повсюду искать. Дошли они и до чудесного озера. Там они увидели четырех прекрасных лебедей, которые им сказали, что они их дети. Лебеди долго оставались на озере, а потом улетели в холодную страну, которая называлась¹³...

Данный текст интересен тем, что в нем заложена идея смены номинативной парадигмы. Основной ономастический материал распределяется по двум полюсам: подлинными именами членов королевской семьи (1-6-я позиции), с одной стороны, и имя злой феи вкупе с придуманными ею именами детей (7, 9-12-я позиции) - с другой. Причем очевидно, что 1-я группа имен ориентирована на положительную оценку со стороны участников эксперимента, 2-я же предполагает проявление отрицательной оценочности. В идеале участники эксперимента должны были учесть такое распределение номинативных акцентов и попытаться создать два онимических ряда, каждый из которых строился бы на основе той или иной номинативной идеи, причем чем ярче была бы эта идея, чем более последовательно воплощалась бы она в процессе номинативной деятельности ребенка, тем очевиднее был бы переход от одной номинативной парадигмы к другой.

Полученный в ходе экспериментального тестирования материал показал, что дети 8 лет еще не воспринимают целостный текст как организованное по определенным художественным, культурно-эстетическим (в нашем случае - номинативно-онимическим) законам пространство. Наиболее ярко это проявилось при заполнении школьниками первых 6 позиций. В подавляющем большинстве анкет состав имен собственных членов одной семьи выглядит достаточно асистемно:

- анкета 1: *Король - Джунглей, Королева - Снежная, 1-й сын - Иван, 2-й сын - Илья Муромец, 3-й сын - Иван-дурачок, Дочь - Элиз;*

- анкета 2: *Король - Султан, Королева - Люлька, 1-й сын - Егорович, 2-й сын - Звонок, 3-й сын - Шумняк, Дочь - Наташа;*

- анкета 3: *Король - Горох, Королева - Люлька, 1-й сын - Горошинка, 2-й сын - Пилюлька, 3-й сын - Дурак, Дочь - Люська;*

- анкета 4: *Король - Геракл, Королева - Лилья, 1-й сын - Саша, 2-й сын - Егор, 3-й сын - Никита, Дочь - Дина;*

- анкета 5: *Король - Артур, Королева - Катя, 1-й сын - Андрей, 2-й сын - Ваня, 3-й сын - Смешилка, Дочь - Наташа;*

- анкета 6: *Король - Артур, Королева - Елена*

Прекрасная, 1-й сын - Илья, 2-й сын - Саша, 3-й сын - Илья-дурачок, Дочь - Белоснежка;

- анкета 7: *Король - Арон, Королева - Елена Прекрасная, 1-й сын - Иван, 2-й сын - Андрей, 3-й сын - Шутник, Дочь - Василиса Прекрасная;*

- анкета 8: *Король - Артур, Королева - Анна, 1-й сын - Илья, 2-й сын - Охотник, 3-й сын - Дурачок, Дочь - Елена Прекрасная;*

- анкета 9: *Король - Питер, Королева - Анастасия, 1-й сын - Владимир, 2-й сын - Стас, 3-й сын - Шутила, Дочь - Елена.*

Как видно из этих примеров, в создании онимического ряда значительную роль играют ассоциативный потенциал отдельно взятого апеллятива (*королева - снежная, король - джунглей, король - Артур*), характеристики персонажей (*2-й сын - Звонок, Охотник, 3-й сын - Шумняк, Смешилка, Шутник, Шутила*), наконец, знание прецедентных текстов (отсюда обращение к таким именам, как *Горох, Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная, Белоснежка, Иван-дурачок, Геракл*, и т.д.). А вот системная взаимообусловленность имен собственных проявляется весьма фрагментарно: *Король Горох - Старший сын Горошинка; 2-й сын Звонок - 3-й сын Шумняк; Королева Люлька - Средний сын Пилюлька.*

Если обратиться к именам собственным 2-й группы (9-11-я позиции), то здесь наблюдается большая последовательность в реализации общей номинативной идеи. Видимо, тот факт, что по сюжету сказки новые имена придумываются одним лицом и в одно время, и послужил основным толчком для создания достаточно большого числа взаимообусловленных номинаций: *Неудачник, Никудышник, Ненужник; Старший Лебедь, Средний Лебедь, Младший Лебедь; Белый Иван, Белый Лебедь, Серый Лебедь; Гес, Грейс, Грей; Белый, Красный, Черный; Воин, Черный Лебедь, Черный Воин; Сильный, Быстрый, Хитрый* и т.д.

Что касается природы реализованных в процессе номинативного творчества системообразующих идей, то уже из приведенного выше анкетного материала видно, что восьмилетние дети в основном использовали следующие приемы: звуковое сближение, морфемную дифференциацию и единство тематического ряда.

Тождество звукового оформления обеспечивалось, как правило, повтором одних и тех же звуковых комплексов (Ср.: *Дарри - Ирри; Джинани - Джини; Дина - Динара; Тюган - Келигон; Тейла - Тайл; Гес, Грейс, Грей*). Особенно ярко это проявилось при работе над текстом в жанре фантастического рассказа: Представь себе: вышел ты утром на улицу и вдруг ... летающая тарелка! Приземляется она, и выходит из неё маленький инопланетянин. ты спрашиваешь у него,

откуда он прилетел и кто живет на его планете. Инопланетянин отвечает: *"Планета моя называется ... Там живут мои мама и папа. Папу зовут ..., а маму ... Еще есть у меня три друга. Их зовут ..., ... и ..."*. Как видим, перед участниками эксперимента стояла задача не столько подобрать имена (из уже известных), сколько сконструировать новые. Решая эту задачу, школьники в большинстве случаев и использовали прием разного рода звуковых сближений. Ими были созданы такие ряды, как *Зубастик, Зублик, Зублина, Зубран, Зубу, Зибе; Дрип, Драк, Друн, Дзаль; Ангун, Анлая, Альгир, Анизр, Альще* и под.

Для создания взаимообусловленных онимических рядов использовался и прием морфемной дифференциации. В состав полученных таким образом системных образований вошли ономасты с актуализированным в процессе номинации словообразовательным показателем. Данный показатель либо повторялся (три сына из сказки были названы *Толян, Колян, Витанян*), либо, наоборот, варьировался. Такой способ именования неоднократно использовался в тексте о ленивой девочке: *Мы играли весь день в казаки-разбойники. Девочка ... очень устала. Бабушка говорит ей: "Стоди, ... , за хлебом". А девочка отвечает: "У меня ноги болят". Пришла мама с работы и говорит: "Я так устала. Сбегай, ..., за молоком". А она опять за свое: "У меня ноги болят". Пришел на обед папа и говорит: "Я очень устал. Выйди, ... , во двор, там дедушка дыни привез". "У меня же ноги болят!" - отвечает ему дочка. Тогда бабушка сказала: "У меня ничего не болит". И пошла за хлебом, за молоком и дыни выгружать".* Поскольку в данном тексте именуемый персонаж один, а номинативных позиций несколько, для их дифференциации использовались разного рода деминутивы: *Ленивица, Ленивушка, Ленивочка, Линька; Неряха, Неряточка.*

Наконец, еще один вид системных образований возник на основе понятийных сближений. При заполнении тех или иных номинативных позиций в рамках отдельного анкетного текста достаточно часто использовалась общая тематическая основа: *Старший сын - Черныш, Средний - Рыжик, Младший - Белый; Старший сын - Верхушка, Средний - Середка; Старший сын - Неудачник, Средний - Никудышник, Младший - Ненужник; Джин - Утя, Джинчик - Гусена; Джин - Великан, Джинчик - Кроха; Жар-птица - Огонь, Жар-птенчик - Жар-сметушка* и под. В основе таких системных построений зачастую лежит совершенно особая, присущая именно детскому сознанию ориентация в сфере номинации - у ребенка существует своего рода внутренняя зависимость между вещью и её названием, в силу

чего название служит детям не только символом, но и определением предмета и даже его объяснением, что позволяет детей в возрасте 8-10 лет называть "номинальными реалистами" [4]. Поскольку именуемые персонажи экспериментальных текстов обладали вполне определенными характеристиками, это оказало давление на выбор того или иного имени и послужило основой для создания взаимообусловленных номинаций: *Старший сын (добрый и ласковый) - Добрыня, Средний сын (любил охоту и шумные игры) - Звонок, Младший сын (шутник) - Шумняк* и под.

В целом, оценивая полученный в результате эксперимента языковой материал, можно сделать вывод о том, что дети младшего школьного возраста способны решать разного рода ономастические задачи, однако делают это не всегда последовательно. В этом возрасте у ребенка уже есть некоторое представление о природе имени собственного, однако оно все же в большей степени учитывает номинативно-характеризующую функцию ономастических единиц, нежели эстетическую и тем более системообразующую.

-
- [1] Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. М., 1996. С.5.
 - [2] Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
 - [3] Берсенева Н.И. Доминанты образа мира современного русского ребенка // Язык. Система. Личность: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 27- 28.
 - [4] Карпова С.Н., Колобова И.Н. Особенности ориентировки на слово у детей. М., 1983. С. 41.

ЭТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РЕБЕНКА ПО ДАННЫМ РЕЧИ

Н.В. Орлова

Омский государственный университет, кафедра русского языка
644077, Омск, пр. Мира, 55-А

Получена 9 февраля 2001 г.

The expression of ethical estimates in the Russian intellectuals speech is investigated in the article. The author pays special attention to the abundance of the language indirect means and disputes with A. Vezhbitskaya on the moral appraisals categoricalness of Russians.

Онтогенез этического сознания конкретной личности на вербальном уровне опредмечивается в динамике ее лексикона, а также в текстах, порождаемых этой личностью в разные периоды ее развития. То же можно сказать о становлении этических представлений целого социума. Обратившись к высказываниям детей младшего школьного возраста (7-9 лет), мы ставили перед собой несколько задач. Социолингвистический интерес заключался в выявлении отраженной в речи этической компетенции, в частности моральных ценностей, актуальных на данном этапе, собственно лингвистический - в построении семантической модели детской этики. Предполагалось, что, будучи сопоставленной с "взрослой моделью", она даст некоторую информацию об этапах онтогенеза наивных представлений о моральном и аморальном. Материалом для наблюдений послужили мини-сочинения учащихся 2-3 классов омского лицея №29 ("*На кого я хочу быть похожим?*", "*Какой я друг?*", "*О чем шептал подснежник?*", "*Что бы я попросил у золотой рыбки?*") и устные беседы учителя лицея О.Е.Алексеевой с первоклассниками, которым были заданы вопросы: *Хороший человек - это какой? Плохой человек - это какой? Что значит "бескорыстный"?* и т.д.

Семантическое моделирование в данном случае предполагает выявление системы языковых значений разного уровня, а также отраженных в языке символов и вербализованных ментальных стереотипов, которые прямо или косвенно манифестируют язык этики (объект моделирования). Существенным в процессе построения модели считаем "выявление внутренних связей

между частями и элементами целого" [1,с.100]. Предполагаем, что отдельные языковые маркеры этических смыслов не независимы, а образуют те самые "сети тайных сообществ", о которых говорила А.Вежбицкая применительно к иллюкутивным средствам языка [2,с.253].

Перечень моральных ценностей, опредмеченных в слове, в 7-9 лет невелик. Он включает понятия, выраженные прилагательными *хороший, добрый, дружный, смелый, честный*, глаголами *помогать, защищать, заботиться*, а также глаголами с отрицательной частицей *не*, которые, впрочем, нельзя назвать выражающими так называемую пассивную мораль: *не предавать, не бросать в беде*. Большая часть школьников 1 класса не знает значений таких слов, как *щедрый, порядочный, бескорыстный, надежный, ответственный*.

Яркой чертой морального сознания младшего школьника является ограниченность того мира, в котором действуют добро и зло, рамками семьи, двора, школьного класса. Идеалом человека в этом возрасте является кто-то из близкого окружения ребенка - мама, папа, бабушка, лучший друг или подруга. Реже "самым хорошим на свете" назывался герой фильма. Антиидеал не персонифицирован. Около 80 процентов детей на вопрос о "самом плохом человеке" ответили: *нет, таких не знаю, таких у меня нет*. Остальные назвали имена брата/сестры или других знакомых детей. По данным устной речи, хорошо просматриваются характерные для этого возраста ментальные стереотипы. Ситуация, диагностирующая в глазах ребенка моральную сущность человека, - переходящая через дорогу

или стоящая в автобусе *бабушка*: хороший человек в этой ситуации ей помогает, а плохой - не помогает. Для дальнейших рассуждений важно заметить: при том, что ситуация явно обнаруживает детский взгляд на вещи (взрослый даже выразился бы иначе - *старушка, пожилой человек*), она не противоречит коренным представлениям русских о добре и зле. Ср. известное высказывание из "интеллигентской речи": "*Мерилом морального состояния общества является его отношение к старикам*" - а также прецедентные речевые феномены, связывающие предел морального падения с отношением к старшему поколению: "*Не жалели ни стариков, ни детей*", "*Родную мать продаст*" и др.

Характер одобряемых или порицаемых действий говорит о том, что объектом этической оценки являются преимущественно сверстники. Ребенок оценивает себя и таких, как он сам: *Для гостей что-нибудь приготовят/ без спросу отрежет/ свест. Плохой человек /это играют маленькие дети в песке с машинкой/ а он пойдет и заберет машинку. Хороший человек/ мама моет полы/ он маме скажет/ дай я помою. Если вышел на перемену/ не бегаем. Из известных составляющих зрелой морали (чувства, намерения, действия) на данном этапе развития личность выделяет лишь последнее - действия, поступки. Обратим внимание: они же наиболее актуальны для этического сознания русских вообще [3]. Просматривается характерное для взрослой этики сближение этических и интеллектуальных оценок [4] и более явное, чем у взрослых, ассоциирование "красоты душевной" и "красоты телесной". Типичными контекстами предикатов *хороший, добрый* в сочинениях являются слова *умный, красивый*. Отметим, что в детской речи отсутствует эстетическая метафора - основное средство сближения этики и эстетики в русском языковом сознании (*красивый душой, безобразный поступок, моральный урод и др.*). Говорящий ребенок поступает иначе: он наделяет хорошего человека телесной красотой и передает такой взгляд прямыми значениями слов.*

Описание моральных ценностей ребенка в возрасте 7-9 лет может быть дополнено следующим наблюдением. В детских высказываниях о плохом и хорошем человеке нередко в качестве эталонной приводится коммуникативная ситуация, т.е. моральный/ аморальный человек проявляется в них как человек говорящий. При практическом отсутствии в лексиконе речевых слов с этической семой (ср. во взрослом тезаурусе: *глать, цедить сквозь зубы, говорить через губу, оскорблять, подзуживать, хвастаться* и многие другие) дети маркируют этические содержание выразительной интонацией, с которой

передается содержание прямой речи после глаголов "сказать", "говорить": *Бабушке надо перейти/ он скажет/ сама перейдешь. Это когда мальчик подойдет играть/ а он скажет/ да пошел ты. Старая бабушка моет пол/ принеси воды/ он скажет/ сама принеси. Кто спросит время/ а он скажет/ бери сам часы. Если его толкнут/ он не толкнет/ а просто скажет/ не толкайся. Хороший человек скажет/ дай я пойду за хлебом. И так, для детей так же, как и для взрослых, важно, что сказано и как.*

Особое место среди моральных ценностей младшего школьника занимает дружба. В сочинениях на разные темы дети так или иначе обращаются к данной категории. От наличия / отсутствия друзей зависит самооценка. Иметь хорошего друга - заветное желание. Для многих друг - самый лучший и самый любимый человек. Сказанное подтверждается текстами сочинений *Почему я лучше всех? Что бы я попросил у золотой рыбки? Что я люблю больше всего на свете?* и др. Мотив дружбы неизменно присутствует в сочиненных детьми сказках о цветах: *Бабочка говорит одуванчику/ Давай с тобой дружить. Я с тебя буду пыльцу собирать. Или: Снежинка села на лепесток подснежника. Они познакомились/ но подружиться не успели. Снежинка растаяла. Любопытны ненормативные высказывания, в которых актуализируется положительные коннотации слов "друг", "дружный": Я смелый друг. Я дружный друг (из сочинений на тему "Какой я друг?"). И так, ощущение "значимости беззаветной дружбы в русской иерархии ценностей, нашедшей отражение в русской литературе и русском языке" [2, с.341], присутствует уже в сознании 7-9-летнего ребенка. Для нас интересно то, что в этом возрасте ребенком усвоены национальные представления о дружбе, выраженные в стереотипах русской речи: *Я хороший друг, потому что не предавал ни разу своего лучшего друга. Если друг попал в беду, я помогаю. Я никогда не оставляю друзей в опасности. Я не даю друга в беду. Я не люблю, когда предают.* Таким образом выражается мотив дружбы, которая должна пройти испытание. Ср. с прецедентным высказыванием "Друзья познаются в беде".*

Перейдем к собственно лингвистическим наблюдениям. Раскрывая содержание абстрактных этических предикатов "хороший - плохой" человек, дети, как и ожидалось, повторяли морфологию значительной части русских пословиц и предьявляли эталонные, с их точки зрения, примеры: *Хороший человек/ поможет сумку нести. Бабушка стоит/ он ей место уступит. Уступит сесть. Если его толкнут /он не толкнет/ а просто скажет/ не толкайся. Ср. по-*

словницы: *В лесу дров не нашел. У злой Натальи все люди канальи* (Кстати, данное наблюдение в каком-то смысле согласуется с известным положением о том, что речевой онтогенез личности имеет параллели с историческим развитием языка [5, с.64].) Реже предъявлялись этические предикаты более конкретной по сравнению с *хороший/ плохой* семантики (*Хороший человек - когда добрый, всем помогает*). Дети не используют предикаты-существительные - наиболее абстрактную форму выражения этической семантики, что свидетельствует о незавершенности процесса формирования речевых механизмов абстрагирования. Дружба, пожалуй, единственная категория, которая концептуализируется посредством абстрактных предикатов. Как уже говорилось, последнее свидетельствует об актуальности данной категории и некоторой "продвинутой" морального сознания на этом участке.

Нам уже приходилось говорить о том, что высказывания, содержащие этическую оценку, притягивают пропозиции крупного масштаба. Высказывание *"Нельзя обижать маленьких"* звучит по-русски более естественно, чем высказывание *"Плохо, что ты обидел трехлетнего Колю"* [6]. Когда Н.Д. Арутюнова писала, что в сфере этики "действует супероценка", она имела в виду ее стремление подняться над нормами, рефлексией по поводу таких ситуаций, "где сквозь декорации обыденной жизни проглядывают более высокие ее начала" [7, с.229-230]. Нам представляется, что определение "супероценка" может быть истолковано и в том смысле, что это оценка, во-первых, чего-то значимого и, во-вторых, оценка, соответствующим образом представленная. Для языка этики характерна выражаемая разными средствами (в том числе продемонстрированным выше) идея генерализации аксиологически осмысливаемой ситуации. При том, что 7-9-летний ребенок в силу своей лингвистической компетенции ограничен в возможностях выражения, детская модель языка этики так же, как и взрослая, содержит идею "укрупнения факта". В языковом сознании ребенка оценка тогда "дотягивает" до этической, когда ее объект (в типичном случае чей-то поступок) представлен не как единичный факт, а как повторяющийся, характерный для данного человека. О человеке нельзя сказать, что он плохой или хороший, если он сделал что-то, однако такая оценка возможна, если он делает это всегда. В детских высказываниях средством репрезентации укрупнения на лексическом уровне являются кванторы "весь" и "всегда". Характеризуя хорошего / плохого человека, дети говорили следующее: *Всегда всем помогает. Не жадничает, все дает. Делает все хорошее. Всегда всем уступает. Все-*

гда делает зло. Всем уступает и делает все хорошее. Все отбирает у маленьких. Из приведенных примеров видно, что указанные кванторы замещают в предложении практически все основные семантические позиции. Создается впечатление, что говорящему не важно, за счет чего увеличивается число ситуаций (то есть какая именно позиция будет занята) - важен сам факт придания примеру большего веса, благодаря квантору. На грамматическом уровне абстрагирование от конкретной ситуации манифестируется введением в высказывание ирреальной модальности. Для этой цели используются условные придаточные со скрепами *если* и *когда*: *Хороший человек/если его толкнут/он не толкнет/ а просто скажет/не толкайся. Плохой человек/это когда две девочки сидят/ а он их дернет за косички/ а они подумают/друг друга дернули /и поссорятся.* При отсутствии выраженных показателей условного придаточного значение условного наклонения выражается будущим временем глагола (грамматическое значение будущего времени, как известно, с неизбежностью предполагает некоторую ирреальность): *Вазочки с конфетами стоят/ гость попросит/ он скажет/ иди домой. Это который из рогатки в гнездо/ или кошку пнет. Мальчик подойдет/ скажет/ дай посмотреть машинку/ а он скажет/ это моя машинка. Бабушка попросит воды принести/ он принесет. Хороший человек уступит сесть.* Очевидно, что данные высказывания легко трансформируются в сложноподчиненные предложения с *когда* или *если*. Только в одном случае, вероятно, вспомнив реальную ситуацию, ребенок использовал в высказывании, характеризующем плохого человека, глагол в прошедшем времени: *На пляже шарик проткнул.* Заметим, что наши наблюдения над грамматикой этических высказываний ребенка коррелируют с замечанием Н.Д. Арутюновой, согласно которому "значение рациональной оценки, особенно этической, стремится освободиться от временных ограничений" [7, с.195].

На исследуемом материале любопытно проявляется также представленная в русском языке оппозиция добра/ зла, в которой зло обозначается как недостаток или отсутствие добра. Известно, что словарь содержит массу слов, которые начинаются с *не* и *без* и имеют при этом сему отрицательной этической оценки (*нелюди, негодяй, невежа, ненавистный, ничтожный, бессовестный, бездушный, беспардонный, бестактный, беспринципный* и т.д.). Примеры противоположного характера (в том числе *бескорыстный*.) не столь многочисленны. Поскольку "ребенок отдает предпочтение абсолютной системности перед языковой нормой" [8, с.89], можно

было предполагать, что первоклассники, не знающие значения слова с приставкой *без*, с уверенностью "вычисляют" характер аксиологического знака. Так и оказалось. Ниже приводятся типичные толкования слова *"бескорыстный"*: *Дерево ломает. Ничего не умеет делать. Стоит машина/ он пинает. Он все время торопится. Все оставляет на потом*. Осознание (и освоение) детьми одной из существенных черт русского языка этики в данном случае проявилось весьма своеобразно.

Разрозненные на первый взгляд наблюдения имеют отношение к одной проблеме - проблеме онтогенеза этического сознания и языка этики на современном русском речевом материале. Выявленная закономерность заключается в том, что некоторые существенные черты "взрослого" языка этики присутствуют уже в сознании 7-9-летнего ребенка, отражаясь в его высказываниях. Еще раз перечислим эти черты. Семантическая модель объекта (языка этики), по данным детской речи, может быть представлена как оппозиция добра и зла, где зло - недостаток или отсутствие добра. Этические оценки сближаются с интеллектуальными и эстетическими (при отсутствии в высказываниях эстетической метафоры). В иерархии ценностей одно из первых мест занимает дружба. В концептуализации дружбы присутствует характерный для взрослой морали мотив испытания. Дети ощущают необходимость генерализации ситуаций, предъявляемых как этически маркированные, и осуществляют эту генерализацию доступными им способами. Речь ребенка, как и речь взрослого человека, отражает ментальные стереотипы русских. Специфика детской речи на глубинном (когнитивно-семантическом) уровне состоит не столько в особенностях концептуализации добра и зла, морального и аморального, сколько в средствах выражения. Отдельные речевые факты складываются в систему, которая отражает языковую концептуализацию этических представлений на разных стадиях онтогенеза последних.

- [4] Дьячкова И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке. Автореф. дис... канд. филолог. наук. Омск, 2000.
- [5] Лепская Н.И. Языковая номинация и процесс ее становления (на материале детских высказываний)// Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1984. №6. С. 59-65.
- [6] Орлова Н.В. Этические оценки// Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч.1. Омск, 2000. С. 47-58.
- [7] Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- [8] Лепская Н.И. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языкознания. 1994. №2. С.82-90.

- [1] Соколовская Ж.П. Систематизация и моделирование в семантических описаниях // Исследования по семантике. Уфа, 1983. С. 99-108.
- [2] Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- [3] Орлова Н.В. Лексемы добро, зло и их производные по данным словарей различного типа // Miscellanea: Памяти Александра Борисовича Мордвинова. Омск, 2000. С. 155-169.

ФИННО-УГРОВЕДЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В РАБОТЕ ФИЛОЛОГОВ ОмГУ: СОТРУДНИЧЕСТВО С КОЛЛЕГАМИ ИЗ ДРУГИХ ВУЗОВ И СТРАН

Б.И. Осипов

*Омский государственный университет, кафедра общего языкознания
644077, Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 9 февраля 2001 г.

This survey contains information about connection Omsk university with Finish, Hungarian and blood ties languages specialistes from another institutiones.

В течение последних лет заметно активизировалось сотрудничество филологов Омского университета с коллегами из финно-угорских республик Российской Федерации и стран с финно-угорским населением по вопросам изучения языков соответствующей языковой семьи. Несмотря на материальные трудности, оживились не только обмены научной информацией, литературой и т. д., но и живые человеческие контакты. Так, совершили поездки на научные конгрессы и конференции в Финляндию и Эстонию, в Удмуртскую и Марийскую республики - Б.И. Осипов, в Венгрию - Б.И. Осипов и Н. А. Кузьмина, в Удмуртскую республику - О. Г. Никонорова, приняла участие во Всероссийском съезде удмуртов в Ижевске Г. А. Боброва. В 1996 г. кафедра общего языкознания нашего университета, учитывая резко возросший интерес студентов (и не только студентов) к самым разным языкам, задумала ввести на специальности "Русский язык и литература" ознакомительный спецкурс по финно-угорским языкам на материале удмуртского и венгерского. В ноябре 1997 г. на Международной научной конференции по пермским языкам, состоявшейся в Ижевске, старший преподаватель кафедры О. Г. Никонорова сделала подготовленный совместно с автором этой статьи доклад о проекте программы нового курса. При нашем скромном уровне знания языков нам важна была тогда поддержка и помощь компетентных специалистов. И эта помощь была оказана. Кроме моральной поддержки и полезных советов, мы со временем получили и необходимую литературу, и магнитофонные

записи, присланные нам из Удмуртского университета, Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Уральского отделения РАН, из Русского культурного центра в Будапеште. Связи с ижевскими коллегами поддерживались через автора этих строк, связь с Русским центром в Венгрии помогла наладить профессор кафедры русского языка Н. А. Кузьмина. А недавно полный текст нашего доклада на упомянутой конференции был опубликован в очередном выпуске издаваемого Удмуртским университетом сборника научных трудов "Пермистика" [1].

Между тем накопился уже некоторый опыт преподавания данного спецкурса. Этим опытом мы решили поделиться с коллегами на 9-м Международном конгрессе финно-угроведов, проходившем в августе 2000 г. в Тарту (Эстония) [2]. Доклад был встречен с интересом, говорилось о желательности распространения нашего почину. Ещё на предыдущем финно-угроведческом конгрессе, в 1995 г. в Ювяскюля (Финляндия), я попытался, опираясь на фразеологические исследования удмуртских и коми коллег, проанализировать специфику видения мира в славянской и финно-угорской народной традиции. Позднее, продолжив эту работу на фольклорном материале, я написал небольшую главу в коллективной монографии "Язык. Человек. Картина мира", подготовленной филологами и философами Омского университета [3], и выступил с докладом на конгрессе в Тарту [4]. Это был второй омский доклад на авторитетнейшем форуме

фино-угроведов, собравшем около 600 специалистов более чем из 20 стран земного шара.

Среди наиболее ярких пленарных докладов нельзя не отметить и один российский доклад профессора Московского университета А. И. Кузнецовой о перспективах финно-угроведения в XXI веке. Докладчица поставила задачу развёртывания типологического исследования финно-угорских языков. Замечу, что в индоевропеистике эта задача полным ходом решалась уже в течение XX столетия, а сейчас на очередь ставится расширение лингвоантропологических исследований. Впрочем, в прениях по докладу А. И. Кузнецовой было обращено внимание и на эту сторону дела.

Надо ли говорить, что международные конгрессы важны ещё и для установления личных контактов учёных разных стран? Было интересно познакомиться с профессором Будапештского университета Энико Сий: её учебником венгерского языка пользуются наши студенты на упомянутом выше спецкурсе. Были содержательные беседы с другими коллегами из Венгрии, Германии, Финляндии, Эстонии. К сожалению, не удалось встретиться с финской исследовательницей М. Лейнонен, чья интересная статья о финских заимствованиях в молодёжном жаргоне Петербурга была три года назад опубликована в одном из наших сборников, посвящённых городской разговорной речи [5].

Зато удалось получить довольно подробную информацию о состоянии преподавания русского языка в современной Эстонии из бесед с заведующей кафедрой русского языка Тартуского университета профессором И. П. Кюльмой. Удалось даже встретиться с двумя выпускницами русского отделения университета (кстати, по национальности обе оказались эстонками). Спрос на русский язык стабилизируется, да и вообще все национальные страсти в Эстонии улеглись, и только чиновники и журналисты время от времени подогревают их в своих (по-видимому, не слишком популярных) интересах. В октябре 2000 г. в Петербургском государственном университете состоялась большая конференция Российского общества преподавателей русского языка и литературы, во время которой я встретился с доцентом Сыктывкарского университета (республика Коми) С. В. Лесниковым, издающим альманах "Говор" и справочник "Кто есть кто в лингвистике конца XX века" (выходящий отдельными выпусками). Следующим моментом сотрудничества омского филфака с финно-угорскими коллегами стало моё участие в научной конференции, посвящённой 225-летию первой грамматики удмуртского языка. Конференцию организовали в ноябре 2000 г. Удмуртский университет и Уд-

муртский НИИ языка, литературы и истории. Я выступил с докладом "Славистические заметки о старинном удмуртско-русском словаре" [6] и руководил одной из секций.

Мы обменялись с удмуртскими коллегами новой литературой, вышедшей в наших издательствах. В частности, я получил книгу специалистов из Глазовского государственного педагогического института М. К. и Б. И. Каракуловых "Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков" [7], мыслями о которой и хотел бы завершить эти заметки.

Преыдущее учебное пособие по сопоставительной грамматике данных языков, подготовленное Г. А. Ушаковым [8], вышло в 1982 году, то есть около двух десятилетий назад, и притом очень скромным тиражом. Ясно, что появление новой книги на эту тему весьма своевременно: оно обусловлено как указанным обстоятельством, так и развитием науки о русском и об удмуртском языках в последние годы. Одним из достоинств книги как раз является тщательно составленная библиография новейших исследований. В пособии М. К. и Б. И. Каракуловых учтено около 80 работ по общему, финно-угорскому, русскому и удмуртскому языкознанию, вышедших после 1982 г., в том числе и три небольших статьи автора этих строк по сопоставительной фонетике и фразеологии.

Содержание книги полностью соответствует программе соответствующего курса, изучаемого студентами-филологами Удмуртского университета и Глазовского педагогического института. Здесь изложены узловые вопросы, касающиеся сходства и различия не только грамматической структуры двух языков, но и фонетический, а отчасти и лексической, а также систем письменности. Насколько я могу судить, все эти вопросы освещены квалифицированно и в то же время в доступной для студентов форме.

Если вопросы фонетики, письма и грамматики изложены в книге систематически (насколько позволяет объём учебного пособия), то вопросы лексики затронуты слабее: они ограничиваются кратким (и весьма неполным) обзором наиболее характерных особенностей словообразования. Между тем своеобразие национального видения мира может быть интересно проанализировано даже на небольшом лексическом материале. Взять хотя бы славянские и удмуртские названия месяцев. В русском славянские названия вытеснены латинскими, то же наблюдалось до определённого момента и в удмуртском, но славянские названия достаточно известны и понятны любому владеющему русским языком студенту, а потому вполне могут использоваться в учебной работе. Так, август у славян называется

серпень, что связано с серпом, с жатвой хлебов. В старой Удмуртии, где земледелие не занимало такого места, как у славян, август связывался не с какими-то сезонными работами, а с чисто погодными изменениями и назван гудырикошкон - 'месяц ухода гроз'. Зато октябрь, который у славян называется рюен - 'ревун' или паздерник - 'соломенник', у удмуртов именуется по важному для охотничьего промысла явлению: коньывуон - 'приход белки'. А вот слово со значением 'листопад' встречается и в славянском, и в удмуртском календаре, но если у славян так называется ноябрь, то у удмуртов - более северного народа - это сентябрь. Такого рода сопоставления, показывающие отражение в языке разницы мировосприятия, уклада, природных условий жизни двух народов, могли бы быть сделаны и на материале других лексико-семантических групп.

Совсем не затронуты в рецензируемом пособии вопросы фразеологии, а между тем опыт показывает, что даже беглый сопоставительный обзор фразеологических единиц двух языков вызывает, во-первых, живой интерес у студентов, а во-вторых, позволяет на ярких и выразительных примерах оценить хотя бы некоторые черты национального видения мира, духовных ценностей и предпочтений двух соседствующих, но говорящих на очень разных языках народов. Хотелось бы, чтобы в пособиях данного профиля такие сведения рано или поздно заняли своё место. Если говорить о недостатках освещения тех вопросов, которые отражены в книге достаточно подробно, то нельзя не отметить, что оставляет желать лучшего фонетическая транскрипция. Одна из самых больших трудностей освоения удмуртской фонетики русскими - это подмена удмуртских мягких, которые являются палатальными, русскими мягкими, которые являются палатализованными. Между тем в используемой авторами транскрипции удмуртские мягкие обозначены точно так же, как русские: т', д', н' и т. п. Это тем более провоцирует русское произношение соответствующих звуков, что транскрипция строится на русской алфавитной основе. Думается, удмуртские палатальные следует обозначать иначе, чем русские палатализованные - хотя бы удвоенным знаком мягкости: т", д", н" и т. п. (или, если использовать латиницу, t", d", n" и т. п.): н"ан" или п"ап" 'хлеб', а не н'ан', что, строго говоря, передаёт произношение родительного падежа множественного числа русского существительного няня.

Несмотря на эти недостатки, пособие М. К. и Б. И. Каракуловых будет, несомненно, полезным не только для студентов вузов Удмуртии, изучающих сопоставительный курс, но и для наших студентов, слушающих упомянутый выше спец-

курс по финно-угорским языкам.

Укреплению сотрудничества с финно-угорскими коллегами будет, очевидно, способствовать и состоявшееся уже в январе 2001 г. открытие при Удмуртском университете диссертационного совета под председательством известного удмуртского лингвиста проф. И. В. Тараканова: в совете могут защищаться кандидатские работы как по финно-угорским языкам, так и по русскому, а наша аспирантура по русскому языку бурно растёт. В состав членов совета включён и автор этих строк.

Думается, что со временем возникнут и иные формы сотрудничества омских филологов с финно-угорскими коллегами.

-
- [1] Осипов Б.И., Никонорова О.Г. О программе ознакомительного курса по финно-угорским языкам для студентов-русистов // Пермистика-6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов / Отв. ред. В. К. Кельмаков. Ижевск, 2000. С. 139-142.
 - [2] Осипов Б.И., Никонорова О.Г. Из опыта чтения спецкурса "Финно-угорские языки" студентам-русистам // Congressus nonus fenno-ugristarum. Tartu, 2000. Pars III. P. 70-71.
 - [3] Осипов Б. И. Некоторые ценностные представления человека в славянских и финно-угорских языках и культурах (Опыт сопоставления) // Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологические и философские очерки / Отв. ред. М.П. Одинцова. Омск, 2000. Ч. 1. С. 75-79.
 - [4] Осипов Б. И. Сопоставительный анализ некоторых особенностей языковой картины мира у славян и финно-угров // Congressus nonus fenno-ugristarum. Tartu, 2000. Pars III. P. 70-71.
 - [5] Лейнонен М. Русско-финские языковые контакты в сфере городского сленга // Городская разговорная речь и проблемы её изучения / Отв. ред. Б. И. Осипов и М. П. Одинцова. Омск, 1997. Ч. 1. С. 88-92.
 - [6] Осипов Б. И. Славистические заметки о старинном удмуртско-русском словаре ("Краткой вотской словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкой церкви священником Захариюем Кротовым, 1785 года") // Пермистика-6 / Отв. ред. В.К. Кельмаков. Ижевск, 2000. С. 251-254.
 - [7] Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Глазов, 2000.
 - [8] Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 1982.

ЗОМБИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, ИЛИ "ВЕЛИКИЙ ПОЭТ-МИЛИЦАНЕР" ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРИГОВ (ИМИДЖМЕЙКЕРСТВО КАК ИМИДЖ)

А.В. Ставицкий

Омский государственный университет, факультет иностранных языков
644077, Омск, пр. Мира, 55-А

Получена 20 марта 2001 г.

In this article the author tries to show the main features of the author's characters (images) in the creativity of D. A. Prigov he makes at the various levels of his activity.

В далеком 1968 году Ролан Барт, как известно, объявил "смерть автора". "Разумеется, - поясняет М. Липовецкий, - речь в данном случае идет, во-первых, о том, что умирает монологический автор - носитель высшей художественно-философской истины, обладающий устойчивой и надежно завершенной позицией; и, во вторых, о том, что диалогический автор, не утрачивая своих функций организатора и провокатора диалогических контактов между мирами и кругозорами, в то же время еще активней, чем это предусмотрено у Бахтина, втягивается, вовлекается в диалог в качестве одного из равноправных соучастников" [1, 26]. Постмодернистский "диалог культур" во многом регламентирован именно "смертью автора", породившей семантику возможных миров не только в рамках конструирования собственно текста, но и в рамках создания образа автора. Имя на обложке книги или на сайте в Интернете сегодня чаще всего мало что объясняет, оно скорее всего лишь указывает на "присвоенное коллективное мышление": в одном авторе скрывается неизвестное количество других сознаний. Таким образом, автор модифицируется в скриптора, буквально: записывающего; в фиксатора потока интертекстов, языков, смыслов.

Одним из самых первых и ярких создателей текстов этой (или подобной) модели в нашей стране стал Дмитрий Александрович Пригов, чьему творческому кредо и посвящена данная статья.

"Ныне мы знаем, что текст представляет со-

бой не линейную цепочку слов, выражающий единственный, как бы теологический смысл ("сообщение" Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников", - говорит Барт [2, 388]. Игра с жанрами и стилями у Пригова (в отличие, скажем, от Кибирова или Сорокина) практически всегда имеет своего "метаисполнителя", знакового, маркированного дискурса-персонажа, дополнительного посредника между автором и читателем.

Если разбирать подобные чисто текстовые имиджи, то, пожалуй, наиболее простой из них - это образ совкового обывателя, повествующего о перипетиях своей нелегкой судьбы. Сам Пригов назвал этот имиджевый ракурс "новой искренностью": "*Веник сломан, не фурычит / Нечем пол мне подметать / А уюс как, едрена мать / Как бывало подметал я / Там, бывало, подмету - / Все светло кругом, а ныне - / Сломано все, не фурычит / Жить не хочется*". Именно с этим образом в приговских текстах связан целый ряд блестяще выделенных концептов советской жизни: поход в магазин, стояние в очереди, тотальный официоз бытия и т. д. "*Я беру колбасу и рыдаю / И меня, знаю, каждый поймет / Сразу молодость вспоминаю / Незабвенный какой-то там год*".

"Я не люблю читать стихи как стихи. Мне интересны проступающий сквозь них имидж или некий фантом, чистота позиции. Это вообще дру-

гой жанр" [8, 119]. "Я не пишу стихов ни исповедального, ни личного плана, и у меня нет личного языка", - говорит Д. А. [11]. Но дело в том, что, по Пригову, личный язык изначально невозможен в принципе, так как любой субъект принимает тот или иной дискурс, принцип мышления и поведения (от президента до юридического), уже установившийся в обществе и предлагаемый каждому его члену "на выбор". Поэтому сама попытка создания какой-либо "чистоты позиции" для концептуалиста утопична: скриптор, конструируя текст, рано или поздно останавливается на некоем образе-имидже-языке, нужном ему в данный момент. Так, например, выглядит у Пригова клишированный образ "земного поэта" с предельно обнаженным пафосом "не-богоизбранности": *"Я всю жизнь свою провел в мьтве посуды / И в сложении возвышенных стихов / Мудрость жизненная вся моя оттуда / Оттого и нрав мой тверд и несуров"*. Концептный ракурс так или иначе выдает свою замкнутость, примитивность, архаичность, он как бы "подрывает" изнутри сам себя, непременно претендуя на общую целостность и завершенность.

"Художественная практика концептуализма - это не столько создание произведений, сколько выяснение отношений. Отношений между автором и текстом, текстом и читателем. Между "присутствием" и "отсутствием" автора в тексте, между "своей" и "чужой" речью, между прямым и переносными смыслами и т. д. Формализация этих отношений в рамках текста создает "эффект мерцания", стилей, смыслов, значений" [4, 331]. Пересечение, сопоставление, а чаще всего агрессивное столкновение языков, различных образов - это один из "моторов" приговской поэтики, помогающий выявить односторонность любой идеологии, придать особую динамику его текстам.

"Так встретились моряк с Милицанером / И говорит ему Милицанер: / Ты юности должен стать примером / Как зрелости я форменный пример / Ты с точки зрения высшего предела / Осмыслить должен ветреные страсти / Подняться над минутой пристрастий / Я должен - отвечал моряк и сделал". Здесь перед нами контактируют два концепта - знаменитый приговский Милицанер и моряк. Эти образы изначально разделены по степени могущества - исключительная степень полезности обществу, способность помочь простому гражданину, защитить его делает концепт Милицанера более значимым, главенствующим. Более того, последний герой в основном выступает в качестве метафизического спасителя, контролирующего преступность чуть ли не извне мирового пространства: *"Ворона где-то там кричит / На*

даче спит младенец / И никого, младенец спит / Один - куда он денется-то / Но если кто чужой возьмет / И вдруг нарушит сон его / Милицанер сойдет с высот / И защитит ребенка сонного". Таким образом, Милицанер обладает неограниченными возможностями Бога, он советует, помогает нуждающимся и карает виновных, при этом он, как платоновская форма, бессмертен и вечен: *"Ты убить меня не можешь / Плоть поразишь, порвешь мундир и кожу / Но образ мой мощней, чем твоя страсть"*, - объясняет он преступнику. Собственно, Милицанер - это своего рода максимум, на уровне приговского текста это предел имиджевости, наиболее активный и ярко выраженный концепт бытия, достаточно универсальный к тому же (этот образ и земного и одновременно божественного порядка); выше него в приговских текстах стоит, может быть, только предельно абстрактный медиум (=чистая идеология), зачитывающий откуда-то с небес указания и повеления: *"Надо честно работать, не красть / И коррупцией не заниматься"*. "Бесконечность приговского поучения отрабатывает нерасчленимость-нерасчлененность; кроме того, на каком-то ином, социальном что ли уровне, человек, очевидно, нуждается в ситуации учительства-ученичества как таковой, в полной ситуации, в чистой форме, безразличной к конкретному наполнению. Это инерция эволюционной цепочки, сменности, наследственности и так далее" [7, 141].

Итак, мы выяснили, что какой бы ракурс ни выбрал автор, он все равно будет в маске имиджа, не более того; подлинность "я" невозможна - автор "подстраивается" под тот или иной имидж. Вот знаменитый пример, в котором Пригов становится лермонтовским лирическим героем: *"В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я: / Я - Пригов Дмитрий Александрович: / Я, я лежал там, и это кровь сочилась моя"*.

Таким образом, позиция авторства как такового доведена до абсурда: несмотря на то, что в конце концов Пригов все же называет себя Приговым, читатель уже "не верит" ему, так как это, очевидно, очередной имидж, коими только что были Блок, Исаковский, Достоевский: Попытки самоидентификации в мире имиджей - даже не столько глупое и бесполезное, сколько просто ненужное занятие ("все сделано, все сказано") - вот один из основных постулатов концептуализма, выросшего на почве постмодерна и неизменно сопутствующего последнему ощущению "конца литературы".

Мы рассмотрели несколько текстовых имиджей Дмитрия Александровича Пригова. Однако, как уже было сказано, Д. А. формирует обра-

зы не на одном, а сразу на нескольких авторских уровнях. Во-первых, это уровень собственно текстуально-имиджевый, когда речь ведется от лица того или иного приговского персонажа (*"В чистом поле я гуляла / Да на травку прилегла"*).

Во-вторых, это лирическое "я" автора, искренне сообщающее нам все свои радости и горести (*"Когда тайком я мусор выносил / Под вечер, чтоб не видели соседи"*).

В-третьих, это "я" Пригова как создателя текстов, опытного и разумного пиита (*"Когда бы жил я как герои / Простые из моих стихов / Да вот, увы, я их хитрее / А ведь иначе мне нельзя"*).

В-четвертых, это Пригов на своего рода предтекстовом уровне внутри самого текста - всевозможного уровня "предупреждения", открывающие тот или иной сборник, содержащие полезную информацию, помогающие читателю правильно понять произведения и вообще направляющие его на "путь истинный" (*"Я предстаю в этом сборнике в образе этакого ветхозаветного французского энциклопедиста с кружавчиками и рюшечками у горла и косточек запястья, с острой мордочкой в застольной беседе, когда слушатели и ученики умоляют патриарха записать все это, или же сами тайком записывают все это на манжетах"*).

К этому же уровню можно отнести и своеобразный пате-имидж, то есть обязательно полное именование автора по образцу "Александра Сергеевича" или "Федора Михайловича". "Дмитрий Александрович" звучит солидно, в то время как "Алексей Максимович Парщиков" звучало бы комично. Кроме того, Дмитрий Александрович - имя серьезное, весомое, но с тем вместе и простое, безо всяких "иностранческих" загогулин, не какой-нибудь Эрнст Иосифович. Имя одновременно благородное и "мужичкое". Дмитрий Александрович - так называли великих князей и секретарей по идеологии [7, 138] (сравните также с нарочито "доступным" "Саша Соколов").

В-пятых, это СМИ-Пригов, то есть Пригов, появляющийся в газетах, журналах, Интернете, на радио и телевидении. Здесь мы выходим уже на психолого-социальные имиджи, юнговские "маски". "Причина возникновения имиджей может быть объяснена боязнью быть идентифицированным, фиксированным: это какие-то детские страхи, несшие на себе общий страх этого места, - страх быть пойманным", - рассказывает Дмитрий Александрович [10]. В этой сфере у Д.А. как минимум два имиджевых ракурса. Первый - это творец-концептуалист, заявляющий о себе с помощью различных "перформансов", художественных акций и публичных выступлений.

Здесь Пригов-теоретик и Пригов-практик сливаются воедино, наиболее ярко в нашей стране демонстрируя концептуалистскую неразрывность, непрерывность цепочки создаваемых имиджей. "Шутовское, "юродское" поведение Пригова, заходящегося на сцене в мелкой пляске, и орущего с телеэкрана кикиморой, представляется нам не столько конкретным имиджем ("Пригов имеет такой-то имидж"), сколько абстрактным знаком игры, сигналом о том, что этот человек - "стратег", идеей имиджевости. Шут, юродивый - это нулевая степень имиджевости, что может позволить себе только "первый" Пригов, остальным желающим играть в подобные игры приходится уже конкретизировать свои имиджи" [4, 314].

Однако и сам Д. А. любит "навешивать" на образ "художника-творца" дополнительные имиджи. Так, например, известно его "навязчивое" стремление создать как можно большее количество текстов к определенному сроку ("Пригов-стахановец"): "Я хотел написать 20 тысяч стихов к 2000 году. Потом понял, что сходство цифр здесь достаточно внешнее. И решил написать двадцать четыре тысячи. Эта идея гораздо красивее: по стихотворению на каждый месяц двух предшествующих тысячелетий и по стихотворению на каждый день моей жизни. Но поскольку "встречный" план был принят довольно поздно, пришлось повысить дневную норму. Для меня стихотворение - то же самое, как каждая тонна угля есть малый вклад в валовое производство при плановой экономике" [4, 314].

Другой вариант СМИ-Пригова - это серьезный современный писатель, философ (точнее даже ученый-социолог), эрудированный и образованный человек. В общем, это, казалось бы, заключительный, финальный имидж, вернее "финальный", так как за ним по теории должны стоять еще какие-то, неизвестные нам, продолжающие эту бесконечную цепочку. И тут мы подходим к самому интересному. Оказывается, что Пригов, по всей видимости, не признает этот образ сконструированным объектом, более того, он скорее склонен считать его своим действительно последним и возможно даже "истинным" лицом. Кроме того, Д.А. настаивает на исключительной власти именно этого СМИ-Пригова, постоянно пытаясь доказать главенствующую роль данного авторского ракурса, его подавляющее преимущество перед всеми остальными имиджами. "Дело в том, что в пределах текста для концептуального автора, в отличие от предыдущих авторских поз, как бы нет пласта, разрешающего авторские амбиции. В данном случае если обычного исповедального поэта (чья поза по разным причинам в нашей культуре и читательском сознании идентифицируется с единственно истин-

ной поэтической позой) в его отношении с текстом можно уподобить актеру, в идеале совпадающему с текстом, то отношение поэтов нового направления к тексту можно сравнить с режиссерским, когда автор, видимо, отсутствует на сцене между персонажами, но имплицитно присутствует в любой точке сценического пространства”, - говорит Пригов [3], и это полностью противоречит теории концептуализма как отдельного течения и тем более как ответвления постмодернизма.

Чтобы доказать это, обратимся к началу нашей статьи. Вспомнив основные постулаты постструктурализма, мы можем сделать вывод, что Пригов как бы “сплавляет” теории Барта и Бодрийара, реализуя в своем творчестве идею тоталитарного языка-симулякра, глобального концепта, пытающегося поглотить все остальные идеологии и единолично управлять миром. Кстати, высказывания самого Д. А. об этом кажутся едва ли не дословными цитатами из Барта: “Любая идеология, претендующая на тебя целиком, любой язык имеют тоталитарные амбиции захватить весь мир, покрыть его своими терминами и показать, что он - абсолютная истина” [11]. Пригов постоянно изображает именно такие концепты, существующие на всех уровнях человеческой жизни - от рождения до самой смерти (см., например, цикл “Там, где оторвали мишке лапку” - идеология даже в плюшевой игрушке); причем любые попытки личности персонализировать, присвоить себе тот или иной концепт обречены на провал, что демонстрирует, к примеру, цикл “Моя Россия” - сборник лубочных текстов есенинско-астафьево-шукшинской направленности. “Идеология такого приема ясна: авторитетная авторская речь абсолютна, а потому или тоталитарна (до трансмутации в собственно власть, до террора), или невозможна, есть только маски, имиджи, моделируемые заново в каждой новой ситуации, не предполагают никакого “истинного лица”: поэт - это разные маски, а не Поэт плюс разные маски”, - пишет В. Курицын [4, 315].

Пригов же утверждает совершенно обратное: “Я работаю, как режиссер, который выводит на сцену различных героев” [11]. “Именно введение героев в действие, способы разрешения конфликтов и выведение персонажей и объявляют особенности авторского лица. Нужно напомнить, что герои этих спектаклей не персонажи (даже типа зощенковских), но языковые пласты как персонажи, однако не отчужденные, но как бы отслаивающиеся пласты языкового сознания самого автора” [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что внутри самого концептуализма Д. А. выстраи-

вает еще одну стратегию, основанную на основных моментах как предпостмодернистской, так и чисто постмодернистской литературы. С одной стороны, Пригов демонстрирует в своих текстах бесконечность наслаивающихся друг на друга имиджей-языков, с другой - не признает “смерть автора”, пытается утвердить приоритет Поэта в ту эпоху, когда сделать это, казалось бы, уже не представляется возможным.

-
- [1] Русская литература XX века: направления и течения. Екатеринбург, 1995. Вып. 2.
 - [2] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
 - [3] Пригов Д. Что надо знать о концептуализме. www.guelman.ru/critics/critics.html.
 - [4] Курицын В. Концептуализм и соц-арт: тела и ностальгии / Каневская М. Дневник писателя из Теплого Стана: Попов и Достоевский / Берг М. Последние цветы Льва Рубинштейна // НЛО. 1998. №30.
 - [5] Все тексты Д. А. Пригова цит. по: Пригов Дмитрий Александрович. Написанное с 1975 по 1989 г. М., 1997; Пригов Дмитрий Александрович. Написанное с 1990 по 1994 г. М., 1998; Пригов Дмитрий Александрович. Сборник предуведомлений к разнообразным вещам. М., 1996.
 - [6] Курицын В. Пригова много // Театр. 1993. №1.
 - [7] Пригов как Пушкин. С Дмитрием Александровичем Приговым беседует Андрей Зорин / Постскриптум интервьюера // Театр. 1993. №1.
 - [8] Шмид В. Слово о Дмитрие Александровиче Пригове // Знамя. 1994. №8.
 - [9] УГ. 1994. 22 марта.
 - [10] ЛГ. 1993. 12 мая.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В США (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX вв.)

Н.В. Вишнякова

ГПНТБ

630020, Новосибирск, Восход, 15

Получена 9 февраля 2001 г.

This article is devoted to publishing activity of the Russian Orthodox Church in the USA before 1917. There are presented materials concerning the history of books on the Alaskan native languages creating, the history of books and periodical press for Russian emigrants printing.

Рассматривая вопросы становления и развития книгоиздания русской православной церкви в США отметим, что значительную роль в этом процессе сыграло русское присутствие на Аляске, способствовавшее формированию книжной культуры на полуострове с конца XVIII в. Среди наиболее выдающихся наследий православной церкви в Русской Америке - книги на языках коренных народов Аляски: грамматики, азбуки, молитвенники и переводы христианских текстов. Однако собственного книгоиздания на территории российских владений в Северной Америке русская православная церковь не осуществляла. Рукописи книг высылались в Санкт-Петербург (для того чтобы их издать, необходимо было получить разрешение Синода), печатались в синодальных типографиях и затем доставлялись в Русскую Америку на кораблях кругосветных экспедиций.

После продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. и ликвидации Российско-американской компании деятельность русской православной церкви в этом регионе не прекратилась. Интересной иллюстрацией в этой связи является письмо российского посланника в Вашингтоне Константина Гавриловича Катакази от 20 февраля (5 марта) 1871 г. митрополиту Иннокентию (в миру Иоанн Евсеевич Вениаминов).

К.Г. Катакази, сообщая об обсуждении в конгрессе США вопроса об административном преобразовании Аляскинской территории, писал, что депутаты, отмечая бездеятельность Вашинг-

тонского правительства, дали высокую оценку действиям русского правительства и православного духовенства: "из дикарей они сделали христиан, из невежд - образованных, они строили церкви, основали школы, и до сих пор еще лучи христианского света доходят до Аляски не из Вашингтона, а к стыду нашему, из Санкт-Петербурга и из Москвы" [1].

Православные священнослужители использовали книги как на русском, так и на языках коренных народов Аляски. Вместе с тем отметим, что и в конце XIX в. книги на языках коренных американских народов продолжали издаваться в России. Часть из них была переизданиями опубликованных ранее книг.

Некоторые документы об истории издания этих книг по инициативе епископа Алеутского и Аляскинского Николая (в миру Михаил Захарович Зиоров) были выявлены в фонде Канцелярии Синода РГИА. Представление епископа Николая в Синод о перепечатании Евангелия и Катехизиса в количестве нескольких тысяч экземпляров, подготовленных еще И.Е. Вениаминовым, а также букваря на алеутском языке. Это вызвано "насушной потребностью в означенных книгах, ввиду совершенного оскудения оных в епархиальном складе" [2]. Синод постановил напечатать представленные епископом Николаем издания "в таковом количестве экземпляров, какое было изготовлено при первом издании книг" [3]. К апрелю 1894 г. было напечатано и отправлено в Аляскинское духовное правление 3600

экз. начатков христианского учения (Катехизисов) в 8 долю листа, столько же экземпляров букваря, а затем и Евангелие [4].

Появились и предпосылки возникновения собственной книгоиздательской деятельности русской православной церкви в США. Так, в Сан-Франциско и Нью-Йорке на алеутском языке были изданы Новый завет, сборники молитв и псалмов, на тлинкитском - тексты литургии, молитвенник и катехизис [5]. Большая работа по подготовке изданий на языках коренных народов Аляски была проделана епископом Николаем [6].

В 1895 г. епископ Николай представил в Синод 3 экз. изданных им в типографии Нью-Йорка молитв на колошинском наречии [7] и получил благословение на распространение этого издания и подобных трудов на других наречиях жителей Алеутской епархии [8]. В 1896 г. в Нью-Йорке были напечатаны "Молитвы и песнопения на квихпакско-кускоквимском наречии" и "Сборник церковных песнопений и молитвословий на аглюютско-кускоквимском наречии". В Сан-Франциско епископ Алеутский и Аляскинский Николай издал "Сборник церковных песнопений и молитвословий на колошинском наречии" [9]. Перевод их был сделан священником Иваном Надеждиным, который до своего возвращения в Россию в 1855 г. перевел также Евангелие от Матфея, несколько литургических сочинений и составил тлинкитский словарь [10]. На этом епископ Николай закончил "издание церковных молитвословий и песнопений на инородческих наречиях впредь до разыскания новых рукописей и их исправления" [11].

В том же 1896 г. в Российскую Академию наук епископом Николаем был отослан перевод на алеутское наречие евангелистов-синоптиков и Деяния Св. Апостолов - "двадцатилетний труд покойного священника острова Уналашки - Шаяшников, одного из сподвижников приснопамятного Преосвященного Иннокентия" с просьбой напечатать за счет Академии. Перевод книги "Деяний" был доставлен епископу Алеутскому и Аляскинскому вдовой священника [12], однако сведений о том, были ли эти работы напечатаны, не обнаружено.

Существенную роль в организации издательской деятельности русской православной церкви в США сыграло перенесение управления Алеутской и Аляскинской епархии в 1872 г. в Сан-Франциско, где действовали не только американские, но и русские типографии. Имелось типографское оборудование и в распоряжении Аляскинского архиерейского дома в Сан-Франциско [13]. Однако при этом отмечалось, что "большая часть из сих принадлежностей расхищена в разное время воспитанниками школы, вследствие

чего станок потерял всякую ценность и непригоден к употреблению" [14]. В 1898 г. епископ Николай представил в Синод "Сборник алеутских молитв и песнопений", составленный "в разное время и трудами разных лиц" и "собранный воедино псаломщиками Уналашкинской церкви Андреем Лодочниковым и Леонтием Сивцовым" по его поручению [15]. Эта книга, как и все последующие издания Алеутской и Аляскинской епархии в исследуемый период, была напечатана в типографии журнала "Американский православный вестник", который начал выходить в 1896 г. и печатался два раза в месяц в собственной типографии при Нью-Йоркском кафедральном соборе. Основал его священник Александр Александрович Хотовицкий (1872-1937 гг.). "Нужда в печатном слове - насущная нужда нашей миссии", - писал во вступительной статье к №1 редактор-издатель А.А. Хотовицкий. - Сто с лишним лет прошло с тех пор, как на Алеутских островах раздалась впервые проповедь православия [16]. Кроме того, журнал стремился содействовать приобщению русских поселенцев к жизни родного народа и знакомить американских читателей с "действительным типом русского человека, с духом и обычаями русской страны" [17]. Поэтому в журнале некоторые статьи печатались на русском и английском языках, а позднее, с 1902 г., стало выходить ежемесячное приложение к журналу "Russian Orthodox American Messenger".

В журнале публиковались различные известия, был официальный отдел, в котором печатались распоряжения по епархии, а также статьи догматического, литургического и нравственного содержания, материалы, относящиеся к истории Американской православной миссии, статьи о современном состоянии Алеутской епархии и описания миссий, путевые записки епископов и аляскинских священников: "Церковно-историческое описание Нушагакской миссии, Алеутской епархии" священника В. Модестова [18], "Историко-статистическое описание Уналашкинского Вознесенского прихода" священника А. Кедровского [19], "Письма монаха Германа" [20], "Письма Высокопреосвященнейшего Иннокентия, епископа Алеутского к о. Иннокентию Шаяшникову" [21] и др.

Собственная книгоиздательская деятельность в Алеутской и Аляскинской епархии постепенно становилась весьма активной. По имеющимся в распоряжении автора материалам, первой книгой на русском языке, отпечатанной здесь, стала работа епископа Алеутского и Аляскинского Николая "Тридцать речей и три послания" (Нью-Йорк, 1896). Это была не единственная работа епископа Николая, изданная в США. Так, бы-

ли опубликованы "Проповеди преосвященного Николая, епископа Алеутского и Аляскинского" (Нью-Йорк, 1897), "Несколько поучений и речей преосвященного Николая, епископа Алеутского и Аляскинского, сказанных им во время служения в семинариях Рязанской, Могилевской и Тифлисской" (Нью-Йорк, 1898). В 1897 г. был образован цензурный комитет [22], и все издания русской православной церкви в Соединенных Штатах, отсылаемые ранее в Синод, теперь проходили местную цензуру. Создание цензурного комитета связано с активизацией издательской деятельности и с необходимостью оперативного выпуска периодической печати. В 1898 г. цензором епархии стал архимандрит Рафаил (Авабини, 1860 - 1915) - настоятель Нью-Йоркской арабской православной церкви. Уроженец Бейрута (Ливан), он вырос в Дамаске (Сирия), затем учился в богословской школе на острове Халки, в Киевской Духовной Академии, а впоследствии преподавал в Казанской духовной семинарии [23]. По поручению епископа Николая им был составлен "Арабский молитвослов" для православных арабов, живущих в Америке. Один экземпляр этого молитвослова еще в 1896 г. был направлен в Синод [24]. Печатался Рафаил и в "Американском православном вестнике" [25].

Не все православное духовенство было русским. Еще одним ярким примером в этой связи может быть деятельность миссионера Алеутской епархии иеромонаха Севастиана (Дабовича). Серб по происхождению, в 1863 г. он был крещен русским священником, стал в 1892 г. первым американским православным священником, а в 1905 г. - архимандритом, возглавившим Сербскую миссию в Северной Америке. В 1898 г. вышла в свет его книга "Жития Святых" (The Lives of the Saints, by Rev. Sebastian Dabovich. - San Francisco, 1898). В ней были помещены несколько лекций и речей, составленных и переведенных автором с русского на английский "для назидательного чтения в семье и школе". "Это уже не первый вклад автора в церковную православную литературу на английском языке", - писал "Американский православный вестник", отмечая при этом, что православная церковь имеет пока мало своих книг на английском языке [26]. В электронном каталоге Библиотеки конгресса США имеются еще две книги С. Дабовича на английском языке - "The holy Orthodox church" (Wilkesbarre, Pa., 1898) и "Preaching in the Russian church" (San Francisco, 1899).

В типографии "Американского Православного вестника" печатались книги и брошюры, распространявшиеся как на Аляске, так и в различных штатах США ("Очерк из походного журнала аляскинского православного миссионера

Тихона Шаламова" (Нью-Йорк, 1904), "Индианское племя Тлинкит" архимандрита Анатолия (Нью-Йорк, 1899); на русском и английском языках книга иеромонаха Антония (А. Дашкевича) "Архангело-Михайловский православный собор в Ситхе" (Нью-Йорк, 1899), книга епископа Иннокентия на английском языке "Православные школы на Аляске в 1904 г." (N.Y., 1905) и другие. Выходили и книги для аборигенов Аляски и на их родных языках. Так, в 1901 г. на русском и тлинкитском языках напечатана "Краткая история Ветхого и Нового заветов в вопросах и ответах", составленная священником Владимиром Донским, в 1902 г. - "Деяния святых апостолов" на алеутско-лисьевском наречии и брошюра на алеутском диалекте Иннокентия Шаяшникова "Краткое правило для благочестивой жизни".

Политика США на Аляске, запрещавшая изучение аборигенными народами своих национальных языков, оказала негативное влияние на развитие книгоиздания на этих языках. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, последними книгами, изданными русской православной церковью в США для аборигенов Аляски, стали "Святое евангелие от Иоанна на алеутско-лисьевском наречии" (1902) и "Святое евангелие от Луки на алеутско-лисьевском наречии" (1903), автором которых был епископ Тихон (в миру Василий Иванович Белавин, 1865 - 1925).

В журнале была рубрика "библиографические заметки". Здесь сообщалось о новых книгах, вышедших или распространявшихся в Соединенных Штатах. Читателям журнала рекомендовался, например, "Американский русский месяцеслов" (Нью-Йорк, 1897), составленный П.Ю. Жатковичем "от имени Соединения греко-кафолических русских братств" и содержащий, помимо справочного отдела и святцев, "сведения из истории, и жизни и быта угроруссов": "В виду многих достоинств американского русского месяцеслова, и не имея пока своего календаря, мы можем рекомендовать этот месяцеслов и нашим православным братствам" [27]. Здесь же критиковался "Перший русско-американский календарь", составленный Нестором Дмитриевым и отпечатанный в типографии украинофильской газеты "Свобода" [28].

В 1897 г. редакция "Американского православного вестника" известила о выходе новой православной газеты "Свет" [29]. Это была еженедельная русско-малорусская газета, основанная епископом Николаем. Тираж ее к началу второго десятилетия XX в. достигал 9 000 экземпляров [30]. Первым редактором-издателем "Света" был перешедший из унии в православие священник Григорий Грушка. Газета выходила в

Олдфордже, а с 1901 г. под редакцией псаломщика Чикагской церкви, а затем священника Венедикта Иеронимовича Туркевича, в Нью-Йорке, а с 1902 г. - в Бриджпорте. С 1903 г. "Свет" стал официальным органом Православного общества взаимопомощи - одной из самых крупных русских организаций в Америке, образованной 10 апреля 1895 г. За первые двадцать лет существования на издание газеты "Свет" и другой религиозной литературы было выдано денежной помощи православной миссии 244 691 доллар 34 цента [31]. В 1896 г. Правление Православного общества поместило объявление в "Американском православном вестнике", о том, что "Статуты Общества и братств уже отпечатаны". При этом отмечалось, что "книжку статуты должен иметь каждый член братства и Общества... За каждую книжку братство уплачивает в Правление по 20 центов. Каждое братство имеет право продавать своим членам книжки дороже - в пользу братства" [32].

В 1905 - 1908 гг. издание газеты "Свет" было поручено священнику Александру Немоловскому (из-за отказа от издания В.И. Туркевича) и перенесено в Филадельфию. В 1908 г. редактором-издателем "Света" вновь стал В.И. Туркевич. Газета стала печататься в Нью-Йорке в соединенной типографии "Американского православного вестника" и "Света", которой заведовал В.И. Туркевич. В типографии имелась наборная машина "linotype" и две печатные машины. Работали в ней постоянно не менее 6 человек (все русские). В этой типографии печатались также различные листки, брошюры, уставы обществ и братств, театральные афиши, прейскуранты, бланки и т.п. [33]. Так, в 1909 г. вышел "Устав попечительства о бедных воспитанниках Североамериканской православной духовной семинарии", утвержденный архиепископом Платоном (в миру Порфирий Федорович Рождественский, 1866 - 1934) [34].

В качестве бесплатного приложения для подписчиков газеты "Свет" ежегодно издавался православный русско-американский календарь.

В 1915 г. в типографии газеты "Свет" был напечатан 13-й выпуск "Православного русско-американского календаря" (на 1916 год), составленный священником Петром Кохаником [35]. В этом сборнике приводятся также интересные данные об изданиях и их распространении на территории США. Так, имеются сведения об издании брошюры П. Коханника на английском языке "The Austro-German Heterodoxy and the Russian Orthodox Greek Catholic Church" (Нью-Йорк, 1915) [36].

Следует отметить, что после 1905 г., когда епископский стол из Сан-Франциско был пере-

веден в Нью-Йорк, русско-американская православная церковь стала меньше интересоваться Аляской, обратив основное свое внимание на русских эмигрантов. Для них с 1912 г. выходила газета "Русский эмигрант", основанная викарным епископом Аляскинским А.А. Немоловским (1905 - 1908) - редактором-издателем ряда периодических изданий, публиковавшихся в США. Это был орган Русского эмигрантского Общества и Дома. За один год издание приобрело более 3 000 подписчиков [37]. С 1913 г. под редакцией А.А. Немоловского дважды в месяц выходил орган Общества ревнителей православия в Америке и Русского православного женского общества взаимопомощи - журнал "Ревнитель православия" [38].

В 1916 г. архиепископ Алеутский и Северо-Американский Евдоким (в миру Василий Иванович Мещерский, 1869 - 1935) сообщал в Синод: "В Америке в настоящее время мы имеем ... 12 периодических изданий" [39]. Об одном из них архиепископ Евдоким писал: "Издаваемая Миссией в защиту Родины газета "Русская земля" столь сильное влияние оказывает на общественное мнение, что революционные издания в настоящее время 1) Правительством Канады более не пропускаются через свою границу, 2) Революционные издания вынуждены изменить свой тон..." [40]. Редактором газеты "Русская земля" был Никита Степанов, который в 1916 г. на свои средства начал издавать ежемесячный иллюстрированный журнал "Russian Empire" [41]. В 1917 г. был основан журнал "Школьник", и Епархиальный училищный совет обратился к заведующим школами и учителям с просьбой присылать в редакцию сведения о детских организациях и кружках, имеющихся в их школах и сообщать обо всех интересных и важных событиях в их школьной жизни [42].

Совершенно очевидно, что основание церковной печати и создание в епархии собственной типографии сыграли важную роль в развитии русского книгоиздания на территории Соединенных Штатов. На основании имеющихся в распоряжении автора материалов можно говорить о том, что выдающимся наследием русской православной церкви, не утратившим своей ценности и по сей день, являются книги на языках коренных народов Аляски. Издательская деятельность Североамериканской епархии была связана не только с выполнением характерной для нее просветительской функции, но и с желанием оградить российских эмигрантов от влияния революционных идей посредством печатного слова. Анализ издательской деятельности русской православной церкви в США позволяет сделать вывод о том, что православные священнослужители

внесли значительный вклад в развитие русской книжной культуры. Книги и периодические издания Североамериканской епархии оказывали определенное влияние на духовное развитие православного населения США, осуществляли духовную связь русских эмигрантов с родиной, позволяли не утратить чувство принадлежности к отечественной культуре, способствовали сохранению знания родного языка. На основании изложенного издательскую деятельность русской православной церкви в США, на наш взгляд, можно считать значительным явлением в истории русской книги за рубежом и важной составной частью отечественной культуры.

- [1] АВПРИ, ф. 340, оп. 874, д. 2, л. 14-15.
- [2] РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 2977, л. 1.
- [3] Там же. л. 3.
- [4] Там же. л. 5 об.
- [5] Краус М.Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 159.
- [6] РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 2977, л. 1 об. 2.
- [7] РГИА, ф. 796, оп. 176, д. 3518, л. 3-14.
- [8] Там же. л.15.
- [9] Там же. л. 18-63, 66, 68-95.
- [10] Shalkop Antoinette. The Russian Orthodox Church in Alaska // Russia's American colony / Ed. S.F. Stagg. - Durham, 1987. - С. 208.
- [11] РГИА, ф. 796, оп. 176, д. 3518, л. 67.
- [12] Там же. л. 17 об.
- [13] РГИА, Ф. 799, оп. 31, д. 253, л. 5
- [14] Там же, л. 5 об.
- [15] Там же. л. 102-102 об.
- [16] Американский православный вестник. 1896. №1. С. 2.
- [17] Там же. С. 3.
- [18] Там же. №14. С. 287-288; №15. С. 303-305.
- [19] Там же. №20. С. 418-420; №21. С. 439-442; №22. С. 465-466; №23. С. 494-496.
- [20] Американский православный вестник. 1899. №17. С.467-470; №18. С. 492-495.
- [21] Там же. 1900. №1. С. 11-16; №2. С. 33-36.
- [22] Свет: Православный русско-американский календарь на 1905 г. Бриджпорт, Конн.: Тип. "Света", 1904. С. IV.
- [23] Bishop Raphael Hawaweeny - [http : //www.antiochian.org/archdiocese/Bishops /raphaw.op.htm](http://www.antiochian.org/archdiocese/Bishops/raphaw.op.htm)
- [24] РГИА, ф. 796, оп. 176, д.3518, л. 102.
- [25] Рафаил, архимандрит. Православная сиро-арабская духовная миссия в С. Америке // Американский православный вестник. 1900. №16. С.326.
- [26] Американский православный вестник. 1899. №5. С. 177-178.
- [27] Американский православный вестник. 1897. №10. С. 187.
- [28] Там же. 1897. №9. С. 161.
- [29] Американский православный вестник. 1897. №19. С. 403.
- [30] Всеподданнейший отчет Обер - Прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 годы. СПб., 1913. С. 234.
- [31] Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986. С. 242.
- [32] Американский православный вестник. 1896. №6. С. 100.
- [33] Свет: Православный русско-американский календарь (справочник) на 1914 г. Нью-Йорк: Тип. "Света", 1913. С. 162.
- [34] АВПРИ, ф. 170, оп. 512/1, д. 213, л. 69-75.
- [35] Русское православное католическое общество взаимопомощи в Северо-Американских Соединенных Штатах. К XX-летнему юбилею. 1895-1915 / Сост. свящ. Петр Коханик. Нью-Йорк: Типография газеты "Свет", 1915. С. 138.
- [36] Там же. С. 134.
- [37] Всеподданнейший отчет Обер - Прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 годы. СПб., 1913. С. 234.
- [38] Свет: Православный русско-американский календарь (справочник) на 1914 г. Нью-Йорк, 1913. С. 164.
- [39] РГИА, ф. 796, оп. 203, д. 133, л. 1.
- [40] Там же, д. 119, л. 1.
- [41] Там же, оп. 204, VI отд., I стол, д. 15, л. 1-5.
- [42] Американский православный вестник. 1917. №17.

ПОДГОТОВКА БИБЛИОТЕЧНОГО СПЕЦИАЛИСТА: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ И БИБЛИОТЕКИ

Л.Г.Литвина, Л.А. Ступникова

*Омский государственный технический университет, библиотека
644050, Омск, пр. Мира, 11*

Получена 26 апреля 2001 г.

The article presents to recommendat: on for preparation of spezialist-librariabs.

На современном этапе происходит активный процесс модернизации высшего образования. Среди факторов, влияющих на этот процесс, исследователи отмечают усиление гуманитарной миссии университетов, информатизацию и компьютеризацию учебного процесса, усиление взаимодействия с практикой. Эти изменения коснулись и подготовки библиотечных кадров, так как в условиях рыночной экономики нужны специалисты, которые способны обеспечить перестройку библиотечной деятельности. При этом отмечается необходимость таких качеств дипломированного специалиста, как творческий потенциал, адаптируемость, гибкость, способность разрешать проблемы, анализировать ситуации, управлять ресурсами.

В целях повышения качества профессионального образования, внедрения образовательного стандарта в вузах страны, определяются стратегия и тактика подготовки библиотечного специалиста. Хотя каждый вуз решает эти проблемы по-своему, для кафедры библиотечного и библиографии Омского государственного университета реализация их связана с использованием новых информационных технологий, профессионализацией библиотечных специалистов, созданием учебно-производственных комплексов. Для того чтобы выявить отношение практиков к названным проблемам, было проведено анкетирование, в котором приняли участие 10 руководителей вузовских библиотек разного уровня. В дальнейшем предполагается провести опрос в библиотеках других типов и видов.

Все опрошенные считают необходимым для

современного библиотечного специалиста наряду с профессиональными знаниями по библиотековедению и библиографии владеть компьютерными технологиями, знать иностранные языки, психологию, социологию, маркетинг и менеджмент. В соответствии с этим определены потребности библиотек в конкретных специалистах следующих специализаций: психолог, социолог, оператор-технолог АБИС, маркетолог, менеджер, программист, переводчик, аналитик-референт. По мнению отдельных руководителей, необходимы такие функциональные специализации, как систематизатор, каталогизатор, методист, работник информационно-справочной службы. Библиотекам СибАДА, ОмГУ, ОмГТУ, необходимы специалисты по массовой (фронтальной) работе, библиотеке педагогического университета - специалист по работе с редким фондом (реставрация и консервация). Кроме того, уже работающие специалисты библиотеки ОмГТУ (опрошено 48 человек) хотели бы овладеть дополнительными навыками работы на компьютере - 88%, ксероксе - 65%, ламинаторе - 48%, переплетной машине - 48%. Что же касается дополнительного образования, то 46% респондентов проявили интерес к специальностям юриста, актера, экономиста, пользователя ПК, психолога, филолога, переводчика.

Высказали свое мнение руководители библиотек и о совершенствовании подготовки библиотечных специалистов. С точки зрения опрошенных необходимо усилить формирование практических навыков студентов: умение анализировать документ, владеть библиотечным почер-

ком и методикой библиографического описания, оформлять заголовки, организовывать массовую работу, проводить библиографические обзоры.

Переход кафедры библиотекведения и библиографии в структуру Омского государственного университета, имеющего отраслевые кафедры и факультеты, создал предпосылки для подготовки библиотекарей по различным специализациям как на базе высшего образования, отраслевого и библиотечного, так и на базе среднего специального образования. Однако подготовить высококачественного специалиста можно только при условии взаимодействия обучающей структуры с практикой.

В связи с этим перспективным и взаимовыгодным является сотрудничество кафедры библиотекведения и библиографии Омского государственного университета с библиотекой технического университета, направленное на совершенствование учебно-воспитательного процесса вуза и практики библиотеки. Цель такого взаимодействия - приближение качества образовательных услуг к потребностям отрасли, что способствует сокращению периода адаптации молодого специалиста, овладения им корпоративным стилем библиотеки, имеющей устойчивые традиции и общепризнанные достижения среди вузовских библиотек города.

Меняются требования и к вузовскому преподавателю. Его профессионализм определяется умениями понять заказ практики (появление новых специализаций и квалификаций); постоянно разрабатывать новые курсы, решать интеллектуальные задачи на "практическом" уровне.

На данном этапе сложилась определенная система форм взаимодействия:

- организация совместных мероприятий, в процессе которых реализуется воспитательная функция библиотеки - проведение практических занятий по различным учебным дисциплинам в форме "круглых столов", конкурсов, дискуссий; эффективность такой работы заключается в том, что студенты на реальной, практической основе овладевают методическими приемами разработки сценария массового мероприятия, формируются их умения по овладению критико-аналитическим методом, приобретаются навыки публичного выступления;

- внедрение в учебный процесс спецкурсов, курсов по выбору, имеющих прикладной характер, ввиду чего становится необходимым осмысление студентами опыта библиотеки, изучение ее документации, выявление сильных и слабых сторон ее деятельности; весь этот прикладной материал студенты используют в учебном процессе, а заочники внедряют в практику работы библиотек;

- проведение учебно-производственной практики на базе библиотеки, начиная с каталожной и заканчивая управленческой, программа которой реализуется эффективно, на хорошем организационно-методическом уровне, с использованием новых информационных технологий; при разработке заданий учитывается специфика деятельности вузовской библиотеки, профессиональные особенности ее различных подразделений;

- выполнение студентами курсовых и дипломных работ по реальной тематике, заявленной библиотекой ОмГТУ, с использованием организационно-распорядительной и технологической документации библиотеки, её компьютерных технологий;

- решение проблемы трудоустройства выпускников кафедры;

- использование интеллектуального потенциала кафедры библиотекведения и библиографии в системе повышения квалификации сотрудников библиотеки (чтение лекций, проведение практических занятий); актуально еще одно направление этой деятельности - получение высшего образования (заочно) сотрудниками библиотеки; в перспективе, учитывая творческий потенциал библиотеки, обучение сотрудников в аспирантуре, можно говорить о создании на базе библиотеки ОмГТУ лаборатории по проведению исследований по библиотекведению и библиографии;

- организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, выставок, подготовка в соавторстве методических материалов, публикаций, консультирование и рецензирование дипломных работ, методической документации библиотеки; привлечение наиболее квалифицированных сотрудников библиотеки к участию в учебном процессе кафедры.

Названные направления - это лишь часть уже реализованных подходов по взаимодействию кафедры библиотекведения и библиографии ОмГТУ и библиотеки технического университета. Общение преподавателей с сотрудниками библиотеки носит характер сотрудничества, даёт возможность взаимно полезного обмена знаниями, способствует выработке более объективных самооценок профессиональной состоятельности, мотивирует повышение профессиональной компетентности.

На данном этапе, следуя логике взаимодействия, рабочая группа, состоящая из преподавателей кафедры и сотрудников библиотеки, подготовила проект Договора между ОмГУ и ОмГТУ о создании межвузовского учебно-производственного объединения, разработан план совместной работы библиотеки и кафедры на

2001 год. Обсуждение этих документов предполагается провести на совместном заседании кафедры и библиотеки.

Что же касается руководителей библиотек других вузов, то все они считают, что подобная деятельность необходима и важна как для библиотеки, так и для кафедры в равной степени. Для активизации сотрудничества было предложено: преподавателям кафедры ОмГУ участвовать в системе повышения квалификации сотрудников библиотек, проведении открытых мероприятий, подготовленных студентами на базе библиотек, участвовать в работе вузовского городского методического совета.

Вместе с тем, на пути осуществления совместной деятельности кафедры и библиотек имеются препятствия и трудности, обусловленные определенными различиями в специфике функционирования. Назовем некоторые из них:

- недостаточно разработана правовая база, отсутствует методический инструментарий взаимодействия;

- существуют различия в целях и ценностях учебного заведения и практики;

- не всегда совпадают научные интересы преподавателей кафедры и библиотеки;

- несоответствие отдельных вузовских программ условиям быстро меняющейся практики.

Тем не менее, создание единых коллективов преподавателей, библиотекарей и студентов способствует формированию профессионального сообщества с устойчивыми корпоративными признаками.

[1] Национальная доктрина образования РФ // Бюл. Мин-ва образования. 1999. №11. С. 3-11.

[2] Программа развития воспитания в системе образования России на 1999-2001 годы // Документы в образовании. 1999. №22. С. 8-22.

[3] Дорофеев А., Лукьяшко А.О подготовке инженеров: бикорпоративная компонента // Высшее образование в России. 2000. №1. С. 106-113.

[4] Соков П.С. Старейший факультет вуза // Библиотекосведение. 2000. №1. С. 16.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ОМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В 1980-1990-Х ГГ. ПО ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Томилов

*Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН,
644077 Омск, пр. Мира, 55-А¹*

Получена 26 ноября 2000 г.

In the article is informing about the edition of three in many volumes serieses "Culture of the peoples of hte world in the ethnographocal collections of Russian museums", "Culture of the peoples of Russia", "Ethnographo-archaeological complexes: problems of culture and Socium" by Omsk state university, Omsk division of the Joint institute of history, philology and philosophy, Siberian division of the Russian institute of culture studies.

Немногим более 25 лет тому назад в Омске был открыт государственный университет (ОмГУ), о создании которого еще в прошлом веке мечтали сибирские ученые, в т.ч. выдающийся этнограф, писатель и общественный деятель Н.М. Ядринцев. Особенностью университета было то, что его становление проходило не на базе, скажем, педагогического института, как это было в 70-х годах в некоторых городах страны, а на основе приглашения на преподавательскую деятельность работоспособных ученых из разных регионов России. В результате на историческом факультете сложилась группа исследователей: археологов, историков, культурологов, этнографов – прибывших в Омск из Москвы, Ростова-на-Дону, Томска и других городов и способных неординарно заниматься проблемами культуры. Затем появились молодые ученые – выпускники ОмГУ, среди которых сегодня уже несколько докторов наук.

Тем самым была создана база для проведения фундаментальных исследований академического уровня. А реализация планов этих исследований начала осуществляться через открытые здесь два научных учреждения – Омский филиал объединенного института истории, филологии и философии (ОФ ОИИФФ) СО РАН (создан в 1991 г.) и Сибирский филиал Российского института культурологии (СФ РИК) МК РФ и РАН (1993 г.). Целью данной статьи является освещение основных направлений издатель-

ской деятельности названных трех учреждений по проблемам культурологии, музееведения, этноархеологии и этнографии.

Свою издательскую и полиграфическую базу из них имеет только ОмГУ, но собственно самостоятельного издательства нет и у него, хотя такая задача ставилась еще в конце 80-х гг. Поэтому если многие сборники научных статей и материалов конференций, семинаров эти три учреждения и издают в Омске на местной базе, то с появлением здесь академической гуманитарной науки научные труды выпускают через издательство "Наука" в Новосибирске (сегодня это Сибирская издательская фирма "Наука" РАН). Наиболее важным представляется издание трех фундаментального значения многотомных научных серий, о которых и пойдет речь.

Серия "Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев" (главный редактор Н.А. Томилов) стала издаваться, благодаря наработкам омских, а отчасти томских [1] ученых в области музееведения, в т.ч. по проблемам научной паспортизации и каталогизации музейных предметов [2], а также проведению ими хозяйственных работ с музеями Новосибирска, Омска и Тюмени. В 1984 г. у меня как научного руководителя этих работ и основного исполнителя, ныне профессора Омского государственного института сервиса В.Б. Богомоллова созрела идея издания такой серии, включив в ее орбиту богатейшие этнографические коллекции музеев ря-

да городов России, в т.ч. Ленинграда. Но первый том вышел в 1986 г. без названия серии, и это было связано с тем, что тогда жесткие чиновничьи ограничения требовали специального разрешения на издание серии сверху, а получить его сразу не удалось.

Издание готовящейся серии на первом ее этапе существенно поддержали академики Ю.В. Бромлей и А.П. Окладников, тогда еще член-корр. АН СССР, а ныне академик РАН А.П. Деревянко, доктора наук Р.Ф. Итс, И.С. Гурвич и др. Так, в письме министру высшего и среднего специального образования РСФСР академику И.Ф. Образцову от 10 июня 1987 г. А.П. Деревянко писал: "Институт обращает внимание на то, что проводимая омскими этнографами работа в данном направлении является первым в СССР уникальным и успешным опытом на пути создания свода этнографических материалов основных музеев страны... имеет важное научное и методическое значение как в области истории и этнографии, так и в области музееведения". К научной работе по написанию разделов томов и их рецензированию привлекались и ученые из других научных центров – Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Ташкента.

К настоящему времени свет увидели 10 томов этой серии [3]. Почти полностью опубликованы описания этнографических коллекций и предметов Омского государственного историко-краеведческого музея, охватившие культуру народов России и зарубежной Азии. Два тома по коллекциям Тюменского областного краеведческого музея освещают хозяйство и культуру русских Западной Сибири. Вышел в свет один том по коллекциям Новосибирского областного краеведческого музея, посвященный хозяйству русских Сибири, а также том с публикацией предметов хозяйства и средств передвижения татар Западной Сибири из коллекций Музея археологии и этнографии ОмГУ. Первые тома серии были выпущены издательством Томского госуниверситета, последующие издательством "Наука" (Новосибирск) и издательством Института археологии и этнографии СО РАН. В томах серии помещены и развернутые очерки истории всех четырех названных выше музеев, а также статьи об их этнографических фондах. Реализовать же идею о публикации в серии коллекций других музеев страны, в т.ч. европейской и восточно-сибирской частей России, пока не удастся из-за слабого финансирования науки и музейных учреждений. Но надежда на это не гаснет, тем более что, например, у дирекции Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург) желание работать с омскими учеными по каталогизации коллекций до недавнего времени не пропадало.

Не все гладко шло в работе по научной паспортизации коллекций Омского исторического и литературного музея. Особенно сложной ситуация была в конце 1983 – начале 1984 г., когда возникла прямая угроза срыва этих работ. Понадобилась прозорливость начальника Управления культуры Омского облисполкома Нины Никандровны Бревновой (называю полностью имя и отчество в знак глубокого к ней уважения), чтобы, выслушав в течение 15 минут руководителя опального тогда коллектива омских этнографов, принять быстрое и категорическое решение: "Работа чрезвычайно важная. Нам это нужно. Серию томов по омскому музею печатать будем". Не должен быть забыт и тот факт, что твердую поддержку работающему тогда над паспортизацией и каталогизацией коллекций омского музея коллективу оказали ректор Омского университета, профессор Б.А. Рогозин и проректор по научной работе, профессор Е.И. Лавров, преподаватель В.В. Богомолов.

Весомый вклад в написание и подготовку томов серии внесли московский исследователь В.И. Васильев, санкт-петербургский ученый А.М. Решетов, исследовательница из Ташкента К.Ш. Хафизова, омские исследователи и сотрудники музеев Г.Г. Беляева, М.Л. Бережнова, В.В. Богомолов, О.М. Бронникова, А.А. Виноградов, И.Н. Вирронен, С.А. Герасимова, И.В. Захарова, О.В. Камасв, Т.Г. Кобозева, Д.Г. Коровушкин, М.А. Корусенко, Г.М. Патрушева, С.Ю. Первых, М.А. Плахотнюк, Т.В. Раскевич, В.В. Реммлер, Е.Ю. Смирнова, Н.А. Томилов, С.Н. Третьяков, А. Трибунский, Г.И. Успенев, А.Л. Чередников и Л.Т. Шаргородский. Ответственными редакторами разных томов были московские ученые И.С. Гурвич, А.А. Лебедева и омичи И.В. Захарова, А.Г. Селезнев, Н.А. Томилов. Отметим и значение той организационной роли, которую сыграли руководители музеев – директора Новосибирского областного краеведческого музея А.С. Роготнев, Е.Н. Попов и К.И. Ватутин, директора Омского государственного историко-краеведческого музея Л.В. Иржичко, Ю.А. Макаров и П.П. Вибе, заместители директора этого же музея Л.Б. Еловских, Т.М. Назарцева, директор Тюменского областного краеведческого музея Т.М. Исламова.

Первые тома были выпущены издательством Томского университета во второй половине 80-х гг., второй том имел уже гриф серии. В состав главной редакции серии, начиная со второго тома, вошли, помимо меня как главного редактора, известные в стране ученые В.А. Александров, С.А. Арутюнов, В.И. Васильев, И.С. Гурвич, А.П. Деревянко, Р.Ф. Итс, Н.В. Луки-

на, В.И. Матющенко, З.П. Соколова. Позднее в число членов главной редакции вошли А.В. Головнев, А.С. Мыльников, В.Т. Пуляев, Ю.Б. Симченко, Ч.М. Таксами, В.В. Тихомиров, В.А. Тишков. Первоначально ученым секретарем главной редакции был В.В. Реммлер, в последние годы эти обязанности успешно выполняет заведующая сектором музееведения Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ Г.М. Патрушева. В своей рецензии на первые два тома серии прекрасный музеевед и этнограф А.В. Коновалов (Санкт-Петербург) писал: "Создание каталога ОГОИЛМ (аббревиатура Омского государственного объединенного исторического и литературного музея – Н.Т.) – пример перспективного сотрудничества музейных работников и ученых-этнографов вне зависимости от их ведомственной принадлежности. И, конечно, такой каталог имеет не только самостоятельную научную ценность, но и может рассматриваться как важный компонент единого этнографического свода музеев Сибири [4]. Положительные отклики были напечатаны тогда также в "Известиях Сибирского отделения Академии наук СССР" [5], в журнале "Советский музей" и в периодической печати. Академик Д.С. Лихачев, которому были подарены в 1991 г. первые тома, так оценил эту серию: "Прекрасное и очень нужное издание. Это наука, основанная на учете. На века. 14.XI.91".

Еще одна научная серия "Культура народов России" утверждена к изданию решением научного совета государственной научно-исследовательской программы "Народы России: возрождение и развитие", принятой к реализации Постановлением Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы в 1991 г. Головной организацией всей программы стал Санкт-Петербургский госуниверситет (научный руководитель В.Т. Пуляев). По одному из восьми направлений, посвященному культуре народов России, головным вузом стал ОмГУ (научный руководитель Н.А. Томилов). В 1995 г. вышел первый том названной серии (главные редакторы серии В.Т. Пуляев и Н.А. Томилов), который назывался "Материальная культура народов России" [6]. Но с 1996 г. программа "Народы России" прекратила существование, прекратилось и финансирование серии со стороны Минобразования России [7].

В этих условиях продолжать выпуск серии взяли на себя омские учреждения – ОмГУ, ОФ ОИИФФ и СФ РИК. Начиная с 3-го тома, к изданию серии подсоединился Омский гуманитарный университет. В 1996-1999 г. были выпущены еще четыре тома: 1) Валева Ф.Т., Томилов Н.А. Та-

тары Западной Сибири: история и культура; 2) Малиновский Г.В., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура; 3) Проблемы музееведения и народная культура; 4) Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогии и этническая история барабинских и курдакско-сагратских татар [8]. Еще три тома "Духовная культура народов России", "Этническая история и культура русского населения Западной Сибири" и "Народы Западной и Южной Сибири: культура и этнические процессы" сданы с издательство "Наука" (Новосибирск), которое и выпускает эту серию. Основная цель серии – опубликовать результаты изучения отечественными учеными самобытности и многосложности культур народов и национальных групп, взаимосвязанности многих из них, вклада народов России в мировую культуру.

Издание серии "Культура народов России" было поддержано ведущими научными учреждениями этнографического профиля и видными отечественными учеными. В состав ее главной редакции вошли С.С. Агаширинова, С.А. Арутюнов, И.Н. Гемуев, А.И. Гоголев, А.В. Головнев, А.П. Деревянко, А.Э. Еремеев, Н.В. Кочешков, Р.Г. Кузеев, Н.В. Лукина, В.И. Матющенко, Т.М. Михайлов, А.С. Мыльников, Д.Г. Савинов, А.Б. Соктоев, Ч.М. Таксами, В.А. Тишков, а также ответственный секретарь серии А.Г. Селезнев.

Третья многотомная серия "Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума" (главный редактор Н.А. Томилов) стала издаваться с 1996 г. по решению ученого совета ОФ ОИИФФ СО РАН [9]. К настоящему времени выпущены в свет четыре тома [10]. Ее появление связано с тем, что с 1993 г. в названном учреждении работает экспериментальная группа этноархеологов. Результаты ее исследований и обобщаются в коллективных ежегодниках. В состав редакционной коллегии серии вошли видные российские ученые, широко известные за рубежом, – это академики РАН А.П. Деревянко, В.И. Молодин, члены-корреспонденты РАН С.А. Арутюнов, Р.Г. Кузеев, профессора В.И. Матющенко, Д.Г. Савинов, В.И. Соболев, В.А. Шнирельман, доценты А.Г. Селезнев, С.С. Тихонов, ответственный секретарь серии М.А. Корусенко и др. Основная цель издания такой серии – стимулирование этноархеологии России. Ряд разделов томов готовили помимо омичей известные ученые из других научных центров, в их числе В.В. Бобров, А.В. Головнев, Л.С. Клейн, В.И. Молодин, О.М. Рындина, Д.Г. Савинов, В.А. Шнирельман и др.

Существенную финансовую поддержку изданию данной серии, впрочем как и двух на-

званных выше, оказывает Президиум Сибирского отделения РАН (председатель академик РАН Н.А. Добрецов) и действующий при нем Редакционно-издательский совет (председатель академик РАН Н.Н. Покровский, зам. председателя Б.С. Елепов). Отметим также, что финансовый вклад в издание этих серий на разных этапах омским ученым оказали ОмГУ (ректор профессор Г.И. Геринг), руководители музеев, Научный совет программы "Народы России: возрождение и развитие", Администрация Омской области (губернатор Л.К. Полежаев), Российский фонд фундаментальных исследований, отдельные спонсоры. Подготовка первых томов серии "Этнографо-археологические комплексы" проходила также в рамках региональных научных программ "Сибирь" и "Омский регион".

Сегодня ОмГУ, ОФ ОИИФФ и СФ РИК приступили к изданию альманаха "Культурологические исследования в Сибири", который намечено выпускать по два номера в год. Если это издание окажется жизненно важным для отечественной науки, предполагается превратить его в журнал.

Основная трудность в выпуске трех названных серий в том, что готовятся они в Омске, а издаются в других городах. Поэтому сегодня остро стоит проблема создания в Омске полноценного научного издательства со статусом центрального учреждения. Открыть его можно на базе ОмГУ.

[1] Томилов Н.А. Томский и омский опыт научной каталогизации этнографических фондов сибирских музеев // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С.134-139.

[2] Томилов Н.А. О каталогизации и издании серии каталогов этнографических фондов сибирских музеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1999. N 7. С. 72-77; Он же. О научной паспортизации и каталогизации этнографических фондов музеев в Западной Сибири // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1998. Тюмень, 1999. С. 170-187; Он же. Этнография и этнографическое музееведение Сибири во второй половине XX в. // Музей и общество на пороге XXI века. Омск, 1998. С.16-19; Томилов Н.А., Корусенко М.А., Патрушева Г.М., Рыженко В.Г., Томилова В.С. Музеи Сибири и музееведческие исследования омских ученых: издания каталогов и очерков истории музеев // Словцовские чтения-99. Тюмень, 1999. С. 72-74; и др.

[3] Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея/ Отв. ред. И.В.Захарова, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. 268 с.; Культура народов зарубежной Азии в коллекциях Омского

государственного историко-краеведческого музея/ Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука. 1997. 212 с.; Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея/ Отв. ред. А.А. Лебедева, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. 320 с.; Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея/ Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 1997. 189 с.; Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея/ Отв. ред. Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1986. 344 с.; Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея/ Отв. ред. И.С. Гурвич, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 295 с.; Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея/ Отв. ред. А.А. Лебедева, Н.А. Томилов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1996. 368 с.; Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея/ Отв. ред. Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. 396 с.; Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея/ Отв. ред. Н.А.Томилов. Тюмень: Вектор Бук Лтд, 1994. 264 с.; Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета/ Отв. ред. А.Г.Селезнев, Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 1999. 262 с.

[4] Коновалов А.В. Две книги по этнографии народов Сибири // Этнографическое обозрение. 1993. №6. С. 155-156.

[5] Матюшенко В.И. (Рец.). Н.А. Томилов, Ю.А. Макаров, В.В. Богомоллов и др. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Изд-во ТГУ. 1968. 226 с. // Известия Сибирского отделения АН СССР: серия История, филология и философия. 1988. №16. Вып. 3. С. 66-67.

[6] Материальная культура народов России/ Отв. ред. А.Г. Селезнев, Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 1995. 236 с.

[7] О некоторых результатах работы по программе "Народы России: возрождение и развитие" см.: Томилов Н.А. Культура и этнокультурное развитие России (в связи с завершением работ по программе "Народы России") // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. №3. С. 97-105.

[8] Валеев Ф.Т. Татары Западной Сибири: история и культура/ Отв. ред. А.Г. Селезнев, В.И. Соболев. Новосибирск, 1996. 224 с.; Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргалских татар/ Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука,

1999. 312 с.; Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура (по материалам Первой подушной переписи населения России 1720 года)/ Отв. ред. А.П. Толочко. Новосибирск: Наука, 1999. 536 с.; Проблемы музееведения и народная культура/ Отв. ред. Г.М. Патрушева, Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 1999. 286 с.

[9] Томилов Н.А. О серии "Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума" // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1999. Т.4. С. 7-8.

[10] Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума/ Отв. ред. С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. Новосибирск: Наука, 1996. Т.1. 220 с.; 1997. Т.2. 248 с.; 1998. Т.3. 280 с.; 1999. Т.4. 240 с.

ИЗМЕНЕНИЯ ХАРАКТЕРА И СОДЕРЖАНИЯ ТРУДА ЗАНЯТЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Л.А. Еловиков, К.Л. Полежаев

*Омский государственный университет, кафедра экономики и социологии труда
644077 Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 28 марта 2001 г.

The concept of public health services system. Economic relations in system of public health services. Changes in character and medical personal work contents. The newest developments in public health services and control system perfection of this people activity field.

Все кто имел дело с работодателем мог наблюдать его недовольство, когда работник, кормящая мать или мать, у которой заболел ребенок, не выходят на работу и приносят документ о нетрудоспособности. И хотя на издержках производства фирмы непосредственно это не отражается (данные выплаты идут за счет фонда социального страхования, уже вошедшего в издержки производства), тем не менее простаивает оборудование, какие-то виды работ не выполняются. И лишь на крупных предприятиях можно позволить содержать дополнительных подменных работников. Малое предприятие этого себе позволить не может.

От таких работников стараются избавиться. Матерей, имеющих детей дошкольного возраста не принимают на работу. Да и сам работник чувствует себя неуютно не только перед работодателем, но и перед своим семейным бюджетом: во время болезни уменьшаются доходы работника.

Физическое состояние человека в значительной мере зависит от социального благополучия и душевного состояния. Можно наблюдать, как неустроенность быта, сложности с трудоустройством, неумение устанавливать нормальные отношения в семье и в трудовом коллективе приводят к нарушениям душевного равновесия, а впоследствии - к серьезным заболеваниям. Поэтому поддержание здоровья является обязанностью не только (и не столько) медицины, но и психологии, социологии, экономики и других наук, изучающих поведение человека.

В условиях преобладания рыночных методов управления, возрастания такого источника затрат на поддержание здоровья, как семейный бюджет, возникновение частных медицинских учреждений, усложняются социально-экономические отношения по поводу поддержания здоровья населения, система управления деятельностью общества по поддержанию и охране здоровья населения. По поводу здоровья человека в обществе складываются очень сложные экономические отношения, которые определяют поведение работника, государства и работодателя в этой сфере деятельности.

Проблемы совершенствования методов управления деятельностью общества по сохранению и улучшению здоровья населения, следует рассматривать с нескольких сторон:

1. Плохое здоровье означает ограниченные возможности работника для приобретения, развития и использования способностей к труду. Постоянно болеющего работника ждут пониженные заработки и недовольство окружающих, которым приходится выполнять его обязанности.

2. Больной человек может заразить десятки здоровых, и общество вынуждено будет расходовать дополнительные ресурсы на их лечение, нести большие потери в производительности труда и снижении заработков.

3. Со стороны расходов на здравоохранение - кто и в каких размерах должен возмещать расходы поддержание здоровья человека? Государство, сам работник или работодатель?

4. В каком соотношении должны находиться расходы на устранение причин заболеваний и лечение заболевших? Опыт свидетельствует, что дешевле устранить условия, приводящие к заболеванию, нежели лечить саму болезнь. С этим связана широко распространенная практика в развитых странах - стимулирование здорового образа жизни.

5. Роль медицинских учреждений в сохранении и улучшении здоровья человека.

В недалеком прошлом об экономике здоровья человека в нашем обществе не принято было говорить. Считалось, что это - категория социальная, общество должно проявлять милосердие к больным, заботиться о душевном здоровье. Лишь финансисты определяли, сколько средств необходимо выделить на развитие и содержание учреждений здравоохранения, чтобы подтвердить лозунг: забота о здоровье человека - функция государства. Независимо от размеров зарплаток и технической оснащенности труда врач в любой обстановке обязан оказать помощь заболевшему.

Централизация части стоимости рабочей силы в государственном бюджете, выделение из него средств на здравоохранение позволили в нашей стране создать в довольно короткие сроки одну из лучших в мире систем охраны здоровья человека, поставить заслон эпидемиям, которые уносили ранее миллионы жизней. Ряд заболеваний вообще ушли из жизни людей. В несколько раз сократилась детская смертность, увеличилась продолжительность жизни.

Была создана и соответствующая система управления здравоохранением и другими видами деятельности общества, способствующими укреплению здоровья населения. Но это могло продолжаться лишь до определенного периода. Назовем его первым этапом развития здравоохранения.

Здоровье человека определяется не только уровнем развития здравоохранения. Если сгруппировать все факторы, определяющие показатели здоровья, то в мире уже признано, что приходится заболеваний:

- вследствие недостаточного развития системы здравоохранения (неточная диагностика заболеваний, вследствие слабой технической оснащенности техникой клиник и больниц, недостаточная квалификация медицинских работников, недоступность многих лекарств) - 10-15%;

- обусловленных наследственностью - 15-20%; от больных родителей редко рождается здоровый ребенок; это наблюдается во всем животном и растительном мире на Земле;

- вследствие плохой заботы человека о собственном здоровье и здоровье своих детей - 65-

70%. Плохая забота чаще всего выражается в образе жизни, несоответствующем требованиям человеческого организма: неблагоприятные для организма условия труда (загазованность, запыленность, нарушающий здоровье режим труда и отдыха), малоподвижный образ жизни, курение, употребление спиртных напитков и наркотиков, неумение преодолевать стрессовую ситуацию, плохие жилищные условия, несбалансированное питание и т.д.

В специальной литературе, доступной любому, это подробно обосновано.

Здесь лишь выделим:

- общую культуру человека и его способности противостоять стрессам, поддерживать здоровый образ жизни;

- рациональное питание;

- состояние окружающей среды на глобальном и местном уровнях (загазованность поселений и качество жилья, условия труда).

Как видим, около половины показателей здоровья человека не требует особых затрат на их улучшение. Необходимо лишь приобрести определенные знания и уметь их использовать.

”Продолжительный труд при весьма низкой степени его продуктивности, утомляет больше, чем менее продолжительный, хотя бы и более напряженный. И это потому, что усталость является результатом отравления организма продуктами его распада в процессе труда.... Чем дольше мы задерживаем эти ядовитые продукты распада в своем организме, тем отравление полнее...” (Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 55).

Открытие медицинской науки последних лет позволили перейти ко второму этапу развития системы здравоохранения. К таким открытиям следует отнести новые методы лечения (сегодня врач может делать до 10000 назначений, фактически делая не более 400), новые средства диагностики, открытия на генном уровне, позволяющие вносить исправления в генную наследственность, глубинные причины заболеваний. Это потребовало изменений функций врача и возврата от врача-специалиста к семейному доктору, использование компьютерной техники для диагностики и выбора соответствующих методов лечения. Второй этап (для многих стран он уже наступил) потребует создания принципиально нового рабочего места врача, территориального размещения учреждений здравоохранения. Рабочее место врача должно оснащаться электронной техникой, подключенной к единой информационной системе, позволяющей получать информацию о всех заболеваниях пациента с момента его рождения, о заболеваниях его родителей, подключения к диагностическим центрам и

учреждениям фармации. До 90-х годов в нашей стране преобладало стремление основные проблемы здоровья людей решить за счет развития государственных учреждений здравоохранения. По количеству врачей на тысячу жителей мы догнали самые развитые страны, а по коечному фонду превзошли их (в России он и сегодня в 2,5 раза выше, чем в Америке). В то же время квалифицированные врач, учитель и психолог в школе, техникуме, вузе, которые должны учить матерей и отцов, как рожать здоровых детей, являются исключением. В этом вопросе наши неграмотные предки были опытнее и знали, в какое время года можно играть свадьбы, сколько молодым за свадебным столом можно пить спиртного и т. п.

Известный миру немецкий врач Рудольф Вирхов (XIX век) считал, что болезнь - жизнь при ненормальных условиях. Ненормальные условия жизни в нашей стране обострились в период социально-экономического кризиса 80-90-х годов. Безработица, снижение уровня жизни, кризис мотивации труда, отсутствие перспектив и другие явления привели к росту заболеваний и смертности населения.

Попытка повысить эффективность здравоохранения была сделана в России в период реформы 90-х с помощью страховой медицины. Она предполагала не только привлечение дополнительных средств в здравоохранение, но и в принципе меняла подход к движению финансовых ресурсов на поддержание здоровья человека.

Были выработаны следующие принципы его функционирования:

1. Возрастает доля личной ответственности каждого за свое здоровье и здоровье своих детей. При этом сохраняется ведущая роль государства в профилактике заболеваний. Люди имеют ряд болезней, с которыми можно бороться только сообща, а значительная часть граждан нашего общества еще не скоро приобретут такие качества, как личная ответственность за свое здоровье и здоровье окружающих. Поэтому массовые профосмотры, прививки, санитарный контроль еще долго будут организовываться централизованно и даже носить элементы административного и экономического принуждения. Ибо здоровье отдельного человека - это не только его личное дело. Оно затрагивает интересы общества и коллектива: многие заболевания имеют свойство переходить от одного человека к другому.

2. Экономический механизм в системе здравоохранения строится таким образом, чтобы финансовые, материальные и трудовые ресурсы направлялись по тем каналам, которые обеспечивают не только наиболее эффективное их использование, но и удовлетворяют важнейшую

потребность общества в сохранении здоровья и обеспечении наибольшей продолжительности жизни человека.

3. Количество и качество услуг, оказываемых учреждениями здравоохранения (как государственными, так и частными), сопровождается их экономической ответственностью перед страховыми компаниями и гражданами. В то же время качественное лечение приводит к сокращению расходов на лечение и профилактику заболеваний конкретного человека, а следовательно, увеличению прибыли лечебного учреждения.

Этот доход определяется как разница между нормативом средств на лечение, выделяемых медицинскому учреждению, и фактическими расходами на медицинские услуги и профилактику заболеваний.

4. Богатый лечит бедного. Здравоохранение основано на государственных расходах и использовании взносов в фонды страховой медицины. Они представляют часть цены рабочей силы, которую работодатель реализует в стоимости произведенного продукта и по поручению государства вносит в фонд социального страхования. Проценты взносов установлены от фонда заработной платы одинаковыми для всех работодателей. Равные установлены и нормативные расходы на лечение одного гражданина (нормативы существенно превышали фактическое финансирование здравоохранения до 1990 года). Система создавала возможность богатым осуществлять дополнительные расходы (сверх нормы) на поддержание своего здоровья.

К сожалению, введение обязательного медицинского страхования и попытка создать рынок медицинских услуг не привели к ожидаемому результату. Сократилось финансирование учреждений здравоохранения за счет средств бюджета. Фонд страховой медицины превратился в источник "латания дыр" в сметах учреждений здравоохранения и не смог выполнять возлагаемых на него функций.

Само здравоохранение не было подготовлено к введению новой системы финансовых потоков на его содержание. Многие учреждения не были готовы к получению лицензии на право лечения болезней, предусмотренных государственным стандартом, а значительная часть врачей не смогла сдать экзамен на должность, т.е. не была готова к лечению тех заболеваний, которые были предусмотрены стандартом.

С введением страховой медицины возникли сложные экономические и правовые отношения между государством, работодателем, работником, лечебными учреждениями и страховыми компаниями. К тому же в самой системе не имелось специалистов соответствующей квалифи-

кации. Все было отдано под управление медицинским работникам, обученным лишь лечить людей. В результате затянулось внедрение новой прогрессивной системы, которая весьма существенно увеличивала цену рабочей силы и положительно влияла на поддержание и развитие способностей работника к труду.

Политика правительства, работодателей и профессиональных союзов в области доходов и заработной платы должна исходить из того, что расходы на охрану здоровья работника являются постоянно растущей статьёй в издержках на воспроизводство рабочей силы и соответственно ее цены.

Во-первых, это обусловлено возрастанием требований со стороны производства к состоянию здоровья человека. Труд становится все более сложным и творческим. Он требует поддержания в здоровом состоянии тех качеств человека, которые определяют его интеллектуальный уровень.

Во-вторых, возрастание стоимости и цены рабочей силы увеличивает потери общества и самого работника от болезней. В период болезни работник не реализует или реализует частично свои способности к труду, но значительная часть заработка и социальных трансфертов ему выплачивается.

Исходя из этих причин, необходимо увеличить расходы по следующим направлениям:

- обучение членов общества здоровому образу жизни на всех уровнях, включая период сдачи "экзамена на должность" (любой работодатель заинтересован, чтобы работник как можно меньше болел);
- организация централизованной профилактики заболеваний (профосмотры, прививки от болезней, санитарный контроль);
- улучшение экологической обстановки и условий труда, вызывающих заболевание и преждевременную смерть работника;
- развитие диагностики и лечение заболевших в поликлиниках и больницах;
- материальное стимулирование работников спортивных и образовательных учреждений за показатели улучшения здоровья подрастающего поколения;
- использование части средств, предназначенных на лечение, на стимулирование тех, кто не болеет.

Расходы на лечение складываются не только из затрат непосредственно на лечение, но и выплат из средств социального страхования в период болезни и временной утраты трудоспособности, стоимости недопроизведенных товаров и услуг в период болезни работника, недополученной прибыли.

По каким направлениям наиболее быструю отдачу получает общество от улучшения здоровья граждан, еще предстоит определить. Сегодня, выражаясь экономическим языком, вложение средств в улучшение здоровья человека является весьма выгодным вложением капитала. Об этом свидетельствует поведение владельцев капитала, в том числе и собственников человеческого капитала в развитых странах. Работник знает, что, поддерживая свое здоровье, улучшая его, он не только сохраняет, но и увеличивает свои способности к труду.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.А. Петрунина

*Омский государственный педагогический университет,
кафедра политической экономики*

Получена 12 февраля 2001 г.

The article gives a feature of education scope. The author analyses consequences of educational promissory note implementation and consider relationship between profits and education. Some possible politic directions are presented in the educational scope.

Тот факт, что не только в нашей стране, но и в мире идут споры о путях развития образования, сколько его нужно сегодня и завтра, кто должен оплачивать образование, кто и сколько должен получать из прироста национального дохода за счет использования более сложного труда, получаемого в процессе обучения, - свидетельствует об усложнении проблем, с которыми сталкиваются люди.

Сфера образования является приоритетной в информационном обществе. Ее можно рассматривать с нескольких сторон.

Во-первых, как особую сферу деятельности общества, в которой принимают участие все без исключения, начиная с появления в утробе матери. Уже там, принимая сигналы от матери и внешние сигналы, мы готовим себя к приему тех знаний, которые нам предлагает общество. Если мы к этому не будем готовы (получили от горе-родителей предрасположение к алкоголизму, или мать и отец по неосторожности нанесут ребенку травму), то все старания общества по созданию условий для образования будут малоэффективными. И наоборот, имея хороший "человеческий капитал" для обучения, но не подготовив ему соответствующую базу (педагогов, учебные места соответствующего уровня), общество также будет нести большие потери. Они возникнут вследствие недостатка квалифицированных кадров. И мы, имея своих безработных, будем приглашать квалифицированные кадры из Китая или Турции (что сейчас уже и происходит).

Во-вторых, как совокупность учреждений и организаций, способных оказывать образова-

тельные услуги населению, начиная с рождения и до полной потери трудоспособности: поликлиники и больницы, которые обучают родителей и малышей здоровому образу жизни и развивают потребности в знаниях, детские дошкольные учреждения, школы, училища, колледжи, вузы, организации послевузовского образования. Все они содержатся за счет трех основных источников, имеющих одно происхождение - наш труд: государственные и муниципальные бюджеты, семейные бюджеты (домохозяйства), средства работодателей.

В-третьих, как отрасль, в которой занято большинство населения: часть как производители знаний, создатели методик их передачи обучаемым и передатчики этих знаний; другая - как потребители знаний, затрагивающие при этом значительное количество энергии мозга и мускулов. Правда, в других сферах занятости работник, производя товары и услуги, также повышает уровень своих знаний в виде приобретенного опыта, овладения навыками работы в трудовом коллективе и т.п. Но тем не менее образование является той сферой, где человек приобретает основную сумму знаний.

Как только этот процесс прекращается, наступает депрессия в экономике. Примером этого являются последние 10-15 лет XX века для России, когда и без того слабая система переподготовки и повышения квалификации опустилась до самого низкого уровня. Еще в дореформенный период отставание нашей страны в этой области от других достигало 15-20-кратного размера.

В-четвертых, как отрасль, через которую

проходят потоки материальных и финансовых ресурсов. Эффективность работы системы образования определяется не только объемами направляемых сюда ресурсов, но и соотношением каналов, по которым они направляются.

Получает работодатель бесплатно специалиста, он и относится к нему, как к даровому ресурсу. Существует бесплатное для обучающегося образование, он также неэкономно относится к использованию образовательной услуги. Поиски путей движения ресурсов в систему образования не прекращаются во всем мире. Причем границы движения финансовых ресурсов на образование раздвигаются за пределы собственно системы образования. Например, такой источник расходов на образование, как льготы обучающимся без отрыва от производства, занимает следующее место в движении средств на обучение (см. схему).

По абсолютному большинству предприятий цена рабочей силы складывается ниже ее стоимости. Разница присваивается работодателем и может являться источником оплаты учебного отпуска студента-заочника.

Успех любой реформы обеспечивается тем, как исполнители поняли ее сущность и значимость. Приватизация не дала ожидаемых результатов не только потому, что ею воспользовались "предприимчивые люди", которые скупили по дешевке ваучеры и обменяли их на реальные ценности в виде акций предприятий. Большинство населения не было готово работать с этими документами, легко от них избавлялось, тем более, что к этому подталкивало падение реальных доходов. Примерно этот же результат сегодня ожидается от введения государственных именных финансовых обязательств.

Введение персонализации титула бюджетного финансирования (ГИФО) в порядке эксперимента будет осуществляться в 2001-2003 гг. Эксперимент должен быть увязан с экспериментом по Единому государственному экзамену и базироваться на его результатах. После проведения эксперимента и его оценке, будет решен вопрос о распространении его на всю страну. Введение ГИФО, считают авторы программы, решить следующие проблемы:

- 1) увязать объемы финансирования с численностью студентов;
- 2) финансово поддержать обучение детей из семей с низкими доходами;
- 3) обеспечить большее равенство доступа к высшему образованию, разделив затраты между государством и семейными бюджетами;
- 4) экономически стимулировать учебные заведения к отбору лучших студентов, а учащихся школ к получению качественного образования

Сегодня в обществе происходят столкновения по поводу "ваучеризации общего образования". Она предполагает создание новой системы стимулирования в системе образования. Ее суть в том, что на каждого ребенка выдается именной ваучер, который является гарантом получения условий для образования. Он сдается в школу, которая под этот ваучер получает соответствующее базовое финансирование из бюджета. Если в школу не идут родители с этими ваучерами, то она не получает финансирования. Между школами возникнет конкуренция. Победит та из них, которая лучше учит детей. Создается ситуация, когда школа и работающие в ней учителя вынуждены стремиться улучшить качество обучения, чтобы привлечь детей, а вместе с ними и ресурсы на обучение и заработную плату учителей. Возможно, предложение ваучеров в большем количестве, чем в школе ученических мест, заставит коллектив таких школ поднимать цену ваучера за счет средств родителей. У последних выбор - идти в школу, где не надо доплачивать за обучение, или доплачивать из семейного бюджета лучшим школам.

В принципе такой механизм действует и сегодня. Престижные школы (лицеи, гимназии) широко привлекают средства родителей на обучение детей сверх установленного стандарта: ремонт школ, приобретение мебели и оборудования. Такой же способ привлечения средств родителей существует в престижных вузах и техникумах.

Взаимосвязь доходов населения и образования менялась на разных этапах развития нашего общества. Когда необходимо было ликвидировать неграмотность населения, то вводилось бесплатное обязательное начальное образование и создавались фонды Всеобуча, из которых оказывалась помощь тем семьям, которые из-за материального положения не могли послать детей в школу.

С ростом доходов населения материальное положение семьи все меньше влияло на получение общего образования. Но в полной мере это влияние никогда не будет преодолено. Малообеспеченная семья ограничена в расходах на приобретение обучающих детских игр (а сегодня и компьютеров), книг и газет, на создание в квартире ученического рабочего места, наем репетитора и т. п. И даже способный ученик в таких семьях с худшими результатами заканчивает школу, чем дети из высокообеспеченных семей. При вступлении в период, когда необходимо получить профессию, они оказываются в неравных условиях. Это различие особенно четко прослеживается на примере выпускников городских и сельских школ. Следует отметить, что дети

сельской интеллигенции показывают лучшие результаты при поступлении в вузы и техникумы, чем их сверстники из семей сельских рабочих.

В дореформенный период была сделана попытка нейтрализовать воздействие доходов на получение образования. Рост реальных доходов населения между 1960 и 1986 гг. в 2,5 раза позволил увеличить число молодежи, получающей среднее образование, с 1,3 млн. чел. в 1961-1965 гг. до 4,7 млн. чел. в 1981-1985 гг. Число учащихся в образовательных школах в этот период выросло лишь на 21%. Сокращение в эти годы доли поступивших (из числа оканчивающих среднюю школу) в вузы с 56 до 25% связано с более медленным ростом числа студенческих мест в вузах. Число обучающихся в средних профессиональных учебных заведениях возросло в 2,2 раза.

Такой значительный рост учащихся в средних профессиональных учебных заведениях обусловлен, на наш взгляд, следующими причинами: 1) отставанием в качественном развитии средств производства; имея преимущественно экстенсивное развитие, производство предъявляло спрос на рабочую силу в основном со средним образованием; 2) большинство ПТУ давали полное среднее образование и, следовательно, возможность получить в будущем высшее образование; 3) учащиеся ПТУ имели социальные льготы (бесплатное питание, одежду, льготы на транспорт, общежитие), и это, конечно, привлекало семьи с невысокими доходами, так как уменьшались расходы семьи на содержание детей и их образование.

В этот же период в хозяйстве страны не хватало высококвалифицированных специалистов в области экономики, права, управления персоналом, психологии, социологии, государственного управления. Их рабочие места занимали часто выпускники сельскохозяйственных, педагогических, технических вузов. Это явилось одной из причин неподготовленности российского общества к деятельности в условиях резкого ослабления партийных и административных методов управления. В 90-е годы подготовка таких специалистов широко развернулась в университетах. Так, например, в Омском государственном университете прием на экономический факультет увеличился в 6,5 раз.

Следует отметить, что негосударственные учебные заведения готовят специалистов преимущественно по выше названным профессиям, естественно, за немалую плату. Да и в государственных учебных заведениях высока доля коммерческих мест. Складывается ситуация, когда семьи с невысокими доходами не в состоянии дать своим детям такое профессиональное обра-

зование.

Последнее обусловлено отставанием в качественном развитии средств производства. Имея преимущественно экстенсивное развитие, производство предъявляло спрос на рабочую силу преимущественно со средним образованием. В то же время в экономике страны не хватало высококвалифицированных специалистов в области экономики, права, управления персоналом, психологии, социологии, государственного управления. Их рабочие места занимали выпускники сельскохозяйственных и технических вузов. Отсюда и возникла неподготовленность российского общества к деятельности в условиях резкого ослабления административных и партийных методов управления. Разрешение подобных проблем требует 15-20 лет.

С началом социально-экономической реформы 90-х годов резко выросла подготовка таких специалистов, но их влияние на развитие экономики пока не соответствует их количеству и даже качеству. Инерционность мышления значительной части российского общества, нежелание "уступать дорогу молодым" - главная причина медленного приведения системы управления социально-экономическими процессами в соответствие целям развития экономики.

Рассмотрев взаимосвязь доходов населения и образования, можно предположить, что политика в области образования должна быть направлена на:

1. Предоставление равных условий всем гражданам для получения общего и профессионального образования, которое требуется для достижения равновесия между качеством рабочих мест и качеством рабочей силы. Формирующаяся точка зрения - для всех минимальный уровень образования, а для богатых - желаемый, сопровождается не только сохранением так называемой социальной несправедливости, но и большими экономическими потерями общества. Как известно, вложения в образование детей, имеющих разную генетическую наследственность, дают различную отдачу. Чем больше вкладывается средств в обучение детей, недостаточно подготовленных к нему природой, тем ниже отдача от вложений. В то же время дети, имеющие способности к обучению, но не имеющие для этого достаточных средств, не могут получить соответствующее образование.

2. Создание стимулирующей ситуации для получения знаний, развития любознательности детей.

3. Сохранение рабочих мест более низкого качества для тех, кто не может получить образование, соответствующее передовым технологиям. Проигрыш в конкурентной борьбе на рын-

ке товаров окажется меньшим, чем содержание безработных, неподготовленных, вследствие недостаточного образования, к включению в процесс производства.

Социальная политика в области образования нуждается в наибольшей степени обоснования. Необходимость этого определяется следующим.

1. Высокой зависимостью темпов экономического развития от уровня образования населения: чем больше вкладывается средств в общее и профессиональное образование и чем эффективнее используются эти вложения, тем выше трудовой потенциал страны, тем выше возможности использования новых технологий в производстве товаров и услуг.

2. Через систему образования обеспечивается всестороннее и гармоничное развитие человека, которое позволяет ему создавать условия для своей жизни и выполнения гражданских обязанностей.

3. Вложения в образование реализуют часть стоимости рабочей силы. Следовательно, происходит приближение к равновесию на рынке труда, при котором цена рабочей силы равна ее стоимости.

Можно увеличить цену рабочей силы и носителю последней предложить оплату услуг образования. Или увеличить цену на соответствующую сумму налогов в бюджет и осуществить прямое финансирование системы образования. Размеры в соотношении этих двух потоков по финансированию образования, тем более по ступеням образования, трудно обосновать. Нельзя говорить и о полностью бесплатном для семьи образовании их детей, когда в обществе господствует мнение, что учить всему должна школа и семья здесь ни при чем. Между тем успешная учеба детей возможна лишь при совместных усилиях семьи и школы. Участие семьи в прямой финансовой поддержке школы является одним из способов повернуть семью лицом к школе. В индивидуальной цене рабочей силы, в семейном бюджете на эти цели работодателем должны быть предусмотрены соответствующие расходы. Обучение детей входит в цену рабочей силы, поэтому государство, устанавливая минимальную заработную плату, должно очень тщательно рассчитать ее часть, связанную с содержанием детей и их образованием.

КОНКУРЕНЦИЯ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕЕ МЕСТО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.Л. Карпов

*Омский государственный университет, кафедра экономической теории и предпринимательства
644077 Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 5 февраля 2001 г.

The category of competition is one of important parts of the current market mechanism. Competitiveness of key industries takes as a basic of stability and development of the national economy. In this article author examine the different points of view in the comprehension of "competition" and another concepts, which connect with this category.

Современная рыночная экономика имеет конкурентный характер. Возможность и свобода стремиться к обеспечению собственных частных интересов для каждого экономического субъекта и экономическая обособленность товаропроизводителей создают предпосылки существования конкуренции. Экономическая свобода и хозяйственное обособление проявляются, во-первых, через свободу выбора направления хозяйственной деятельности, то есть когда производитель сам решает, что производить, как производить и для кого производить, во-вторых, поскольку существуют свобода конкурентного поведения в пределах способов, соответствующих понятию добросовестная конкуренция, и, в-третьих, через свободу выбора характера и форм хозяйствования в интересах конкретного товаропроизводителя. Наличие таких предпосылок в рыночной системе и делает конкурентную форму отношений преобладающей.

Остановимся на рассмотрении ряда понятий, связанных с категорией "конкуренция". Начнем непосредственно с определения конкуренции.

Конкуренция как категория многомерная может рассматриваться в разных аспектах. В узком понимании конкуренцию можно охарактеризовать как борьбу независимых (автономных) экономических субъектов за ограниченные экономические ресурсы.

Как способ хозяйствования конкуренция представляет собой систему взаимодействия, взаимосвязи и борьбы между выступающими на рынке субъектами в целях обеспечения лучших воз-

можностей сбыта своей продукции, удовлетворяя разнообразные потребности покупателей. Конкуренция - "...это сильнейший способ непрерывного возбуждения экономических субъектов. С известной степенью условности конкуренцию можно назвать цивилизованной формой борьбы за существование. Стремление обойти конкурента, не уступить, не отстать от него создает мощный стимул экономического прогресса. А угрозы выбытия из игры в борьбе за экономическое существование и процветание действуют надежнее всех иных стимулов" [1].

Конкуренция - это и процесс внутрифирменного и внутриотраслевого развития: ее можно рассматривать как процесс поиска новых позиций, которые обеспечивают приток потребителей, уже существующих на этом рынке, или привлечение на рынок совершенно новых потребителей. Конкуренция все больше перемещается из сферы обращения, где происходит реализация товаров, в сферу непосредственного производства и смежные с производством институциональные сферы: с отраслевого на межотраслевой, общехозяйственный уровень. Здесь можно отметить характеристику конкуренции, как способа существования капитала, когда один капитал соперничает с другим капиталом, и одна отрасль вытесняет другую с рынка капиталов за счет возможности платить больший доход на вложенные средства. Конкуренция как экономическая категория выражает также отношения между работодателем по поводу цены рабочей силы, между работниками по поводу рабоче-

го места и пр., но это выходит за рамки нашего исследования.

Конкуренция может также рассматриваться и как внешний фактор для деятельности отдельного экономического субъекта. Она есть "состязательность хозяйствующих субъектов, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке" [2]. В этой роли конкуренция относится к неконтролируемым факторам, которые воздействуют на деятельность фирмы, направляют ее, и практически не могут управляться со стороны организации.

Наконец, конкуренция выступает в роли существенного фактора экономического развития. Конкуренция - важнейший фактор, повышающий эффективность экономической системы рыночного типа. Конкуренция является определяющим фактором упорядочения цен, стимулом для активизации инновационных процессов. Она способствует вытеснению из производства неэффективных предприятий, рациональному использованию ресурсов, предотвращает диктат производителей по отношению к потребителю¹.

Следующим понятием необходимо охарактеризовать "конкурентность рынка". Конкурентность рынка определяется тем, в какой степени его участники могут оказывать влияние на рынок и на цены реализуемых товаров. Чем меньше подобное влияние, тем конкурентнее считается рынок. Конкурентность - очень важный фактор, воздействующий на поведение производителей и потребителей. Экономическая теория предлагает четыре основные конкурентные структуры рынка: рынок совершенной конкуренции, рынок монополистической конкуренции, олигополия, чистая конкуренция.

Современный хозяйственный механизм представляет собой сложное объединение стихийного рыночного регулирования с сознательным управлением со стороны монополий и государства. Конкретные рынки обычно не соответствуют идеальным схемам конкурентной структуры. Таким образом, и конкурентность рынка можно представить как континуум, полярными точками которого являются рынок совершенной конкуренции и чистая монополия.

Фирма как свободный и рациональный экономический субъект стремится к достижению собственных интересов, прежде всего, через мак-

¹Конкуренция как экономическая категория выражает также отношения между работодателями по поводу цены рабочей силы, между работниками по поводу рабочего места и т.д., но это выходит за рамки нашего исследования.

симизацию экономической прибыли. При этом субъекты, работающие на наиболее конкурентных рынках, имеют наименьшую экономическую прибыль (для предприятий на рынке совершенной конкуренции экономическая прибыль равна нулю). И, наоборот, на неконкурентных рынках фирма может получить дополнительную прибыль (чистая монополия при отсутствии или ограниченном регулировании со стороны государства может получать существенную монопольную ренту или сверхприбыль). Следует различать понятия "конкурентный рынок" и "конкурентная борьба". Конкурентная борьба представляет собой способ активного поведения производителя или потребителя на рынке. Она ведется с целью воздействия на условия продаж. Но чем более высока конкурентность рынка, тем менее эффективно поведение экономических субъектов в форме конкурентной борьбы. Так, например, на рынке совершенной конкуренции условия продаж заданы, все его участники находятся в равноправном положении и никто из его участников не в состоянии повлиять на равновесную цену. Соответственно и соревнование между фирмами выражается в объемах производства, а не в особом поведении по отношению к прочим участникам рынка. С другой стороны, чем менее конкурентен рынок, тем больше появляется оснований для проявления конкурентной борьбы, выражающейся в стремлении продать больше своего товара за счет более низкой цены, высокого качества либо позиционирования товара.

При этом конкуренция между предпринимателями за потребление вызывает соответствующие методы конкурентной борьбы, которые лежат в основе конкурентного поведения. Отличают три основные формы конкурентной борьбы: ценовая, неценовая и неэкономическая (недобросовестная). Ценовая конкуренция - это соревнование производителей путем уменьшения затрат производства, снижения цен на товары и услуги без существенного изменения их ассортимента или качества. Производители используют манипулирование ценами, теневые цены, тайные уменьшения, маневрирование ценами на разных рынках. Неценовая конкуренция - это завоевание конкурентного преимущества за счет рыночного позиционирования производимого товара или услуги. Здесь применяется продажа товаров более высокого качества, предложение новых товаров для удовлетворения тех же потребностей, оказание большего объема услуг, увеличение сроков гарантийного обслуживания, лучшие условия выделения потребительского кредита, проведение рекламных кампаний и т.д.

И, наконец, широко практикуются так на-

зываемые неэкономические методы конкурентной борьбы. Это различные действия, направленные на приобретение конкурентного преимущества или ухудшение положения конкурентов и несоответствующие законодательству, обычаям и правилам делового оборота, такие, как подкупы служебных лиц, технический шпионаж и прочее.

Для целей длительного удержания конкурентных преимуществ действия компании не могут быть разрозненными. Таким образом, рассмотрение конкурентного поведения подводит нас к понятию "конкурентная стратегия". В экономической литературе преобладает характеристика конкурентной стратегии как комплекса действий и с точки зрения ее связей с целями компании. Например, Юданов дает следующее определение: "Конкурентная стратегия - это концепция и подчиняемая ей система действий предпринимательской фирмы, направленных на достижение ее конечных целей" [3].

В этом определении можно выделить основной акцент на взаимосвязь стратегии и целей фирмы. Стратегии предприятия всегда служат достижению конкретных целей. Цель предприятия - это такое состояние будущей реальности, которого предприятие желает добиться собственными усилиями. С другой стороны, стратегия предприятия - это комплекс политических установок предприятия и перспективных программ действий, в рамках которых планируется достижение цели. Конкурентная стратегия определяет, как каждое подразделение компании может добиться конкурентного преимущества на соответствующем рынке.

Цели и стратегии рассматриваются в комплексе, т.к. не только цели определяют стратегии, но и стратегии в значительной мере влияют на определение целей. Так, достижение некоторых конкретных целей предприятия может быть осуществлено некоторыми определенными стратегиями, но применить эти стратегии предприятию не всегда позволяет собственный потенциал.

М. Портер дает несколько другое понимание конкурентной стратегии: "Стратегия - это создание уникальной и выгодной позиции, предусматривающей определенный набор видов деятельности. Если бы была только одна идеальная позиция, не было бы никакой нужды в стратегии. Задача всех компаний в этом случае была бы вполне очевидна - каждая из них стремилась бы первой найти эту позицию и занять ее. Суть же стратегического позиционирования заключается в выборе видов деятельности, отличных от видов деятельности конкурентов" [4].

В данном определении акцент поставлен на то, что суть стратегии состоит в выборе отли-

чающихся видов деятельности либо способов ведения деятельности. Таким образом, конкурентная стратегия представляется как продуманный выбор ряда видов деятельности, которые обеспечат уникальную природу создаваемой ценности. Конкурентное преимущество должно обеспечить большую ценность для потребителей или создать сравнимую с конкурентами ценность при меньших издержках, или решить обе задачи сразу. И последнее, на чем хотелось бы остановиться в рамках данной статьи, это понятие масштаба конкуренции. С точки зрения конкурентной стратегии компании часто различаются конкурентным размахом - или шириной видов своей деятельности.

Масштаб конкуренции является мощным инструментом в создании конкурентного преимущества. Причем конкурентное преимущество может быть найдено компанией как в процессе расширения масштабов деятельности, так и при сфокусированной (узкой) конкурентной стратегии. Широкая сфера конкуренции позволяет компании использовать перенос конкурентных преимуществ, созданных в отдельных сегментах бизнеса компании, на другие сегменты, географические районы и даже другие родственные отраслевые направления. Правильно построенная, скоординированная национальная или глобальная стратегия конкуренции повсеместно показывает преимущество над локальными и внутренними конкурентами. Другой вид масштабной конкуренции, который давно подтвердил свое преимущество, - это построение вертикально-интегрированных компаний. Глубокая вертикальная интеграция позволяет получать потенциальные выгоды от выполнения многих видов деятельности на основе внутренних ресурсов, отказавшись от услуг внешних поставщиков.

Выбирая узкий масштаб, с другой стороны, компания может подогнать стратегию под отдельный целевой сегмент, чтобы достичь низких издержек или дифференциации. Конкурентное преимущество на основе узкого целевого сегмента рынка базируется на оптимальной фокусировке, способной лучше обеспечить отдельные виды продукции, потребителей или географические регионы. Если целевой сегмент характеризуется какими-то необычными потребностями, конкуренты, нацеленные на более широкую сферу, не смогут удовлетворить их.

Подводя итоги, можно сказать, что категория "конкуренция" во всем своем многообразии представляет собой один из главных элементов рыночного механизма. Отдельный производитель, в зависимости от внешней конкурентной среды, вынужден отвечать на давление (конкурентность) рынка путем уменьшения издержек про-

изводства и обращения, снижения цен, позиционирования товара, улучшения качества, обеспечения послепродажным сервисом и дополнительными услугами, выработать стратегию, позволяющую пользоваться не только сиюминутными преимуществами, но и в долгосрочной перспективе удерживать стабильное конкурентное преимущество. Конкуренция приобретает все большую значимость в современной действительности и требует более внимательного и глубокого изучения.

- [1] Курс экономики/ Под ред. Б.А. Райсберга. М.: "Инфра-М", 1997. С. 238.
- [2] Мухаровский Н.В. Экономическая теория фирмы: Учеб. пособие. Омск, 1998. С. 264.
- [3] Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. М., 1998.
- [4] Портер М. Конкуренция. СПб, 2000. С.65.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В.С. Половинко, С.Н. Апенько

*Омский государственный университет, кафедра экономики и социологии труда
644077, Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 26 марта 2001 г.

In the article personnel management is consider from positions of system approach and is present as a holistic structured formation, direct on increasing of efficiency of use and development of labour potential in organizations. The categorisation of structured elements of personnel management is given.

Исследование таких сложных объектов, как персонал, управление персоналом, предполагает использование методологии, позволяющей выявить и внутреннее содержание этого сложного объекта, и представить его как некоторое целостное образование, имеющее свои особенности, закономерности функционирования и развития. В науке такими базовыми методологиями являются исторический, функциональный, структурный, программно-целевой, системный и другие подходы. В каждом из них используются свои особые методы исследования и анализа. Все они, хотя и оперируют достаточно сходными понятиями, рассматривают в качестве предмета лишь одну или часть сторон объекта. Однако на определенном этапе развития возникает объективная необходимость описания объекта в целом, со всеми многообразными связями, зависимостями, закономерностями. Решение этой задачи возможно с помощью методологии, которая, интегрируя описанные подходы, придает исследованию сложного объекта новое качество. Таким требованиям соответствует системный подход, в основе которого лежит исследование объектов, представляющих систему. Его иногда называют экономическим изобретением XX века, позволяющим повысить организованность, качество и эффективность управляемых объектов.

В ходе развития управления персоналом относительно молодого для российских условий научного направления за последнее десятилетие был накоплен достаточно большой теоретический и практический опыт, который требует соответствующего обобщения и анализа.

В научной литературе, посвященной вопросам управления персоналом, о системном подходе упоминается достаточно часто. Его проявление сводится во многих случаях к постулатам зависимости управления персоналом от внешней среды, либо он рассматривается при делении управления персоналом на составляющие элементы (например, при выделении функций), либо как один из возможных подходов к управлению персоналом наряду с процессуальным, поведенческим, ситуационным. Чаще всего этот подход упоминается при анализе организационной структуры управления персоналом (службы управления персоналом, ее места в общей структуре управления). Однако это лишь некоторые проявления, фрагменты системного подхода. Целостная же его картина во всей сложности и многообразии ни в отечественной, ни в зарубежной литературе по управлению персоналом в полной мере не представлена. Незавершенность вопросов системности в управлении персоналом является, на наш взгляд, одной из причин разногласий авторов в определении сущности управления персоналом, в классификации функций, подсистем и элементов управления персоналом, в определении структуры самой науки. В конечном итоге это выражается в том, что разработки по частным процессам управления персоналом (отбор, стимулирование труда, развитие персонала, трудовые перемещения и др.) рассматриваются изолированно друг от друга, что противоречит декларируемому принципу системности и снижает эффективность системы управления персоналом в целом.

Применение системного подхода в управлении персоналом нам представляется необходимым и возможным по следующим причинам.

1. *Междисциплинарность проблематики управления персоналом.* Она настолько очевидна, что исследуется и в рамках управленческих наук (менеджмента), и в экономике труда, и в социологии труда, и в психологии труда, и в трудовом праве. В каждом из выделенных научных подходов практически одни и те же проблемы рассматриваются с различными акцентами. При этом все авторы сходны во мнении о необходимости комплексного рассмотрения вопросов.

2. *Комплексность проблем управления персоналом.* Объективной основой комплексности и междисциплинарности проблем является, во-первых, то, что управление персоналом – одна из составных частей управления организацией, поэтому невозможно рассматривать вопросы управления персоналом без учета основных положений и принципов общей теории управления. Во-вторых, тот факт, что объектом управления является персонал, люди, имеющие в том числе социальные и психологические характеристики, обуславливает необходимость включения его в сферу исследования социальных и психологических проблем. В-третьих, человек, как носитель рабочей силы, включается в производственно-хозяйственную структуру (предприятие, организацию) и становится персоналом с целью использования его рабочей силы в процессе труда. От эффективности использования и развития этих способностей во многом зависят результаты деятельности организации, поэтому проблемы экономики труда, трудовые вопросы выступают в качестве целевых в рамках управления персоналом. В-четвертых, регулирование социально-трудовых отношений в условиях современного общества невозможно без учета нормативно-правовых вопросов, регламентирующих права, обязанности, взаимоотношения участников процесса труда, вследствие чего в сферу управления персоналом включаются и правовые аспекты. Таким образом, мы видим, что проблематика управления персоналом многоаспектна, поэтому необходимо представлять целостную картину, отражающую сложность и противоречивость взаимосвязей и отношений с разных сторон.

3. *Усложнение проблем управления персоналом.* Проблемы управления персоналом в силу их многоаспектности, а также по мере развития экономических и социальных отношений в обществе все в большей мере усложняются. Те принципы и подходы, которые господствовали на ранних этапах становления и развития рыночных отношений (например, принципы научного управления Ф. Тейлора, Файоля, М. Вебера

и др.), с современной точки зрения могут показаться простыми и даже тривиальными. В число функций управления персоналом уже прочно вошли такие сложные и многогранные процессы, как развитие персонала, мотивация трудовой деятельности, регулирование трудовых перемещений. Сложность проблем наглядно проявляется в российской практике управления, где в настоящее время происходит трансформация управления из принципа организации типа "отделов кадров" к "менеджменту персонала" и "управлению человеческими ресурсами".

Еще в большей мере проблемы управления персоналом усложняются и актуализируются в переходный период, который переживает Россия, когда радикально изменяются не только технологии и методы, но и основополагающие принципы управления. Когда невозможно в силу ряда обстоятельств использовать прогрессивные разработки передовых стран с развитой социально-рыночной экономикой, а требуется разрабатывать мобильные, адаптированные к конкретной социально-экономической ситуации модели управления персоналом, включающие в себя и некоторые прежние основы, и совершенно новые подходы.

4. *Динамичность проблем управления персоналом.* При этом динамичность изменяющихся ситуаций настолько высока, что технологии управления персоналом часто устаревают еще на стадии разработки. Это обусловлено постоянно меняющимися производственными и управленческими технологиями, которые обуславливают изменения в требованиях к работникам, меняются представления о профессионально-важных качествах персонала, что в итоге порождает необходимость постоянной корректировки механизмов оценки персонала, обучения, разработку гибких схем трудовых перемещений и пр. В результате этого в научной литературе все чаще ставится вопрос о гибкости, адаптивности рабочей силы и гибких системах управления персоналом. Вместе с тем, очевидно, что для построения адаптивных и гибких систем управления персоналом необходимо иметь четкие представления о базовых (иногда их называют классическими) технологиях управления персоналом. Это предполагает обобщение имеющегося научного и практического опыта, его систематизацию и стандартизацию.

Названные причины обуславливают необходимость применять в управлении персоналом системный подход. Управление персоналом, как и любая другая система, состоит из отдельных элементов. В зависимости от того, с какой точки зрения исследуется управление персоналом, мы предполагаем выделить несколько основ для

определения структурных элементов системы управления персоналом:

а) Содержательный аспект. В рамках этого аспекта в состав системы управления персоналом включаются частные процессы и отдельные взаимосвязанные и взаимообусловленные направления деятельности, которые находятся в ее предметной области. С этой позиции элементами системы являются: планирование персонала, отбор персонала, адаптация, стимулирование и мотивация труда, развитие персонала, трудовые перемещения, регулирование социально-психологических отношений, высвобождение персонала, оценка персонала и пр. При этом определяются сферы активности системы и уточняются ее функции.

б) Организационный аспект. Как и любой другой процесс управления, управление персоналом предполагает воздействие (или взаимодействие) субъекта и объекта посредством определенных методов. Одной из отличительных особенностей управления именно персоналом является, на наш взгляд, системная природа и объекта, и субъекта.

При этом субъект имеет сложную структуру. В него могут входить служба управления персоналом, высшее руководство, линейные руководители, коллектив, неформальные лидеры и др., которые в процессе управления реализуют свои собственные объективные и субъективные интересы. Системный подход, как нам представляется, позволяет учесть эти интересы и построить механизмы управления персоналом, гармонизирующие взаимодействие различных субъектов.

Персонал как объект управления также имеет многообразные формы проявления. На наш взгляд, в качестве объекта может выступать весь персонал, отдельные его члены, группы персонала, различающиеся по профессионально-квалификационной структуре, социально-демографическим характеристикам, видам деятельности и пр. Кроме этого, важным при проектировании систем управления персоналом является определение целевых объектов управления: результаты труда, трудовое поведение или отношение к труду.

в) Исходя из иерархической подчиненности можно выделить такие подсистемы системы управления персоналом, как стратегическая, функциональная и обеспечивающая. В число стратегических элементов мы включаем концепцию, стратегию, модель и политику управления персоналом, которые определяют общие принципы, философию, целевую направленность, приоритеты и общую "конструкцию" системы. Стратегический компонент конкретизируется в функциональной подсистеме, которая по со-

держанию близка к описанной ранее содержательной структуре. Обеспечивающая подсистема включает кадровую, информационную, научно-методическую и материально-техническую составляющую.

Во всех представленных вариантах деления системы на элементы существуют определенные связи и отношения, которые обуславливают ее функционирование и развитие.

Таким образом, отсутствие достаточно глубоких разработок системного подхода не позволяет в полной мере реализовать цели и задачи, стоящие перед управлением персоналом. Локальные модели, описывающие какие-либо отдельные направления управления персоналом не могут дать необходимого эффекта вследствие сложности и взаимообусловленности процессов, лежащих в проблемном поле управления персоналом. Как следствие - теряется целостность предмета исследования, повышаются затраты на управление. Поэтому актуальной проблемой является разработка теоретико-методологических основ системного подхода, в котором управление персоналом рассматривается как направленное на повышение эффективности использования и развития трудового потенциала организации, объективно функционирующее в среде организации целостное структурное образование, взаимосвязанные части которого в процессе регулирования социально-трудовых отношений порождают интегративные свойства.

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Н. Скобелкин

*Омский государственный университет, кафедра трудового права,
644077 Омск, пр.Мира, 55-А*

Получена 20 апреля 2001 г.

The article is devoted to the problem of the basis of arising economical and legal relations. Special attention is paid to the matters of the interdependence these connections.

Две отрасли науки уделяют пристальное внимание системе общественных отношений (связей) в сфере трудовой деятельности человека: экономика и право. Каждая делает это, в основном, самостоятельно. Между тем объект исследования у них один. Разумеется, работа с таким многоаспектным явлением, как общественные отношения, складывающиеся в процессе организованной трудовой деятельности или в связи с ней, требуют разностороннего подхода, использования различных методов, многопрофильного инструментария исследования. Однако единство объекта обязывает к определенной степени объединения усилий обеих отраслей науки, учета каждой из них материала, путей, средств, способов, а также результатов разработок смежного исследовательского сектора.

Говоря об объекте, следует заметить, что при организованном наемном труде можно выявить наличие нескольких групп общественных связей: фактических, экономических, юридических. В обыденной жизни их разделяют редко, да и вообще термин "общественное отношение" почти не употребляется. Такое разделение производится в научных целях, а также в некоторых случаях, требующих более четкого определения разновидности тех или иных связей (например, для установления экономического характера требований работников при забастовке). Фактические и экономические отношения после урегулирования нормами права не исчезают, не трансформируются в правоотношения, а продолжают суще-

ствовать наряду с ними.

Конечно, не все общественные отношения (в том числе и трудовые) могут быть урегулированы и фактически регулируются нормами права. С другой стороны, и трудовые правоотношения далеко не всегда соединены с соответствующими экономическими.

Экономические отношения работника с предприятием или другим работодателем могут возникнуть лишь при появлении соответствующих трудовых правоотношений, т.е. одновременно с ними либо после их установления. Следовательно, можно утверждать, что юридические факты, в связи с которыми возникают указанные трудовые правоотношения, порождают и многие экономические связи работника с предприятием.

Одним из наиболее значимых и распространенных оснований формирования трудовых правоотношений является трудовой договор. С момента его заключения у работника появляется право требовать предоставления обусловленной работы, а у предприятия — обязанность такую работу дать — это и есть трудовое правоотношение, которое я называю основным. Одновременно возникает экономическая связь между человеком, обладающим способностью к труду, и нанимателем — владельцем средств производства, который в соответствии с договором будет использовать эту способность в своих интересах. Таким образом, трудовой договор является не только юридическим, но и экономическим фактом вызывающим к жизни трудовые экономические и правовые связи.

Форма и вид трудового договора значения не

¹e-mail: skobelkin@law.omsu.omskreg.ru

имеют. Это могут быть как письменные (по общему правилу), так и устные соглашения. Поскольку ч. 3 ст. 18 КЗоТ считает заключением трудового договора фактическое допущение к работе, независимо от наличия надлежащего оформления, то моментом появления как трудовых правоотношений, так и экономических следует считать такой допуск.

Правда, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении 16 от 22 декабря 1992 г. разъяснил, что в указанном случае "трудовой договор (контракт) считается заключенным, если выполнение работы без издания приказа (распоряжения) поручено должностным лицом, обладающим правом приема на работу, либо когда работа выполнялась с его ведома" (п.9).

Формулировка далеко не безупречная. Прежде всего - об издании приказа (распоряжения). Во-первых, такой акт издается не во всех случаях приема на работу. Во-вторых, даже при заключенном трудовом договоре издание приказа нередко запаздывает, порой весьма ощутимо. Представим, что работник, проработав месяц, расторгает договор. Приказа о приеме нет, а договор вне сомнения действовал, со всеми вытекающими из этого факта юридическими последствиями. Надлежащее оформление состоит из двух основных (бывают и другие) элементов: заключения договора и издания приказа. Наиболее важным юридическим актом является договор.

О должностном лице. Поскольку в постановлении указано, что это тот, кто обладает правом приема на работу, значит, Пленум признал, что речь идет только о случаях, когда трудовой договор заключен не был. Ведь подписывает договор именно должностное лицо, обладающее правом приема на работу. Раз он подписал договор, значит, работа выполнялась с его ведома. То же самое можно сказать и о случае заключения договора в устной форме.

Наличие или отсутствие трудового договора в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 18 КЗоТ, имеет существенное значение для определения круга прав и обязанностей его сторон при отказе работодателя от приема работника на предприятие, обеспечения его работой в последующий период. Если договор был, то работник (при фактическом отсутствии работы) вправе требовать издания приказов о приеме на работу и увольнении с внесением соответствующих записей в трудовую книжку; производства полного расчета, т.е. выплаты заработной платы за проработанное время, положенной компенсации за отпуск и выходного пособия в размере среднемесячного заработка, если увольнение было произведено по п.1 ст. 33 КЗоТ.

При отсутствии договора допуск к работе лицом, не имеющим права приема на работу, без ведома того, кто это право имеет, но не желает им воспользоваться, не порождает обязанности работодателя оформлять прием, производить записи в трудовой книжке, выплачивать компенсацию за неиспользованный отпуск и выходное пособие. А вот заработная плата за проработанное время должна быть выплачена. Лицо, допустившее работника к исполнению той или иной трудовой функции, может быть привлечено к дисциплинарной, а в случае наличия действительного ущерба, и к материальной ответственности.

Представляется, однако, целесообразным указать в п. 9 постановления Пленума, что суд при рассмотрении иска такого работника может признать, что в данном конкретном случае у истца не возникало сомнения (или была уверенность) в том, что пригласившее его на работу должностное лицо, например начальник цеха, вправе это делать. Тогда удовлетворению подлежат все требования работника, вытекающие из трудового договора.

Во всех регулируемых ч. 3 ст. 18 КЗоТ ситуациях наряду с трудовыми правоотношениями возникают и экономические связи, поскольку использование рабочей силы налицо.

Для существования экономических отношений между работником и владельцем средств производства не обязательно наличие оплаты труда в том или ином периоде действия трудового договора. Это хорошо видно на примерах длительной задержки заработной платы бытующей в России в последние годы. В подобной ситуации трудовые правоотношения по оплате труда сохраняются, но переходят из динамической формы (стадии) в статическую. Экономические связи, сопровождающие использование рабочей силы, продолжают действовать в динамической форме (за исключением, конечно, тех, которые относятся к возмещению затрат рабочей силы, ее восстановлению).

Экономические отношения возникают и существуют и в тех случаях, когда трудовой договор допускает возможность работать без оплаты труда (выполнение трудовой функции на так называемых "общественных началах"). Допустимость подобного рода соглашений упоминается в законодательстве для некоторых категорий работников или для определенных условий работы (например, для помощников депутатов Государственной Думы). Некоторые нормативно-правовые акты предусматривают выполнение отдельных видов деятельности без ее оплаты (членов советов союзов потребительских обществ; членов диссертационных советов; муниципальных служащих, действующих от имени и по поручению).

чению муниципальных органов управления имуществом в органах управления коммерческих организаций; лица, обучающиеся в профессиональных учебных заведениях, при прохождении производственной практики без зачисления на оплачиваемые должности (рабочие места, и др.).

Основанием возникновения экономических отношений может быть трудовой договор любого вида: заключенный на неопределенный, определенный срок (не более пяти лет), на время выполнения определенной работы; при совместительстве; для надомного труда; для работы в домашнем хозяйстве нанимателя, в крестьянском (фермерском) хозяйстве и т.д.

Следует заметить, что экономические трудовые связи не всегда сопутствуют правовым. Последние могут возникать в статической форме в предусмотренных законодательством случаях до заключения трудового договора. Сюда, в частности, относится правило ч. 4 ст. 18 КЗоТ: "Работнику, приглашенному на работу в порядке перевода из другого предприятия, учреждения, организации по согласованию между руководителями предприятий, учреждений, организаций, не может быть отказано в заключении трудового договора". У работника, уволенного с прежнего предприятия, появляется право требовать заключения трудового договора с новой организацией, а у нее возникает обязанность заключить договор. Эти встречные право и обязанность есть не что иное, как трудовое правоотношение. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ (п. 1 пост. от 22 декабря 1992 г.), договор в этом случае должен быть заключен с первого рабочего дня, следующего за днем увольнения с предыдущей работы. Если новый работодатель затягивает прием работника, то трудовое правоотношение продолжает существовать, а экономическое не возникает.

С аналогичными ситуациями мы сталкиваемся во всех случаях, когда предприятие, на котором тот или иной человек работал до увольнения, обязано предоставить ему прежнюю работу (при окончании выборной работы, при реабилитации, при возвращении после освобождения от обязанностей военной службы и т.д.).

Сюда же следует, на мой взгляд, отнести и незаконное увольнение работника. Поскольку оно незаконно, то хотя трудовой договор расторгнут, основное трудовое правоотношение (право работника требовать работу и обязанность работодателя ее предоставить) сохраняется, перейдя в статическую форму. При восстановлении незаконно уволенного статическая форма сменяется динамической. Что же касается экономической связи, то ее в период между увольнением и восстановлением не существует.

Во время действия трудового договора бывают периоды, когда работник не выполняет возложенные на него обязанности, но трудовые правоотношения не прекращаются. В одних случаях за работником сохраняются и место работы, и заработная плата (например, при командировке, при выполнении некоторых видов государственной и общественной деятельности), в других - только место работы или должность (например, за время отпуска без сохранения заработной платы), в третьих - в такой период вместо заработной платы производятся выплаты из средств социального страхования (пособия по временной нетрудоспособности и др.). Основное трудовое правоотношение на это время переходит в статическую форму, но некоторые дополняющие (по вознаграждению за годовые итоги работы предприятия, ежегодным надбавкам за выслугу лет, по накоплению стажа и т.д.) и сопутствующие (поощрительные, по льготам, не связанным с работой, и пр.) могут существовать и в динамической. Экономические связи остаются во всех вышеуказанных случаях.

Итоги можно сформулировать следующим образом. Трудовые экономические отношения работника с работодателем возникают либо одновременно с трудовыми правоотношениями, либо после их появления. Последние, в отдельных случаях, могут возникать и существовать без соответствующих экономических. Экономические связи формируются как при возмездном, так и при безвозмездном характере правовых. Основаниями возникновения связей обоих видов служат одни и те же факты: трудовой договор (избрание, назначение) и фактическое исполнение трудовой функции либо отдельного задания, поручения.

ЗНАЧЕНИЕ САНКЦИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.А. Бодункова

*Омский государственный университет, кафедра трудового права,
644077, Омск, пр.Мира, 55-А*

Получена 26 марта 2001 г.

The present article is devoted to the significance of the sanctions in the regulation of the labour relationships. It deals with the problem of incentive in the sanctions and touches problems of training, educational, informational functions of sanctions.

Одно из центральных мест в отечественной юридической науке занимает анализ взаимосвязи права и общественных отношений. Это совершенно справедливо, так как механизм воздействия на общественные отношения права вообще, и санкций правовых норм в частности, требует должного исследования для того, чтобы четко определить объективно возможные и разумные пределы влияния права на развитие общества. При этом желательно найти "золотую середину", дабы не преувеличить роль правовых установлений и не пренебречь правовыми средствами тогда, когда они могут привести к положительному результату.

"Правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях" [1]. Придерживаясь материалистического понимания истории и общественного развития, мы исходим из того, что в основе надстройки, то есть идеологических отношений и взглядов - политики, морали, философии и, естественно, права, лежит исторически определенная совокупность общественных отношений, складывающихся между людьми в процессе производства и выражающих отношения собственности. Право определяется экономическим базисом и выступает одновременно и как внешняя форма его выражения, и как способ организации экономической структуры общества. Следовательно, трудовое право, как и любую иную отрасль права, невозможно оторвать от его экономической основы и подвергнуть самостоятельному изуче-

нию, игнорирующему те производственные отношения, которые оно прямо или косвенно отражает, оформляет либо закрепляет. Право, порождаемое господствующим типом производственных отношений, с необходимостью следует за развитием своего экономического содержания. Оно "...не может быть выше достигнутого на данном этапе уровня материального производства и соответствующих ему форм сознания и культуры людей" [2]. Например, экономический строй феодальной Руси XV-XVI веков характеризовался тем, что основное средство производства - земля - находилось в монопольной собственности ограниченной группы людей, а хозяйство велось силами, техническими средствами мелких производителей - крестьян. Основное экономическое отношение нашло свое проявление в феодальной ренте, то есть прибавочном продукте, взимаемом господами с производителей в форме работ, денег или натурой. На Руси это привело к формированию института кабального холопства, оформляемого служилой кабалой. Последняя представляла собой договор, заключаемый путем предоставления займа, проценты по которому холоп должен был отработать службой у холоповладельца. Но ввиду того, что работой погашались только проценты, а не сам долг, у холопа не было возможности вернуть его и расторгнуть договор. Таким образом, за служилой кабалой законодательно был закреплен приоритет при оформлении отношений по применению труда [3].

Другая экономическая формация, именуемая капитализмом, предполагает частную собственность на средства производства и широкое ис-

пользование наемного труда. В России особенно интенсивно законодательство о найме труда стало развиваться с отменой крепостного права, так как активно стали развиваться сами общественные отношения найма труда. Так, например, том 10 Свода гражданских законов Полного собрания законов Российской империи содержал главу "Личный наем", регулирующую порядок и условия оказания домашних услуг, выполнения земледельческих, ремесленных, фабричных, заводских и другого рода работ и должностей, не запрещенных законом. Закон предусматривал письменную форму договора, права и обязанности сторон, порядок оплаты в денежном выражении или производимой продукцией (конструкция договора достаточно близко соответствовала современному трудовому договору) [4].

Два данных примера призваны проиллюстрировать утверждение, что изменение экономических отношений неизменно вызывает преобразования в праве, то есть материальные условия жизни определяют содержание государственной воли, находящей свое выражение в законе.

Однако трудовое право не механически вышшеается над экономикой, отражая ее сдвиги, но и оказывает на нее обратное воздействие, поскольку опосредуется в поведении участников. Будучи категорией волевой, оно адресуется только к сознанию субъектов трудовых отношений и воздействует на поведение людей лишь благодаря наличию у них свободы воли. Традиционно источником активности считается предметно-практическая деятельность, когда отраженный через призму внутренних условий субъекта объективный мир создает возможность ставить различные цели, принимать решения и поступать определенным образом [5]. Мы обнаруживаем интересное противоречие, когда, с одной стороны, человек свободен в выборе того или иного варианта поведения, а с другой — его действия детерминируются окружающим объективным миром. Однако именно существование данного противоречия позволяет трудовым отношениям развиваться, делая их доступными для правового регулирования.

Санкция, являясь структурным элементом нормы права, а следовательно, и элементом правового регулирования, призвана обеспечивать желаемое поведение людей, ведь конечным результатом воздействия на общественные отношения является обеспечение соответствия между фактическим поведением участников и теми правами и юридическими обязанностями, которые за ними закреплены. Существование той или иной правовой нормы не гарантирует ее буквального воплощения на практике, поэтому необходимо создание дополнительных условий, подталки-

вающих участников отношений к желательным действиям. Одним из подобных условий является санкция, обладающая определенным стимулирующим свойством.

В правовой литературе отсутствует единое образное понимание стимула. Одни авторы под стимулами подразумевают различные формы поощрения без связи с государственным принуждением работника к конкретному положительному поведению [6], другие - все средства обеспечения юридических норм: как принуждение и убеждение, так и поощрение, и общественное воздействие [7]. На первый взгляд представляется верной позиция тех, кто не связывает стимулы с государственным или общественным принуждением, ибо сама природа стимулирования такова, что он является побуждением к достижению положительного, общественно-полезного результата. Однако, вспоминая то обстоятельство, что нормативное действие права состоит в установлении обязательных правил в целом, а психологическое — в побуждении или подавлении мотивов к разным действиям, в укреплении и развитии одних потребностей и склонностей и в подавлении других, данную позицию можно поставить под сомнение. Ведь традиционно стимулы рассматривают как побудительную причину поведения, заинтересованность в совершении чего-либо [8], более того, само слово происходит от латинского *stimulus*, что в буквальном смысле означает "остроконечная палка, которой подгоняли животных". Полагаем, что в качестве побудительного мотива к достижению общественно-полезного результата можно назвать любую причину, в том числе и угрозу или опасение применения мер принуждения. Таким образом, правовые меры морального и материального стимулирования и санкции — это различные по содержанию, но вместе с тем единые по своим конечным целям способы правового воздействия на мотивацию труда работника. При помощи соответствующих правовых стимулов и санкций государство призвано заинтересовать как работодателей в соблюдении действующего законодательства, улучшении условий труда, так и работников в более продуктивной работе.

Вступая в трудовые отношения, человек ставит своей задачей удовлетворение потребностей как витальных (есть, пить, потребность в тепле, удовлетворении физических нужд), так и социальных (общение, самовыражение, уважение, приобретение знаний и т.д.). Однако давно отмечено, что именно витальные потребности и интересы оказываются выше и сильнее душевных переживаний, они, а не чувства сказываются на рациональном поведении людей [9], следовательно, именно они должны подвергаться воз-

действию в случае нарушения норм трудового права в первую очередь, если требуется быстро и кардинально изменить ситуацию. "Потребность более низкого уровня должна удовлетворяться прежде, чем потребность следующего уровня станет более значимым фактором, определяющим поведение человека" [10]. Основной движущей силой в поведении работника является желание и необходимость удовлетворения своих материальных потребностей. Зачастую главной причиной, побуждающей его вступить в трудовые отношения, выступает стремление к получению денежного вознаграждения, необходимого для удовлетворения этих потребностей. Наемный работник находится в экономической зависимости от работодателя, поэтому наличие у последнего права применения различных санкций дает ему огромные возможности воздействия на поведение подчиненных, вынуждая их сопоставлять свои действия с возможными последствиями.

Итак, мы подчеркиваем, что санкции в трудовом праве выполняют стимулирующую функцию в регулировании поведения участников отношений. Зачастую лишь факт их наличия влияет на поведение "неустойчивых субъектов", подталкивая их к определенному действию (отказу от действия), с одной стороны, а факт их применения сказывается на поведении других членов общества – с другой. Существование эффективно действующих санкций в случае выбора между нарушением запрета, неисполнением обязанностей или их соблюдением подталкивает к правомерным действиям. Например, ст.ст. 93, 94 КЗоТ РФ предусматривают, что простой по вине работника, выпуск продукции, оказавшейся браком, оплате не подлежат, а это естественным образом приводит работника к осознанию "выгодности" выполнения трудовых обязанностей, что и требуется достичь в результате правового регулирования.

Санкция имеет, несомненно, и воспитательное значение. Регулируя внешнее поведение участников трудовых отношений, нормы права выступают и в качестве внутреннего психологического фактора общественной жизни. Особенность социально-психологического действия санкций состоит в формировании отношения к труду. Однако нужно иметь в виду, что принуждение, заложенное в санкции, не всегда вызывает требуемый результат, так как перестройка сознания человека не имеет ничего общего с насилием, а элемент его, хотим мы того или нет, все равно присутствует в любом наказании. В данном случае под наказанием понимается такое воздействие, когда позитивные последствия изымаются из ситуации, а неприятные добавляются. Сама по себе санкция не может заставить не-

приятное поведение исчезнуть, она только подавляет его, то есть стоит изъять принуждение и поведение будет иметь тенденцию к повторению. Таким образом, оно является не очень эффективным средством изменения привычек. Однако если требуемого поведения не удастся добиться другими способами либо необходимо изменение поведения в будущем, то применение санкции может служить единственно возможным методом. При этом она должна быть достаточно серьезной и следовать сразу после проявления неправомерного поведения.

От того, какие общественные отношения охраняет та или иная норма, зависит строгость и жесткость применяемой санкции. "Характер санкции определяется характером самого правонарушения, его материальными чертами и признаками, его социальной значимостью прежде всего" [11]. Хотя в отечественной литературе и высказывалось мнение, что по характеру юридических последствий можно определить вид правонарушения, верной представляется позиция авторов, утверждающих "универсальность" [12] санкций трудового права, ибо они могут охранять от нарушений нормы ряда отраслей и являться следствием различных видов правонарушений. Связь санкции с правонарушением показывает ее предназначение, состоящее в охране правового предписания, зафиксированного в регулятивных нормах. При этом нужно иметь в виду, что данная связь не является безусловной. В соответствии с законодательством в некоторых случаях она может прерываться: истечение срока давности для привлечения к ответственности, применение мер воздействия, не соответствующих закону (например, применение нескольких дисциплинарных взысканий за один проступок) и другие.

Таким образом, собственно юридическое значение санкций норм трудового права заключается в их направленности на охрану общественных отношений, защиту прав участников трудового процесса, обеспечение надлежащего исполнения возложенных на них обязанностей, так как именно санкции содержат указание на то, как нарушенные отношения должны быть восстановлены, либо указание на кару, которую виновный должен понести, если правосознание невозможно. В силу особой природы трудовых отношений то, что является санкцией для одного субъекта, может не иметь такого значения для другого. Так, обязанность оплатить простой не по вине работника для не сумевшей обеспечить работой администрации — санкция, а для работника — благо, так как, не выполняя трудовых обязанностей, он получает денежное вознаграждение.

Регулятивное значение санкций сводится к определению того, что необходимо делать в случае нарушения, неисполнения той или иной нормы. Очевидно, последствия, устанавливаемые санкцией, есть возможное поведение одних субъектов и должное поведение других, то есть один и тот же вариант поведения может выступать в качестве санкции одной нормы и одновременно гипотезы или диспозиции других норм права, что юридически значительно облегчает процесс правового регулирования. Например, увольнение по так называемым виновным основаниям ст.33 или ст.254 КЗоТ РФ есть санкция в отношении работника, допустившего дисциплинарный проступок, но в то же время это возможный (так как меры дисциплинарного воздействия применяются к недобросовестным работникам в соответствии со ст.128 КЗоТ РФ лишь "в необходимых случаях") вариант поведения (диспозиция) для администрации, обнаружившей данный проступок.

Кроме того, анализируя особенности и значение санкций необходимо принимать во внимание характер связи между регулятивными и охранительными нормами. Данная взаимосвязь может быть прямой, когда одна санкция защищает одну определенную диспозицию. Так, диспозиция, изложенная в ч.5 ст.39 КЗоТ РФ, предусматривает обязанность администрации выдать трудовую книжку в день увольнения, а санкция, изложенная в ст.99 КЗоТ РФ, определяет последствия неисполнения данной обязанности. Но для большинства норм в трудовом праве характерен общий способ связи, предполагающий, что диспозиции нескольких регулятивных норм охраняются единой для них санкцией. Например, санкции ст.135 КЗоТ РФ, предусматривающей последствия всех случаев нарушения трудовой дисциплины.

Оценивая значимость санкций в трудовом праве, не следует преувеличивать и абсолютизировать их роль в регулировании общественных отношений. К настоящему времени накоплены научные данные, подтверждающие, что, например, причинно-следственные связи такого института, как дисциплина труда, органически вписываются в систему экономических законов: стоимости, возрастания потребностей, конкуренции и т.п. [13]. Следовательно, поведение большинства работников в целом в некоторых ситуациях объективно предопределено, что, естественно, снижает значение правового воздействия в регулировании поведения людей. Однако действия каждого конкретного человека в силу присущей ему свободы воли не могут быть предсказаны заранее, а значит, на его поступки можно оказывать влияние и его самого можно и должно воспитывать, в том числе и посредством привле-

чения к ответственности.

Таким образом, санкция, указывая на меры воздействия, применяемые специально уполномоченными органами к лицам, не исполняющим либо нарушающим требования норм трудового законодательства, договоров о труде, является самостоятельным социально-психологическим фактором, способствующим фактическому воплощению требований правовых норм, охране правопорядка, повышению правовой культуры правосознания. По существу данный элемент правовой нормы выполняет две принципиально важных юридических функции — регулятивную и охранительную.

- 1 Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1955. Т. 2. С.468.
- 2 Явич Л.С. Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С.12.
- 3 Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 183-212; Памятники русского права. М., 1956. С.375.
- 4 Санникова Л.В. Договор найма труда в России. М.: МТ-Пресс, 1999. С.24-30.
- 5 Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Полит. лит., 1986. С.73.
- 6 Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. С. 41-46.
- 7 Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С.177.
- 8 См., например: Лопатин В.В., Лопатина В.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1993. С.575.; Большой Энциклопедический Словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997. С.1151.
- 9 Бернацкий В.О., Овсянникова И.А. Социальная философия. Омск: Изд-во Ом ГТУ, 1998. С.40.
- 10 Комарова Н. Мотивация труда и повышение эффективности работы // Человек и труд. 1997. № 10. С.90.
- 11 Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1963. С.164.
- 12 Лейст О.Э. Указ. соч. С.163-164.
- 13 Патласов О.Ю. Управление трудовой дисциплиной при переходе к рыночным отношениям: Автореф. дис... канд. эконом. наук. Томск, 1993. С.12.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩЕГО НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН

М.С. Фокин

*Омский государственный университет, кафедра уголовного права и процесса,
644077, Омск, пр.Мира, 55-А*

Получена 26 февраля 2001 г.

In article the problems of the general doctrine about object of a crime with reference to a composition providing the criminal responsibility for are considered organization of religious association encroaching on the personality and the right of the citizens.

В теории уголовного права под объектом преступления традиционно понимают общественные отношения, в структуре которых выделяют их содержание и участников. Относительно места и значения предмета преступления позиции ученых расходятся.

Б.С. Никифоров, давший принципиально правильный вариант решения вопроса о соотношении понятий предмета и объекта преступления как составной части целого с самим целым [1], неверно, на наш взгляд, подошел к оценке значения предмета преступления как элемента структуры общественного отношения. Он утверждает, что существуют "беспредметные" преступления [2]. Но если в структуру объекта, под которым в уголовном праве понимают общественное отношение, охраняемое законом от общественно опасных посягательств, не включается предмет, то это автоматически влечет за собой признание существования беспредметных общественных отношений, что не соответствует самой природе права. Общественные отношения всегда возникают и функционируют по определенному поводу, в роли которого и выступает предмет преступного посягательства.

Неверным представляется и придание предмету преступления лишь материального содержания, так как это предполагает правовое регулирование общественных отношений, складывающихся лишь по поводу какого-либо материального блага, материального предмета. Так,

С.Ф. Кравцов определяет предмет преступления как "материальный вещественный элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путем противоправного воздействия на который нарушается общественное отношение", то есть все вещественное, на что есть указание в статьях уголовного закона [3].

При определении предмета преступления как материального, вещественного отсутствует возможность рассмотрения сущности предмета в группе преступлений, имеющих в качестве объекта преступления идеологическое (социальное, политическое, духовное) отношение [4]. Кроме того, при данном подходе предметом преступления по признаку материальности называются вещи, которые принадлежат другим компонентам преступления (например, объективной стороне преступления). В связи с этим верной представляется точка зрения А.В. Ушакова, по мнению которого предметом общественного отношения принято считать все то, по поводу чего или в связи с чем возникает и существует общественное отношение. В одних общественных отношениях это могут быть физические тела, вещи и их основные свойства, в других - иные социальные и духовные блага, ценности [5].

Для определения того, что является предметом преступления в составе, предусматривающем уголовную ответственность за организацию религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан (ст.239 УК РФ), необходимо прежде всего определить обществен-

¹e-mail: fokin@law.omsu.omskreg.ru

ные отношения, которые нарушаются в результате совершения данного преступления. В свою очередь, для установления объекта преступления необходимо выявление его внутреннего содержания. Основываясь на трехчленной трактовке структуры объекта, состоящей из содержания общественных отношений, предмета преступления и участников общественных отношений, необходимо определить, кто является субъектом общественных отношений, урегулированных ст.239 УК РФ.

Отношение может существовать лишь между, как минимум, двумя субъектами, в роли которых могут выступать как физические, так и юридические лица.

Согласно ст.1 Федерального закона РФ "О свободе совести и о религиозных объединениях" [6], данный нормативно-правовой акт "регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений". Здесь содержится указание на человека и гражданина как на одного из участников правоотношения при регулировании свободы совести и свободы вероисповедания. Возникает вопрос о том, кто может выступать в роли второго участника общественных отношений?

На наш взгляд, в этом качестве, в зависимости от формы религиозных объединений, могут выступать граждане, осуществляющие право на свободу совести и свободу вероисповедания, а также их объединения и государство в лице уполномоченных органов.

Отношения, возникающие между гражданами по поводу осуществления ими права на свободу совести и свободу вероисповедания, являются общественными с точки зрения права не только в смысле ст.148 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания. Постановка данного вопроса возможна и в смысле ст.239 УК РФ при характеристике деятельности такого вида религиозных объединений, как религиозная группа.

В соответствии со ст.7 Закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" под религиозной группой понимается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации. Закон не устанавливает даже обязательности уведомления государственных органов или органов местного самоуправления о начале деятельности данного вида религиозных объединений. Подобное уведомление осуществляется по инициативе и исключительно по желанию участников религиозной группы и име-

ет значение юридического факта, так как именно с момента уведомления органов местного самоуправления о создании и (или) начале деятельности группы начинается исчисление 15-летнего срока, по истечении которого религиозная группа может быть преобразована в организацию.

Таким образом, отношения в религиозной группе существуют между гражданами и лишь при определенных правовыми актами условиях они существуют между гражданами - участниками религиозной группы, и органами государственной власти либо органами местного самоуправления. Примерами отношений с участием органов местного самоуправления могут служить нормы Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" (статьи 4, 6-9, 11-я и т.д.).

Отношения между гражданами, реализующими свои права в религиозной сфере, и объединениями таких граждан могут возникать в случае, предусмотренном, например, п.5 ст.4 закона "О свободе совести и о религиозных объединениях", согласно которому религиозное объединение самостоятельно устанавливает свою иерархическую структуру, а также выбирает, назначает и заменяет свой персонал [7].

Исходя из этого, можно определить, что в качестве субъектов общественного отношения в анализируемом составе выступают граждане, осуществляющие право на свободу совести и свободу вероисповедания либо граждане, осуществляющие право на свободу совести и свободу вероисповедания, с одной стороны, и государство в лице уполномоченных органов (органов государственной власти или органов местного самоуправления) - с другой.

По поводу содержания общественного отношения следует указать, что под ней понимается связь между субъектами, участниками общественных отношений, причем связь реальная, объективно существующая, но характеризующая "ненормальное" отношение к чему-либо [8]. Из смысла ст.239 УК РФ можно установить, что "ненормальной" будет связь между субъектами, характеризующая несоблюдение права на свободу совести и свободу вероисповедания, выражающееся в применении насилия к гражданам, ином причинении вреда их здоровью либо в побуждении граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или совершении иных противоправных действий.

Таким образом, под объектом преступления, предусмотренного ст.239 УК РФ, можно понимать общественные отношения между гражданами, осуществляющими право на свободу совести и свободу вероисповедания либо гражданами, осуществляющими право на свободу совести

и свободу вероисповедания, с одной стороны и органами государственной власти и местного самоуправления - с другой, в сфере деятельности в соответствии с нормами права религиозных объединений по поводу реализации права на объединение, а также свободы совести и свободы вероисповедания.

Определив круг общественных отношений, регулируемых исследуемой частью ст.239 УК РФ, а также то, что включается в состав отношений в качестве содержания и участников, необходимо обратиться к характеристике понятия предмета преступления.

Если следовать точке зрения, согласно которой предметом признается все, что указано в составе, то предметом преступления в исследуемой части ст.239 УК РФ будет объединение, посягающее на личность и права граждан. Это неверно, так как посягательство, воздействуя на предмет, тем самым воздействует и на общественные отношения. В случае же признания в качестве предмета преступления объединения получается, что действия преступников направлены на объединение, посягающее на личность и права граждан, и лишь посредством воздействия на данный предмет происходит нарушение общественных отношений, складывающихся в сфере деятельности в соответствии с нормами права религиозных объединений. Но субъект преступного деяния воздействует не на объединение, посягающее на личность и права граждан. Напротив, он посягает на действующее в соответствии с нормами права, "позитивное" религиозное объединение и лишь в процессе своей деятельности изменяет сущность религиозного объединения, превращая его из действующего в соответствии с нормами права в осуществляющее или намеревающееся осуществлять в процессе своего функционирования противоправные действия.

Кроме того, если, соглашаясь с А.И. Санталовым, в качестве содержания общественного отношения мы определяем как "ненормальное" отношение к чему-либо, то предметом преступления является позитив, общепризнанные социальные, духовные блага, ценности.

Исходя из этого, под предметом преступления, предусматривающего уголовную ответственность за организацию религиозных объединений, посягающих на личность и права граждан, необходимо понимать осуществление права на создание, руководство и участие в деятельности религиозного объединения, а равно пропаганду как особую форму участия в деятельности объединения, совершаемого в соответствии с требованиями правовых норм. Данное понятие одновременно и отражает специфику объекта преступного посягательства и характеризует

сущность общественного отношения, охраняемого ст.239 УК РФ.

Вместе с тем на уровне непосредственного объекта преступления принято делить объект на основной и дополнительный. Последний, в свою очередь, делится на необходимый (обязательный) и факультативный. Деление объектов на виды на уровне непосредственного обусловлено необходимостью "...среди нескольких непосредственных объектов, одновременно нарушаемых преступлением, различать основной, дополнительный и факультативный объекты уголовно-правовой охраны" [9]. При этом под основным объектом понимается общественное отношение, на охрану которого непосредственно направлено существование данной нормы. То есть это то общественное отношение, которое "...законодатель, создавая данную норму, в первую очередь стремился поставить под охрану уголовного закона" [10].

Под дополнительным необходимым (обязательным) объектом уголовно-правовой защиты понимается общественное отношение, которому в ходе преступления также всегда причиняется вред, но по сравнению с основным в данной норме они признаются дополняющими картину преступления, второстепенными. Тем не менее причинение вреда данным общественным отношениям является обязательным критерием наступления уголовной ответственности, и без нарушения данных отношений нельзя говорить о совершении преступного посягательства. Данный объект защищается лишь попутно, "...поскольку эти отношения неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной объект" [11].

Под факультативным в свою очередь понимаются общественные отношения, которые могут нарушаться при посягательстве, а могут и не нарушаться. Нарушение в процессе совершения преступления этих отношений не влияет на наступление уголовной ответственности, а влияет на квалификацию действий виновного и, как следствие, на размер наказания.

Мнение Е.А. Фролова о том, что наличие факультативного объекта "влияет лишь на индивидуализацию наказания, но не меняет квалификации содеянного" [12] представляется ошибочным, так как нарушение в процессе посягательства на основной объект других, охраняемых с помощью уголовно-правовых норм, отношений не должно выпадать из сферы правового регулирования. Деяниями, совершаемыми в процессе функционирования религиозного объединения, может причиняться вред другим, не названным в диспозиции статьи, охраняемым отношениям.

При организации религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан, в качестве основного непосредственного объекта будут выступать, как уже указывалось, общественные отношения, связанные с реализацией гражданами в соответствии с законодательством права на объединение, а также свободы совести и свободы вероисповедания в сфере деятельности, в соответствии с нормами права, религиозных объединений.

В качестве дополнительного объекта преступления могут выступать иные обозначенные в составе общественные отношения. К числу таких, на основе диспозиции ст.239 Уголовного кодекса Российской Федерации, относятся:

- общественные отношения, связанные с охраной жизни и здоровья граждан;
- общественные отношения, связанные со свободным осуществлением гражданами своих гражданских обязанностей.

Как верно заметил Р.Р. Галиакбаров [13], эти общественные отношения страдают наряду с непосредственным объектом.

В качестве дополнительного объекта, на наш взгляд, следует рассматривать также и общественные отношения, связанные с реализацией гражданами своих прав. Существующая редакция ст.239 УК РФ не содержит указания на охрану данных общественных отношений, что является неверным и существенно затрудняет применение указанной нормы.

В случае признания в качестве основного объекта отношений, связанных с соблюдением общественной безопасности, а в качестве дополнительного – общественных отношений, связанных с реализацией гражданских прав и свобод, мы будем вынуждены также признать, что интересы общества обладают приоритетом по отношению к правам и свободам человека. Но такое положение противоречит положениям, закрепленным в Конституции, согласно которым человек, его права и интересы являются высшей ценностью в государстве.

Относительно факультативного объекта исследуемого уголовно наказуемого деяния необходимо отметить, что в качестве такового могут выступать общественные отношения, связанные с существованием общественной безопасности, охраной здоровья населения и общественной нравственности, соблюдением половой свободы и половой неприкосновенности, свободы, чести и достоинства личности, осуществлением в соответствии с правовыми нормами семейных отношений, а также иные общественные отношения, которые могут нарушаться совершением в процессе деятельности религиозного объединения противоправных деяний. Уголовно-правовая

оценка таких деяний будет проведена по совокупности преступлений.

-
- [1] Никифоров Б.С. Объект преступления. М., 1960. С.130.
 - [2] Там же. С. 122-123 (см. также: Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступления. Волгоград, 1976. С.51, 53; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С.119 и др.).
 - [3] Кравцов С.Ф. Предмет преступления. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Ленинград, 1976. С. 3, 16.
 - [4] Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Ленинград, 1979. С. 46.
 - [5] Уголовное право. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1994. С.115.
 - [6] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №39. Ст.4465.
 - [7] Там же. См. также статьи 6, 10, 13, 14, 16 и др.
 - [8] Санталов А.И. Общественные отношения и преступление // Вестник ЛГУ. 1974. №7. С.129.
 - [9] Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.24.
 - [10] Там же.
 - [11] Там же. С.25.
 - [12] Там же.
 - [13] Галиакбаров Р.Р. Уголовная ответственность за посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Омск, 1980. С.11.

РОЛЬ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Д. Лахин

*Омский государственный университет, кафедра уголовного права,
644077, Омск, пр.Мира, 55-А*

Получена 3 марта 2001 г.

The employees of organs realizing operative-searching activity, ensuring a guard of legal interests of the citizens, should execute requests of the criminal code of Russian Federation.

Правовую основу оперативно-розыскной деятельности (ОРД) составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности", другие нормативные акты, среди которых особое место занимает Уголовный кодекс РФ.

Закон об ОРД, перечисляя в ст. 2 стоящие перед ней задачи, первой называет выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Дефиниция преступления, содержащаяся в ст. 14 УК РФ, определяет материальные признаки данного понятия. Уже поэтому можно сказать, что Уголовный кодекс, в Especialной части которого перечислены признаваемые преступления деяния, является базовым законодательным актом для оперативно-розыскной деятельности.

Ст. 7 Закона об ОРД дает перечень оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. В п. 1 ч. 1 говорится о возбужденном уголовном деле, что само по себе предполагает наличие признаков состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом.

В п. 2 ч. 1 данной статьи указывается, что основанием могут быть ставшие известными органам, осуществляющим ОРД, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Конституционный Суд РФ в определении от

14 июля 1998 г. по делу "О проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И.Г. Черновой дает следующее толкование термина "противоправное деяние": "Под противоправным деянием рассматриваемый Федеральный закон подразумевает лишь уголовно-наказуемое деяние, то есть преступление" [1].

Перечисляя условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи. Закон об ОРД в ч. 3 ст. 8 указывает, что в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого преступления, допускается их проведение без судебного решения с обязательным уведомлением суда в течение 24 часов. Законодатель, используя термин "тяжкое преступление", отсылает к ст. 15 УК, устанавливающей категории преступлений.

Это положение подлежит расширительному толкованию и должно быть распространено также на особо тяжкие преступления, отличающиеся от тяжких повышенной степенью общественной опасности. Указанный факт следует отнести к недостаткам юридической техники и объяснить его тем, что Закон об ОРД был принят раньше, чем Уголовный кодекс РФ.

Таким же образом следует понимать и толковать ч. 6 ст. 8 закона об ОРД, в которой указано: "Проведение оперативного эксперимен-

та допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших". Сотрудники органов, осуществляющих ОРД, решая вопрос о проведении оперативного эксперимента, все свои действия должны приводить в соответствие с положениями УК, определяющими категории преступлений.

Вступление в силу Уголовного кодекса РФ 1 января 1997 г. выявило и другие несоответствия уголовного законодательства и некоторых положений Закона об ОРД. Часть 4 ст. 18 Закона указывает: "Лицо из числа преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным способом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации".

Принимая во внимание, что перечень оснований освобождения от уголовной ответственности содержится в главе 11 УК, а уголовное право является единственной материальной отраслью права, регулирующей данные отношения, ссылку законодателя на "законодательство Российской Федерации" следует толковать ограничительно.

Законодатель с целью повышения эффективности борьбы с преступностью допустил привлечение на сторону органов, осуществляющих ОРД, некоторых членов преступных групп. Указанные лица при выполнении определенных условий должны быть освобождены от уголовной ответственности за уже совершенные преступления.

Несоответствие некоторых положений Закона об ОРД Уголовному кодексу РФ проявляется в следующем:

Во-первых, в УК нет понятия "член преступной группы". Ст. 35 УК включает четыре формы соучастия, к которым относятся:

- а) совершение преступления группой лиц;
- б) группой лиц по предварительному сговору;
- г) преступным сообществом (преступной организацией), но при их описании термин "преступная группа" не используется.

Любую группу лиц, совершающих преступление в соучастии, следует считать преступной, а любое лицо в этом случае является членом преступной группы.

Во-вторых, выражение "противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий" в УК также не встречается. Уже было сказано о том,

что "противоправное деяние" следует понимать как преступление, но неопределенность при толковании выражения "не повлекших тяжких последствий" затрудняет применение данной статьи на практике. В комментарии к Уголовному кодексу РФ под редакцией профессора А.В. Наумова говорится: "Тяжкие последствия чаще всего сопутствуют совершению тяжких и особо тяжких преступлений: умышленного убийства, изнасилования, хищения в крупном или особо крупном размере и т.п." [2].

По поводу возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, привлеченных к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, и активно способствовавших раскрытию преступлений, в юридической литературе высказываются различные мнения. В комментарии к Закону об ОРД под редакцией профессора В.В. Николюка указывается: "Способствование раскрытию преступления членом преступной группы охватывается ч. 1 ст. 75 УК и является разновидностью деятельного раскаяния, на эти случаи распространяется процессуальный порядок прекращения уголовных дел, установленный ст. 7 УПК" [3].

Подобное мнение изложено в комментарии под редакцией профессора П.Г. Пономарева. Там, в частности, указывается: "Данная норма допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием" [4].

Сравним обсуждаемые правовые нормы:

Часть 1 ст. 75 УК РФ в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусматривает:

- а) преступление совершено впервые, то есть в первый раз, либо не в первый раз, но судимость за ранее совершенное погашена или снята, или истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности;
- б) преступление относится к категории небольшой тяжести.

Таковыми признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы.

Отсутствие хотя бы одного из этих оснований исключает применение данной правовой нормы.

Кроме указанных оснований, необходимы следующие условия:

- а) лицо, совершившее преступление, добровольно явилось с повинной. Явка с повинной должна быть только добровольной, выражаться в чистосердечном раскаянии, полном признании вины и осуждении преступного поведения, а также в даче правдивых показаний не только о соб-

ственной преступной деятельности, но и о преступлениях, совершенных другими лицами;

б) способствовало раскрытию преступления.

Способствование выражается в предоставлении органам предварительного расследования той информации, которой они ранее не располагали;

в) возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления.

Возмещение ущерба выражается в возвращении похищенного имущества, в предоставлении потерпевшему других ценностей взамен утраченных, в иной форме компенсации вреда. Иной способ заглаживания вреда состоит в принесении потерпевшему извинения, оказание материальной или физической помощи в устранении причиненного вреда.

Совокупность перечисленных требований дает право правоприменителю решить вопрос о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием.

Часть 4 ст. 18 Закона об ОРД предполагает не право правоприменителя, а его обязанность освободить от уголовной ответственности лицо, являющееся:

а) членом преступной группы;

б) субъектом противоправного деяния, не повлекшего тяжких последствий.

Отсутствие хотя бы одного из указанных оснований исключает применение данной правовой нормы.

Далее следует описание необходимых условий поведения лица, которое:

а) привлечено к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД (может быть приравнено к добровольной явке с повинной);

б) активно способствовало раскрытию преступлений;

в) возместило нанесенный ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Основания применения сравниваемых правовых норм не совпадают, из чего следует, что для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности лица, привлеченного к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, наличие оснований обязательно в полном объеме. Такое мнение можно встретить в юридической литературе [5].

В случае совершения лицом из числа членов преступной группы преступления впервые, небольшой тяжести и будучи привлеченным к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, а также при наличии других условий, указанных в ч. 1 ст. 75 УК, оно должно быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Если указанное лицо совершит преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое, то при наличии условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК, оно должно быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Если указанное лицо совершит преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое, то при наличии условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК, оно может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК, то есть в соответствии с ч. 2 ст. 75 УК. Это относится к тем составам преступлений, которые имеют специальные примечания.

Законодатель, видимо, полагал, что в новый Уголовный кодекс будет включена статья, которая бы соответствовала ч. 4 ст. 18 указанного Закона. Этого не произошло. Возникшая ситуация убедительно показала особое место Уголовного кодекса РФ в правовой основе оперативно-розыскной деятельности.

Обнаружившиеся противоречия должны быть устранены путем внесения изменений в законодательные акты. Не случайно ни одна страна СНГ и Балтии не внесла в свои законодательные акты об оперативно-розыскной деятельности правовую норму, аналогичную содержащейся в ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД Российской Федерации, надо полагать, по причине отсутствия соответствующей правовой нормы в уголовном законодательстве.

[1] Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. 6. С. 10.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. проф. А.В. Наумова. М.: Юристъ, 1996. С. 170.

[3] Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности": Научно-практический комментарий / Под ред. проф. В.В. Николюка. Омск: ОЮИ МВД России, 1999. № 6. С. 158.

[4] Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности": Комментарий / Под ред. проф. П.Г. Пономарева. М., 1997. С. 517.

[5] Алипперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. 1999. № 5. С. 17.

ОДИН ИЗ ПОДХОДОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ В ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОМ ИНСТИТУТЕ

И.В. Бабичева, А.И. Бокарев

*Омский танковый инженерный институт,
научно-исследовательский отдел
644098, Омск, военный городок, 14*

Получена 9 февраля 2001 г.

Some approaches to realization of the professional direction of the intersubjects ties in the Military Engineering Institute have been considered in this article. The suggestions on the profilisation of the basic course of the higher mathematics have also been grounded.

Совершенствование подготовки специалиста - традиционная задача высшей школы. На ее решение направлена научная, учебная и методическая работа высших учебных заведений. Новая государственная политика в сфере высшего образования нашла отражение во многих нормативных документах. Несмотря на проводимые преобразования в высшей школе, следует признать о наличии в ней на сегодняшний день ряда противоречий в подготовке специалиста, в основном обусловленных недооценкой профессиональной направленности межпредметных связей (МПС). Так, например, в ряде вузов инженерного профиля прослеживается недостаточная востребованность математического аппарата специальными дисциплинами. Устранение указанного несоответствия посредством обеспечения профессиональной направленности МПС математики и специальных дисциплин и составили проблему нашего исследования.

Целью настоящей работы является обоснование оптимальных форм и методов организации военно-прикладной направленности математической подготовки в военных вузах.

Обратимся к анализу литературы по проблеме исследования. Система МПС в высшем профессиональном образовании изучена значительно слабее, чем в школьном, но это направление в отечественной педагогической науке быстро развивается [1]. В 80-90-е годы появились монографии В.К. Кириллова, А.И. Еремкина, В.Н.

Келбакиани; защищен ряд диссертаций. Объектом исследования преимущественно была подготовка учителя (А.И. Еремкин, В.М. Монахов, Г.И. Саранцев, Г.Г. Хамов, Г.Н. Некрасова и др.) и инженера (Г.Г. Броневицкий, В.П. Рысев, Ю.В. Васильев и др.). В диссертационных работах З. Бахадировой [2], Н.Д. Коваленко [3] исследуется проблема реализации профессиональной направленности МПС при отборе содержания для учебных дисциплин, диссертационные работы Р.П. Петровой [4], С.В. Гостева [5], Р.А. Исакова [6] содержат методическое обоснование отбора форм и методов, используемых при организации профессионально направленной математической подготовки в вузах разного профиля. Однако проведенный анализ литературы показал отсутствие достаточной методической проработки очерченной нами проблемы.

В статье [7], на наш взгляд, обосновывается один из подходов к реализации профессиональной направленности МПС математики и специальных дисциплин в военно-инженерном вузе. Он заключается в организации дополнительных занятий (факультатива) по математике на старших курсах по использованию современных математических методов, применяемых на этапах курсового и дипломного проектирования. Однако существуют и другие подходы к решению проблемы. Так, замысел предлагаемого ниже подхода заключается в модернизации математической подготовки с целью ее профилизации, исходя

из содержания специальных дисциплин военного вуза. Вопросы такой профилизации на примере химических дисциплин рассматривались авторами статьи [8]. Возьмем за основу предлагаемую ими методику.

Вначале был проведен анализ нормативной документации, относящейся к подготовке военных инженеров по разным специальностям и квалификациям. Стандарты [9,10], ориентированные на подготовку военных инженеров, имеют недостаточно выраженную профессиональную направленность математической подготовки. В них лишь оговариваются возможности решения задач на материале общепрофессиональных и специальных дисциплин, но сами задачи не охарактеризованы. Учебные программы и типовые планы, составленные на основе принятых стандартов, дублируют данный недостаток. Перед преподавателем математики встает достаточно сложная задача, заключающаяся в эффективном подборе таких задач.

Для оценки современного состояния математической подготовки специалистов ряда военных и гражданских инженерных вузов был организован опрос ведущих специалистов. Опрашивались как преподаватели математики, так и преподаватели специальных дисциплин - преподаватели Рязанского военного автомобильного института, Челябинского военного автомобильного института, Омского танкового инженерного института (ОТИИ), Сибирской автомобильно-дорожной академии, Омского государственного университета путей сообщения.

При всей противоречивости точек зрения респондентов на необходимое и достаточное содержание математической подготовки военных инженеров, из методических материалов и пожеланий можно сделать следующие выводы:

- большинство опрошенных не удовлетворены направленностью и результатами математической подготовки, осуществляемой в инженерных вузах;
- профилизация курса высшей математики представляется им актуальной и своевременной;
- овладение прикладным математическим аппаратом является, по мнению опрошенных, важнейшей целью преподавания курса высшей математики, но не единственной его целью;
- опрошенные считают возможным и желательным расширение математической подготовки путем изменения курса ВМ и/или введения дополнительных курсов математической направленности.

Для выявления и конкретизации межпредметных связей общепрофессиональных, специальных дисциплин и курса ВМ в ОТИИ была проведена совместная работа преподавателей

указанных циклов дисциплин. Совместно анализировались учебная программа, тематические планы, содержание учебных пособий и учебников, типология задач и упражнений. В результате совместной работы был выявлен и систематизирован материал, предполагающий применение математических методов в решении той или иной инженерной проблемы. Данный материал послужил основой к определению необходимых изменений в учебной программе и типовом плане по ВМ.

С целью дальнейшего определения необходимого и достаточного объема математической подготовки был проведен анализ модели специалиста - выпускника ОТИИ - в соответствии с возможными видами деятельности. ГОС ВПО содержит одинаковые требования ко всем видам профессиональной деятельности: научно-исследовательской, производственно-управленческой, организационно-технологической, экспертной и консультативной. Нехватка математических знаний наиболее ощутима будет для тех, кто предполагает связать свою деятельность с наукой. Для этой категории будущих специалистов в ОТИИ был организован математический факультатив с целью углубленного изучения математических методов исследований, речь о которых велась в статье [7], издано учебное пособие по основным направлениям исследовательской работы для самостоятельного изучения курсантами [11].

При определении основных изменений в учебной программе ОТИИ была также учтена проблема реализации ГОС ВПО в военном учебном заведении. Согласно закону РФ "О воинской обязанности и военной службе", каждый выпускник учебного заведения за время учебы должен получить как гражданскую специальность, отвечающую всем требованиям ГОС, так и военную. Например, ОТИИ готовит специалистов по гражданской специальности 150300 - многоцелевые гусеничные и колесные машины, по военной специальности 420100 - организация эксплуатации и ремонта базовых машин бронетанковой техники. Таким образом, военный вуз, готовя специалистов по двум смежным специальностям, должен решить две задачи: с одной стороны, уложиться в пятилетний срок обучения и обеспечить подготовку специалиста, не уступающую подготовке специалистов в гражданских вузах, придерживающихся одних ГОС, с другой - подготовить специалиста по военному профилю. Очерченная проблема в военных инженерных вузах решается за счет увеличения времени, выделяемого на изучение специальных дисциплин и сокращения бюджета в ремени, выделяемого ГОС ВПО на изучение других циклов дисциплин, в том числе и

ВМ.

Ввиду недостатка времени, некоторые вопросы программы в тематическом плане по ВМ, в лучшем случае, вынесены на самостоятельное изучение курсантами в рамках курсовой работы, либо исключены вообще. Например, тематический план не предусматривает изучение курсантами на учебных занятиях численных методов оптимизации и решения дифференциальных уравнений, хотя владение этими методами позволит курсанту на этапах курсового и дипломного проектирования решать инженерные проблемы на высоком научном уровне. С другой стороны, значительное место в программе занимает материал, необходимость в котором с точки зрения военного инженера сомнительна. Например, глубокое изучение разнообразных методов интегрирования, решение тактических задач с использованием аппарата теории игр, отработка навыка решения задачи линейного программирования симплекс-методом и др. Все это негативно отражается на отношении курсантов и преподавателей специальных кафедр к курсу ВМ.

Переходя к непосредственной корректировке курса ВМ в военно-инженерном вузе, мы по возможности старались учесть все выше изложенные особенности, пожелания респондентов, сохраняя при этом системный подход, учитывающий внутреннюю логику математики как науки, мировоззренческую и развивающую функции курса высшей математики, профессиональную направленность этого курса (профилизацию).

Результатом проведенного нами исследования стали предложения по усовершенствованию программы и тематического плана по ВМ в ОТИИ. Проект откорректированной программы был представлен для рассмотрения в главное автобронетанковое управление (ГАБТУ).

Итак, обозначим суть основных изменений, отличающих откорректированную программу от ныне действующей:

1. *Ориентация на математический аппарат, необходимый и достаточный для успешного освоения специальных дисциплин выпускающих кафедр.* В частности, это привело к исключению из программы базового курса ВМ раздела "Теория игр", некоторых подразделов "Линейного программирования" и т.д. Опрос преподавателей выпускающих кафедр показал, что этот материал, как правило, остается невостребованным. Увеличено внимание численным методам. Хотя сегодня все реальные расчеты проводятся с применением программных средств, специалист (в том числе военный инженер) должен понимать принципы, лежащие в основе соответствующих машинных расчетов, знать преимущества, недостатки и области применения тех или

иных численных методов. Вот почему численные методы, обозначенные в учебной программе, не должны исключаться из тематического плана по ВМ и в небольшом количестве должны быть рассмотрены на учебных занятиях.

2. *Предлагается объем раздела теория вероятностей и математическая статистика перенести в тематические планы из учебной программы без изменений.* Это вызвано тем, что многие технические процессы в военном деле носят вероятностный характер, для исследования которых требуется глубокое овладение вероятностно-статистическими методами (проверка статистических гипотез, построение регрессионных моделей и др.).

3. *В предлагаемой программе повышенное внимание уделяется математическому моделированию объектов управления и оптимизационным процессам, указаны конкретные задачи военно-инженерной направленности, решаемые с использованием тех или иных понятий и методов математики.* При этом в некоторых случаях выбор "военно-инженерного" приложения настолько очевиден и актуален, что его нельзя оставлять на усмотрение военного вуза и кафедры, а необходимо указать непосредственно в программе. Примерами могут быть "Задача определения оптимальных сроков профилактических замен технического устройства", "Задача оптимального резервирования", "Задача нахождения оптимальных параметров технологического процесса при проведении военно-технического эксперимента". Военно-инженерные приложения к соответствующим разделам математики можно было бы собрать в отдельный раздел программы. Тогда будут потеряны преимущества, связанные с постоянной привязкой математического материала к соответствующей предметной области, с усиленной мотивацией при изучении математики, с использованием межпредметных и межкафедральных связей.

4. Третье отличие усовершенствованной программы от ныне действующей заключается в том, что мы одновременно с базовым курсом высшей математики рекомендуем проведение математических факультативов, предусмотренных стандартом. Такие факультативы, речь о которых велась в статье [7], по нашему мнению, лучше давать после базового курса математики, то есть на 3-4-м курсах обучения. Таким образом, предварительный анализ возможных направлений в профилизации МПС показывает целесообразность их дальнейшего исследования с целью повышения эффективности образования. Однако практика вузов свидетельствует, что наиболее оптимальным является направ-

вление по модернизации математической подготовки в соответствии с одержанием специальных дисциплин.

[11] Бабичева И.В. Военно-инженерные задачи исследования операций: Уч. пособие. Омск: Изд-во ОТИИ, 2000. 128 с.

-
- [1] Еремкин А.И. Система межпредметных связей в высшей школе (аспект подготовки учителя). Харьков: Вища школа, 1984, 188 с.
- [2] Бахадирова З. Профессиональная направленность общеобразовательной подготовки студентов (на примере изучения физики в технических вузах): Дис... канд. пед. наук (13.00.01). Ташкент, 1990. 240 с.
- [3] Коваленко Н.Д. Методы реализации принципа профессиональной направленности при отборе и построении содержания общеобразовательных предметов в высшей школе: Дис... канд. пед. наук (13.00.01). Томск, 1995. 158 с.
- [4] Петрова Р.П. Систематизация форм реализации межпредметных связей при формировании у студентов вуза научных понятий: Автореф. дис... канд. пед. наук (13.00.01). Челябинск, 1993. 21 с.
- [5] Гостев С.В. Интегративный методический инструментарий для подготовки в области информатики и математики специалистов сельскохозяйственного профиля: Автореф. дис... канд. пед. наук (13.00.02). М., 1999. 18 с.
- [6] Исаков Р.А. Усиление профессиональной направленности преподавания математики в вузах сельскохозяйственного профиля. Автореф. дис... канд. пед. наук (13.00.02). Ташкент, 1991. 17 с.
- [7] Бабичева И.В. Проблемы математического образования в современном военном вузе // Материалы научной конференции "Современное общество", посвященной 25-летию ОмГУ. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 168-169.
- [8] Вершинин В.И., Кукин Г.П. Межпредметные связи в высшей школе: связь содержания университетского курса высшей математики и общепрофессиональных (химических) дисциплин // Наука образования: Сборник. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 17. С. 241-250.
- [9] Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования: Требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 150300 - Многоцелевые гусеничные и колесные машины. Приказ МОПО РФ №686, 2000 г.
- [10] Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования: Требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 150200 - Автомобили и автомобильное хозяйство. Приказ МОПО РФ №686, 2000 г.

УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

З.М. Большакова

*Челябинский государственный педагогический университет, кафедра общей и специальной педагогике и психологии
454080, Челябинск, пр.Ленина, 69¹*

Получена 23 марта 2001 г.

The article deals with the following: mastering the professional activities of an educator is more successful in case the levels of its development are singled out and controlled.

Современные психологические и дидактические теории обучения рассматривают различные аспекты формирования у обучающихся интеллектуальных умений. Деятельностный подход к обучению предполагает наряду с овладением системой знаний, овладение метазнаниями. Эти идеи позволяют нам выделить самостоятельный второй этап формирования деятельности, сущность которой определяется специальной работой по усвоению студентами ее содержания и структуры.

Содержание сформированного умения раскрывается через содержательные операции педагогической деятельности по формированию умения определять цель и задачи урока.

Под структурой выполнения деятельности будем понимать расположение операций относительно друг друга. Нами реализована развивающая структура, которая определяется выделением содержания в обобщенном виде действий и операций по определению цели и задач учебного занятия.

Психология рассматривает деятельность как процесс, определяющий отношение человека к среде, характеризующийся присущей ему потребностью, мотивом. Структура деятельности оценивается с различных позиций. Так, с социально-психологической позиции структура любой деятельности представляется схемой: цель - мотив - способ - результат. Элементами деятельности являются действия, обеспечивающие

реализацию цели, и операции, соотнесенные со способом их выполнения. Принципиальным для управления процессом обучения является выделение таких структурных и функциональных частей действия, как ориентировочная основа – система операций. При описании действия через операции мы исходим из единства противоречивых моментов: одно и то же действие может осуществляться разными операциями, и одни и те же операции осуществляются в различных действиях. Данной обнаруженной закономерностью объясняем существование в практике обучения большого разнообразия различных учебных алгоритмов для выполнения, казалось бы, одной и той же деятельности. Принципиальное значение для организации учебной деятельности имеет понимание статуса выделенных элементов. С позиции системного подхода представляет интерес рассмотрение их функций именно в системе целого.

Выявляя психологический механизм формирования умения выполнять деятельность у будущих учителей, мы выделяем процессуальный компонент (цель, мотив, ОДЦ). В процессе формирования педагогического умения особую значимость имеет процесс оценки полученного результата у конкретной личности с поставленной целью. При этом в деятельности обучающегося возникают дополнительные цели, которые осуществляют корректировку реальных результатов. Усвоение процессуального компонента происходит через выделение, осознание содер-

¹e-mail: cspr@cspr.irc.ac.ru (для Тулькибаевой Н.Н.)

жательного компонента, самого знания. Процессуальный компонент выражает содержательные на более высоком уровне, на уровне метазнаний о знаниях и способах деятельности. Такое понимание позволяет нам описать педагогическую деятельность по определению цели и задач в виде определенным образом организованной системы действий и операций. Причем предметное и психологическое содержание их неоднородны.

Хотя нами выделена потребностно-мотивационная сфера, рассмотрено ее содержание и создана система заданий по ее формированию, все же она выступает только предпосылкой деятельности. Отсюда – возникновение деятельности и ее мотивов есть единый процесс. Предпосылкой развития мотива является интерес, который выступает одной из форм направленности личности. При этом интерес выступает проявлением состояния мотивов и целей. А.Н.Леонтьев для возбуждения интереса предлагает создать мотив и только затем открыть обучающимся возможность нахождения цели. Поэтому через формирование мотива педагогической деятельности можно формировать профессиональный интерес. По А.Н.Леонтьеву процесс возникновения новых мотивов и новых видов деятельности определяется формой сдвигов мотивов слагающих ее действий на цели, их осознание. Отсюда наше понимание: в результате процесса реализации принципа соединения теоретического обучения с реальной педагогической деятельностью студентов при условии целенаправленного формирования у них педагогического умения определять цель и задачи учебного занятия возникает мотив и формируется педагогическая деятельность.

При выявлении механизма формирования данного умения мы опирались на результаты экспериментальных исследований в психологии осознания того, что операции вначале проходят как действия. Со временем происходит свертывание операционного состава деятельности. Сам процесс формирования у будущих учителей деятельности определять цель и задачи учебного занятия нами оценивается как становление творческой личности учителя, что требует от студентов не только усвоения определенных методов и способов деятельности, происходит открытие новых средств. Творческая работа учителя осуществляется через реализацию синтеза стандартных и эвристических средств, т.е. овладение логическим и интуитивным мышлением. При этом, безусловно, исходим из эвристической природы творческих мыслительных процессов. Основой такого подхода являются процессы интериоризации и экстериоризации внешней деятельности во внутреннюю, изученные психологами Л.С. Выготским, П.Я. Гальпериным, Д.Б. Элькиным,

Ж. Пиаже и др.

В основу дидактической системы целенаправленного формирования мотивов и профессионально-педагогической деятельности определять цель и задачи учебного занятия положена возможность постепенного усвоения содержания и структуры педагогической деятельности, обеспечивающая формирование структуры творческого мышления. А творческое мышление формируется в условиях организации самостоятельной работы по решению дидактических задач средствами проблемного обучения, реализация современных (нетрадиционных) методов.

Операционная сторона творческого мышления учителя формируется только в условиях, приближенных к процессу соединения теоретического обучения и практической деятельности учителя.

Процесс целенаправленного формирования умения опирается на ориентировочную основу самой профессиональной деятельности педагога, которая отражает как содержание конкретной педагогической деятельности, так и средства ее наглядного представления. Наши исследования, опыт педагогической деятельности показывают, что невладение учителями ООД приводит чаще всего к использованию ими в основном метода проб и ошибок реализации эмпирического и формального подхода при определении цели и задач учебного занятия.

Оценивая трудности, с которыми сталкиваются студенты и учителя при реализации данного умения, нами выделены следующие основные направления:

- решение данной проблемы на теоретическом уровне, т.е. выделение самой операционной структуры ООД по определению цели и задач;
- изучение характера и функций отдельных операций и действий, что позволяет провести их классификацию в основном на два типа (осуществляющие процесс и управляющие им);
- установление последовательности усвоения отдельных элементов ООД, уровней сформированности и принципиальных этапов формирования умения определять цель и задачи.

На основе анализа научной литературы, результатов анкетирования учителей и экспериментальной работы со студентами нами выделены уровни сформированности профессионально-педагогической деятельности по определению цели и задач учебного занятия. Рассмотрим их содержание:

- на нулевом уровне студенты не различают категории "цель" и "задачи" занятия, в их понимании эти категории тождественны;
- на низком уровне процесс формулирования выполняется с помощью методической литерату-

ры, действия студентов несамостоятельны;

- на среднем уровне студенты, в основном, формулируют цель и задачи отдельных конкретных учебных занятий самостоятельно;

- на высоком уровне студенты при определении цели и задачи учебного занятия действуют нестереотипно, продумывают различные варианты, видят роль и место конкретного занятия в раскрытии целей и задач всей темы, курса.

Каждый уровень сформированности деятельности по определению целей и задач учебного занятия характеризуется следующими признаками:

- понимание категорий "цель" и "задачи" учебного занятия как идентификация;
- выделение функций задач;
- самостоятельность в определении цели и задач учебного занятия;
- выделение целей и задач учителя и ученика;
- иерархичность построения целей и задач;
- вариативность определения целей и задач занятия;
- учет особенностей содержания учебного материала и закономерностей его усвоения и процесса обучения (выделения главного);
- зависимость деятельности учащихся от организации;
- развитие каждого ребенка с учетом его индивидуальных особенностей;
- анализ нормативных документов и методической литературы.

При создании педагогической системы, обеспечивающей процесс становления профессионально-педагогической деятельности у студентов педвузов, была создана педагогическая концепция, определившая методологические основания построения такой системы. К основным идеям системы становления профессионально-педагогической деятельности мы относим: формирование педагогической культуры; развитие различных компонентов мышления, обеспечивающих дедуктивное и индуктивное мышление учащихся; выделение принципов развития и ответственности как основы создания системы знаний и развития структур сознания. Механизмом усвоения деятельности выступает движение сознания через развитие общего, дифференциацию единого и частного.

Сформированность у студентов определенного действия или конкретной деятельности проявляется в конкретном педагогическом умении. Педагогические умения - это конечные результаты целенаправленного становления профессионально-педагогической деятельности. Путь ее становления задается нами - движением от общего к частному. Ориентировочная основа действия выступает необходимым условием созда-

ния конкретного на основе знания общего.

Среди всей совокупности конкретных умений мы выделяем особое умение - умение определять цель и задачи учебного занятия. Целеполагание является основой профессиональной деятельности педагога.

УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Л.В. Трубайчук

*Челябинский государственный педагогический университет,
Центр личностно ориентированного и развивающего обучения
454080, Челябинск, пр.Ленина, 69¹*

Получена 23 марта 2001 г.

The article deals with considering a child's personality in connection with his activities. This connection provides the development of all the main psychic features and views of life.

В настоящее время впервые в истории начального образования России мы наблюдаем кардинальное изменение целей обучения, где на первый план выдвигается развивающая функция обучения, в большой степени обеспечивающая становление личности младшего школьника и развитие его индивидуальных способностей, особенностей. Необходимость повысить развивающую и воспитывающую функции обучения привела к существенным изменениям в формировании учебной деятельности, так как процессы обучения и воспитания не сами по себе непосредственно развивают ребенка, а лишь когда имеют деятельностные формы и обладают соответствующим содержанием. Между обучением и психическим развитием человека всегда стоит его деятельность.

Философский словарь дает следующее понятие деятельности: "объяснительный принцип научного познания, требующий объяснить человеческий мир как мир деятельности" [9].

Категория деятельности позволяет описывать, объяснять и проектировать различные предметы, явления и события реальной жизни. В исследованиях Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Э.В. Ильенкова, А.Н. Леонтьева, Н.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна, Г.П. Щедровицкого и других ученых представлена достаточно полная и стройная система знаний о деятельности. Ученые считают, что, прежде всего, в структуре деятельности не-

обходимо выделить ее "субъективную" и "объективную" составляющие [2; 5; 6; 10].

В контексте проведенного исследования мы считаем, что компонентами субъективной части деятельности являются потребности, мотивы, интериоризированные средства и способности индивида к осуществлению цели. Компонентами объективной составляющей деятельности являются исходный материал преобразований, средств, действия и операции с исходным материалом, а также конечный продукт деятельности. Связь субъективной и объективной составляющих деятельности осуществляется посредством задачи, которая принадлежит обоим составляющим (цель принадлежит субъективной, а условия реализации – объективной).

Способ деятельности интегрирует обе составляющие деятельности в целостность, а не выступает "как система операций, осуществляемых над исходным объектом для получения требуемого результата" [2].

Одна из принципиальных особенностей подхода отечественной психологии к пониманию сущности личности и движущих сил ее развития – то, что личность рассматривается в неразрывной связи с деятельностью. При этом личность младшего школьника понимается нами как совокупность интегрированных в ней социально значимых черт, образовавшихся в прямом и косвенном взаимодействии данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения.

Исходя из вышесказанного, мы рассматрива-

¹e-mail: cspi@cspi.urfu.ac.ru (для Тулькибаевой Н.Н.)

ем личность младшего школьника как активный субъект деятельности, включенный в сложную систему полусубъектных, "субъект-субъектных" и "субъект-объектных" отношений, поскольку индивид в своем развитии испытывает и социально обусловленную потребность "быть личностью", то есть полагать себя в жизнедеятельности других людей, продолжая свое существование в них, обнаруживает "способность быть личностью", реализуемую в социально значимой деятельности [5]. Личность развивается в деятельности, в условиях социализации индивида и целенаправленного воспитания.

Ученые в соответствии со своими концепциями дают различные понятия учебной деятельности. Приведем лишь несколько таких определений.

В.А. Крутецкий: "Учебная деятельность - это деятельность, направленная на приобретение знаний, умений и навыков, необходимых для широкого образования и последующей трудовой деятельности" [4].

А.В. Петровский: "Учебная деятельность - это приобретение опыта в деятельности, направленной познавательными мотивами и целями" [7].

Д.Б. Эльконин: "Учебная деятельность - это деятельность, сознательно направленная учеником на осуществление целей обучения и воспитания, воспринимаемых им в качестве своих личностных целей" [11].

В.В. Давыдов: "Учебная деятельность - это особая форма активности ребенка, направленная на изменение себя как субъекта обучения" [2].

На наш взгляд, определения, данные В.А. Крутецким и А.В. Петровским, недостаточно полно раскрывают сущность учебной деятельности. Они указывают лишь на одну сторону этого понятия, закладывая в основу учебной деятельности приобретение знаний, умений, навыков, опыта.

В определении, данном Д.Б. Элькониним, подчеркивается направленность учебной деятельности на формирование личности ребенка.

Е.Н. Кабанова-Меллер при определении учебной деятельности исходит из концепции обобщенных приемов учебной работы и умственного развития учащихся:

"Учебная деятельность, как известно, реализуется в решении учащимися учебных задач (в широком понимании этого термина), разных по характеру, сложности и т. д. Мы даем трактовку учебной деятельности - ее структуры и закономерностей, - основываясь на нашем понимании умственного развития и развивающего обучения". Она называет основные компоненты учебной деятельности учащихся:

1. Овладение системными знаниями и оперирование ими.

2. Овладение системами обобщенных и более частных приемов (способов) учебной работы, путями их переноса и путями их нахождения.

3. Становление целеполагания и мотивов в процессе овладения учащимися знаниями и приемами. Под целеполаганием (т.е. постановку целей самими учащимися) психологи понимают мотивационную сторону учебной деятельности - становление потребности в учении, сознательность отношения, познавательность интересов.

4. Владение системой обобщенного способа управления своей учебной деятельностью [8].

Но, по нашему мнению, В.В. Давыдов более точно раскрывает это понятие, подчеркивая направленность учебной деятельности на развитие и изменение ученика как субъекта обучения, что отвечает целям современного начального образования, построенного на личностно ориентированном подходе [2].

Учебная деятельность младшего школьника, по мнению В.В. Давыдова и его последователей, "строится" в соответствии со способами изложения научных знаний и восхождения от абстрактного к конкретному [1]. Тогда мышление школьников в процессе учебной деятельности будет иметь нечто общее с мышлением ученых, излагающих результаты своих исследований посредством содержательных абстракций в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

Однако мышление учащихся нельзя отождествлять с мышлением ученых. Дети не создают понятий, образов, ценностей, а *присваивают* их посредством учебной деятельности. Но в процессе ее выполнения они осуществляют мыслительные действия, адекватные тем, посредством которых исторически выработались эти продукты духовной культуры.

Большой интерес представляет содержательная характеристика учебной деятельности, данная Ю.К. Бабанским. Он вводит понятие "проектирование процесса обучения" и выделяет его "шаги". Характеристика учебной деятельности дается автором в требованиях к "шагу": обеспечить в единстве как содержательные, так и деятельностные характеристики процесса обучения; реализовать деятельность учителя и ученика не как рядоположение, а как "дидактическое взаимодействие", предусмотреть не просто реакцию ученика на педагога, но и самостоятельность; обеспечить руководящую роль учителя в разной форме, но на всех этапах процесса от начала до завершения в пределах каждого цикла управляемого взаимодействия.

Учебная деятельность реализуется посредством выполнения учащимися соответствующих

действий. Первоначальной формой учебных действий является их развернутое выполнение на внешне представленных объектах.

Деятельностный подход к рассмотрению процесса усвоения детьми продуктов культуры связан с утверждением, что главным условием полноценной реализации этого процесса является "...формирование тех действий, которые образуют его действующую основу и которые всегда должны активно строиться у ребенка окружающими" [2].

Предметные учебные действия позволяют преобразовать объект так, что в нем обнаруживается некоторое отношение, имеющее для изучаемого объекта всеобщий характер. Учащиеся выявляют то отношение объекта, которое затем становится содержанием понятия об этом объекте.

Следует отметить, что формальное усвоение школьниками понятий – чаще всего следствие их усвоения в словесно-символическом плане без определения их содержания посредством предметных учебных действий.

Наиболее эффективным средством преодоления формализма знаний является выполнение учащимися *предметных* учебных действий, раскрывающих *происхождение* этих знаний. Например, учащимся дается задание: понаблюдайте за словами ЗАЕХАТЬ, ПРИЕХАТЬ, ДОЕХАТЬ, ПОЕХАТЬ, ПЕРЕЕХАТЬ, ПРОЕХАТЬ и подумайте, какая часть слова меняет его значение? Что можно узнать по изменению окончаний глагола? Как меняет смысл слова суффикс?

Подведем итог рассмотрения содержания учебной деятельности младшего школьника:

1. С учебной деятельностью связана школьная жизнь детей.

2. Благодаря учебной деятельности учащиеся усваивают теоретические знания как высший продукт духовной культуры людей, сложившийся в наиболее развитых формах общественного сознания.

3. Теоретическое знание – своеобразное изучение научных понятий, моральных ценностей, правовых норм – тесно связано с определенными мыслительными операциями, посредством которых они были созданы, а затем воспроизводятся в индивидуальном сознании школьников путем восхождения их мысли от абстрактного к конкретному. Усвоение теоретических знаний школьниками является сокращенным воспроизведением их реального сознания в истории культуры. Учебная же деятельность является формой такого воспроизведения.

4. Учебная деятельность не должна пониматься как проявление лишь интеллектуально-познавательной активности детей. Эта деятель-

ность – "момент целостной и полнокровной жизни ребенка в школьный период развития. Взаимосвязь учебной деятельности с другими видами деятельности детей служит психологической основой единства и неразрывности их обучения и воспитания" [2].

Известно, что анализ любого вида деятельности предполагает вычленение и описание взаимосвязи соответствующих ей структурных компонентов: потребностей, мотивов, задач, действий и операций.

Таким образом, дети воспроизводят реальный процесс создания людьми понятий, норм, ценностей. Поэтому обучение в школе по всем предметам необходимо строить так, чтобы оно, как писал Э.В. Ильенков, "в сжатой, сокращенной форме воспроизводило действительный исторический процесс рождения развития знаний" [3]. При этом знания являются не самоцелью, а средством развития и становления личности младшего школьника.

-
- [1] Давыдов В.В. Проблемы воспитания и обучения подрастающего поколения // Вопросы психологии. 1977. №5. С. 28-37.
 - [2] Давыдов В.В. Содержание и строение учебной деятельности школьников // Психологические проблемы процесса обучения младших школьников. М., 1978. 204 с.
 - [3] Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить // Народное образование. 1964. №1. С. 13-25.
 - [4] Крутецкий В.А. Педагогические способности как профессионально значимые качества личности в системе формирования социально активной личности учителя. М.: МГПИ, 1983. С.36-46.
 - [5] Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. Т. 1. 287 с.
 - [6] Лозинг В.Р. Начало теории построения практики развивающего обучения. Кемерово, 1981. 91 с.
 - [7] Петровский А.В. Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1997. 268 с.
 - [8] Психология развивающейся личности // Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1987. 240 с.
 - [9] Философский словарь / Под ред. И.Г. Фролова. М.: Политическая литература, 1996. 589 с.
 - [10] Эльконин Д.Б. Интеллектуальные возможности младших школьников и содержание обучения. М.: Педагогика, 1966. 140 с.
 - [11] Эльконин Д.Б. Психологические условия развивающего обучения // Обучение и развитие младших школьников. М.: Просвещение, 1970. 302 с.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

Н.Н. Тулькибаева

Челябинский государственный педагогический университет, кафедра педагогики
454080, Челябинск, пр.Ленина, 69¹

Получена 23 марта 2001 г.

The article deals with the possibility of expanding the solving system based on the example of learning the way how to do it.

При рассмотрении задачи как системы выделены две подсистемы: задачная и решающая. Каждую из них, имеющую различные функции, можно рассматривать в виде сложной динамической системы. Задачная система определяется содержанием задачи: условием и требованием. В сформулированной задаче между элементами задачной системы обязательно существуют определенные отношения, и хотя наличие их определено самим содержанием задачи, конкретную форму этого отношения необходимо установить ученику. Найденная форма позволяет обучающемуся найти путь решения.

Функциональная основа, с помощью которой обнаруживаются отношения, – знания и умение использовать их в конкретной ситуации. Но применение обобщенных знаний для решения конкретной задачи происходит более успешно в случае, когда учащийся освоит операционную сторону установления отношений между частями ее содержания. Эта сторона деятельности раскрывается на основе осознанного применения в процессе решения системы его методов, способов и средств. Они могут быть соотнесены с оператором задачи. Процесс обучения решению предусматривает овладение знаниями содержания задачной и решающей систем, четкое представление структуры процесса решения. Отсюда – важность организации специальной работы по усвоению учащимися конкретных методов, способов и средств решения задачи.

В теории и практике обучения четкое разделение методов и способов решения учебных задач отсутствует, при этом одно понятие подменяет-

ся другим. Данные понятия нами различаются, определено содержание каждого из них. Уточнение определения названных понятий обеспечивает сознательное решение учебных задач, применение освоенных теоретических положений и приобретенных умений для решения различных видов. Если же под такими задачами будем понимать познавательные, т.е. те, содержание и процесс решения которых способствуют обогащению учащихся новыми знаниями и способами деятельности, то понимание метода в решении задач определяет путь достижения определенных результатов через мыслительный процесс. Результатом его являются новые знания. В качестве аппарата данного процесса выступают логические действия. Способ их осуществления есть логические приемы, в первую очередь такие, как анализ и синтез. От них зависит направление мыслительных действий, а следовательно, и выбор методов решения учебных задач (аналитический, синтетический и аналитико-синтетический). Метод решения определяет стратегию процесса. Аппарат, осуществляющий получение связи между требованием и условием, сближающий их, назовем способом решения задачи.

Наряду с логическими, нами выделяются математический и экспериментальный способы. Точнее, следовало бы говорить только о логическом. Математический оперирует законами математической логики, экспериментальный есть логический способ, который в процессе объяснения явлений на некотором этапе его восприятия использует эксперимент. Эксперимент является элементом, составным звеном логического способа, позволяющим наглядно представить некоторые сведения, отдельные элементы умозаключе-

¹e-mail: cspi@cspi.urg.ac.ru (для Тулькибаевой Н.Н.)

чений и сочетать законы мышления с особенностями учебного предмета. Физика - наука экспериментальная. Специфика учебного предмета, отражающего суть соответствующей науки, находит отражение в методах учебного познания. Экспериментом может быть задана одна из посылок (частных) или показана суть в выводном знании.

Структура экспериментального способа решения физических задач предусматривает:

1. Выделение экспериментально (наглядно) заданной ситуации (явления, состояния тела).

2. Определение содержания, значения физических параметров в этой ситуации.

3. Сведение экспериментально заданной задачи к логической или вычислительной задаче. Экспериментальные задачи по роли эксперимента в заданной системе могут быть квалифицированы на несколько типов.

Если курс физики в какой-то степени формирует у учащихся экспериментальный способ решения задач, то с законами и формами мышления как с логическими категориями они не знакомятся. Поэтому большие сложности возникают в решении логических задач, которое основывается на умении построения доказательного утверждения.

При решении качественных или логических задач используют логический способ. Усматривая основное назначение таких задач в формировании с их помощью научных понятий, можно принять определенную их классификацию относительно роли, которая принадлежит им в формировании понятий у учащихся: задачи на объяснение явления, предсказание, выделение общих черт и существенных различий конкретных явлений в количественном отношении, определение области применения и наблюдения явления, систематизация и классификация понятий, объяснение сущности приемов и способов деятельности, применяемых на практике. Основное назначение названной классификации – изучение различных сторон явлений природы, позволяющее понять их сущность, выделить причины возникновения и ожидаемые следствия происходящего.

Умозаключения отличаются друг от друга формой связи в них мыслей, поэтому с помощью умозаключений можно приобрести новые знания о предметах и явлениях. Логика выделяет три основных формы связи мыслей в умозаключении: дедукцию, индукцию и аналогию.

Дедукция (выведение) обеспечивает получение нового знания на основе построения двух посылок: общей, выделяющей класс предметов с определенным свойством; частной, утверждающей некоторые знания об одном из предметов выделенного класса. Новое знание заключается

в том, что рассматриваемый предмет в частной посылке обладает указанным свойством.

Индукция (наведение) позволяет с помощью знаний об единичных предметах получить общее знание.

Аналогия в процессе анализа сходных предметов дает возможность перенести свойства (признаки) одного предмета на другие, сходные с первым.

Логические задачи определяются как тип задач, выделяемых по способу решения. Что же представляет собой логический способ? Под ним следует понимать логическую форму, позволяющую разрешить требование задачи. Логика как наука определяет логические формы через структуру рассуждений.

Проведенный анализ качественных задач курса физики 7-8-го классов дает основание определить способ их решения, в основном через дедуктивную форму умозаключений. Поскольку задачи по своему содержанию представляют собой такие, основным требованием которых является определение причин явления, рассматриваемое понятие подводится под понятие ближайшего рода. Вследствие сложности других видов причинно-следственных связей в школьном курсе физики применяется только один вид связей, обеспечивающий выделение причины протекающего явления.

Рассмотрим структуру логической формы связи мыслей в дедуктивном плане, выделим структурные элементы физической ситуации логической задачи, решаемой дедуктивно, и определим структуру логического способа решения задач по физике в 7-8-м классах.

Элементы логической структуры формы связи мыслей в умозаключении выделены логикой: знание обо всем классе предметов (общие знания), некоторые знания об одном предмете данного класса и новые явления, определяющие все знания о предмете, принадлежащем к указанному классу.

Теоретический анализ ситуации конкретных логических задач позволил выделить такие структурные элементы: в условии задачи описана конкретная ситуация, в требовании ее определенным образом указана область расширения знаний о явлении. Процесс решения должен обеспечить поиск того класса предметов (явлений), в который входит заданное явление как видовое понятие.

Математический аппарат широко используется учениками в решении учебных задач. Он позволяет функционально выразить зависимость между физическими величинами, описывающую закономерность природы. Законы, как правило, записываются в аналитической форме.

Условие и требование задачи описываются научными понятиями. Если же школьники предполагают и аналитической записью закономерностей между величинами через те же понятия, то процесс решения, предполагающий получение отношения между требованием и условием, становится очевиднее. Если же соответствие между понятиями задачи и записью уравнения отсутствуют, то возникает обязательный, дополнительный начальный этап процесса решения в перекодировании условия и даже требования задачи. Так, задачи по кинематике формулируются через оперирование понятиями скорости, перемещения, ускорения. Уравнения кинематики, изучаемые учащимися в данном разделе, записываются через координаты и проекции векторов скорости и ускорения, которые предполагают также использование определенного способа решения (координатного).

Расширение объема понятия решающей системы происходит за счет овладения учащимися новыми средствами, методами и способами решения физических задач. К таким средствам мы относим использование номограмм, анализа размерностей в решении.

Математический аппарат как способ решения реализуется только через конкретные способы: алгебраический, геометрический, графический и др.

Структура алгебраического способа решения физических задач:

1. Определение уравнения (или системы уравнений), аналитически описывающего предмет задачи.
2. Запись дополнительных уравнений, если записанного уравнения (или системы уравнений) для получения соотношения между условием и требованием задачи недостаточно.
3. Решение уравнения (или системы уравнений) относительно неизвестного.

Графический способ решения выделяется как самостоятельный. При изучении курса математики учащиеся строили некоторые графики, они знают, что функциональные зависимости между величинами могут быть представлены графически. В процессе решения физических задач приходится оперировать конкретными величинами (графики пути и скорости прямолинейного равномерного движения, графическая зависимость силы электрического тока от напряжения). При этом график может выступать средством задания условия задачи, а также дополнительных отношений. В то же время любая графическая зависимость (интерпретация) описывает сам процесс: процесс механического, теплового, электрического движения. Отдельные точки графика соответствуют определенным его состояниям. Фи-

зические задачи описывают, как правило, определенный процесс через рассмотрение двух состояний.

Структура графического способа решения исходит из понимания графика как формы выражения существующей между величинами зависимости. Наряду с такой формой известны табличная и аналитическая. Первую будем понимать как промежуточную между аналитической и графической формами, переводящей аналитическую в графическую, и наоборот. Первоначальной из названных форм является аналитическая. Поэтому основу графического способа решения составляет понимание учащимися процесса перевода аналитически заданной формы зависимости между величинами в графическую форму выражения зависимости между теми же величинами. Отметим основные элементы этого процесса:

- выделение аналитической формы зависимости между величинами, которая должна быть представлена графически (например, $S = Vt$);
- определение в выделенной и аналитически представленной зависимости независимой и зависимой переменных величин;
- превращение аналитической формы записи зависимости в табличную (задание нескольких значений для независимой переменной);
- выбор координатных осей. За абсцису (ось Ox) принимается, как правило, независимая переменная, за ординату (ось Oy) – зависимая переменная;
- превращение табличной формы выражения зависимости в графическую (нахождение точек, отражающих последовательность состояний, и по ним графической формы выражения зависимости).

Процесс познания реального мира осуществляется различными методами. Часто решение той или иной задачи не может быть выполнено из-за непреодолимости математических трудностей. Может случиться и так, что обучающиеся не овладели математической постановкой задачи. На данном этапе познания принципиальную роль играют экспериментальные методы исследования, обеспечивающие установление простейших опытных фактов. Обнаруженные опытные факты являются основой открытия законов, записанных в виде функциональных (математических) соотношений. Правильной постановке эксперимента, обеспечивающей установление функциональной зависимости между существенными признаками явления, должен предшествовать качественный анализ. Эту функцию осуществляют теории размерности и подобия [1-3].

Наиболее значимые методы науки превращаются в методы учебного познания. С методологи-

ческих позиций метод размерностей определим, с одной стороны, как частный метод познания закономерностей реального мира, с другой - как источник разработки новых методов и теорий (например, теории моделирования).

В учебном познании анализ размерностей может быть использован как один из способов для восстановления в памяти забытых формул, оказывающий мнемическую помощь обучаемым, способствующий выявлению алгебраических ошибок. Оценивая анализ размерностей как метод решения учебных задач по физике, выделим область его применения:

* вывод формул на основе логического подхода, обеспечивающего получение функциональной зависимости между физическими величинами. При этом данный метод выступает дополнением к математическому анализу явлений;

* нахождение коэффициента пересчета при переходе от одной системы единиц к другой;

* оценка постановки возможных вариантов эксперимента, обеспечивающих получение нужной информации.

Структура метода размерностей физических величин при выводе формул такова:

1. Анализ условия задачи с целью выделения искомой величины, заданных величин, определенных условий и ограничений.

Например: Задача. Найти ускорение точки, движущейся по окружности с постоянной скоростью [3, с. 52].

Ускорение материальной точки, движущейся по окружности, определяется скоростью движения и радиусом окружности: $a = f(V, r)$.

2. Составление на основе теории размерностей исходного выражения, определяющего функциональную зависимость искомой величины от заданных в виде степенного одночлена. Представим эту зависимость в таком виде:

$$a = kV^x r^y.$$

3. Подстановка формулы размерности переменных величин и исключение k на основе приравнивания показателей:

$$LT^{-2} = (LT^{-1})^x L^y$$

при $L: 1 = x + y$; при $T: -2 = -x$. Откуда: $x = 2, y = -1$.

4. Запись исходного выражения с найденными значениями показателей степеней:

$$a = k \frac{V^2}{r}.$$

5. Определение численного значения искомой физической величины, если этого требует условие задачи.

-
- [1] Кирпичев М.В. Теория подобия. М.: Наука, 1957. 87 с.
 [2] Седов Л.И. Методы подобия в механике. М.: Наука, 1981. 447 с.
 [3] Хантли Г. Анализ размерностей. М.: Мир, 1970. 175 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензия на кн.: Рыженко В.Г. Культура Западной Сибири: история и современность. Методическое пособие. Омск: ОмГАУ, 2000, 86 с.

Эта небольшая брошюра известного историка русской (советской) культуры раскрывает состояние проблем современной регионалистики и на опыте преподавания автором названного курса дает теоретическое воплощение этих идей в учебном курсе. В этом контексте важное место приобретают современные концепции глобальных процессов регионализации и конкретно процессы, включающие в сферу своего воздействия Сибирь вообще и Западную Сибирь, в частности. Эти реалии нынешней действительности делают остро актуальной постановку подобных учебных курсов. В современной жизни для специализации профиля, особенно прикладных специальностей, культурологическое образование крайне необходимо. Без учета культурообразующего фактора агропромышленного комплекса страны возможен тупик в развитии огромных регионов, что усиливает и без того сильные техногенные разрушительные процессы.

Вот почему можно приветствовать постановку подобных курсов в учебных комплексах естественно-научных специальностей, но и особенно публикацию методических пособий, подобных обсуждаемому.

Большое центральное место занимает раздел "Программа курса", в котором, помимо вводной темы, определяющей основное направление курса, содержится много конкретных тем, составляющих курс: формирование культурного пространства в Западной Сибири, начиная с дорусского периода до современности.

С задачей через ряд разделов прослеживается идея регионального подхода к истории культуры. Исторический материал Сибири, и в частности Западной Сибири, дает большие возможности под таким углом зрения рассматривать состояние культуры страны в целом.

Лекционные темы сопровождаются системой семинаров и практикумов, которые предметно конкретизируют теоретические разделы курса обращением к реальной бытовой сфере человека: окружающий внешний мир, несущий культурные традиции,

семейные архивы, карты семейной памяти, музеи, библиотеки и комплекс всех факторов, способствующих формированию и проявлению Духа Моста.

Уверены, что пользующиеся этим пособием студенты и преподаватели могут с успехом находить нужные рекомендации при изучении любой темы.

Особо надо обратить внимание на то, что подобного содержания курс в негуманитарном вузе – редкость; автор курса сделал все необходимое для того, чтобы он и по содержанию, и по методической направленности был интересен и занимателен, но главное полезен будущим специалистам, обучающимся в конкретных условиях Омского государственного аграрного университета.

Самостоятельное значение имеет раздел "Вспомогательный словарь ключевых понятий и терминов", в котором автор излагает основные методологические позиции курса через понятия и термины. Методически это оправдано и вместе с тем очень органично входит в общую систему курса. Можно, правда, в некоторых случаях оспорить определения автора, но это не является нашей задачей, ибо основная направленность этого раздела у нас не вызывает каких-либо возражений.

В пособии содержится обширный список литературы, в том числе научных конференций. Это совершенно необходимый раздел подобных изданий, но нам представляется, что этот список должен быть доработан в том смысле, что необходимо было выделить обязательную, первоочередную литературу. В том виде, как он дан в настоящем издании он выглядит очень громоздко и может в известной мере дезориентировать слушателя при самостоятельной работе.

Уместны, на наш взгляд, и список экзаменационных вопросов по курсу, и рекомендации, и требования к выполнению творческих заданий. Они должны более предметно ориентировать студента в процессе этого интересного содержательного и крайне полезного учебного курса.

В.И. Матющенко,
доктор историч. наук

Ученые обсуждают проблемы культурного наследия русских сибиряков

Проблемы истории и культуры народов, населяющих территорию Западной Сибири, привлекают внимание ученых давно. Невозможно однозначно оценить культурное наследие сибирских татар, хантов и манси, ненцев и селькупов, русских старожилов-сибиряков. Для определения состояния, уровня сохранности, степени изученности, понимания особенностей культуры коренных народов западносибирского региона и был задуман в Тобольске научный симпозиум. В 1998 г. состоялся I Сибирский симпозиум, в центре внимания которого были вопросы, касающиеся истории и культуры сибирских татар. В 1999 г. симпозиум изучал культурологические проблемы хантов и манси. 11-13 декабря 2000 г. проходила работа III Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы". Его учредителями выступили Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Комитет по культуре департамента по делам культуры, молодежи и спорта Администрации Тюменской области, Главное управление культуры Администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Соорганизаторами этого научного форума явились Комитет по координации научных исследований Ямало-Ненецкого автономного округа, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Главное управление общего и профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа, Администрация г. Тобольска, Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И.Менделеева. Организации и проведению симпозиума способствовала финансовая поддержка многочисленных спонсоров. В симпозиуме приняли участие историки, этнографы, археологи, филологи, архитекторы, работники культуры и образования из Екатеринбурга, Казани, Москвы, Нефтеюганска, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Тобольска, Томска, Тюмени и других городов Российской Федерации. К началу работы симпозиума был издан сборник его материалов, содержащий 179 тезисов докладов [1].

На открытии симпозиума со вступительным словом выступил председатель оргкомитета, заместитель директора по научной работе Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника А.В.Нескоров, который подвел итоги работы II Сибирского симпозиума и определил цель и задачи, стоящие перед Тобольским музеем-заповедником. Главная, по его мнению, цель - это "единение (объединение) людей через понимание истории, культуры, природы и человека в разнообразных по форме и содержанию процессах общения". Далее прозвучали выступления представителей Администрации Тюменской области, дирекции Тобольского музея-заповедника и спонсоров с поздравлениями и пожеланиями успехов в предстоящей работе форума. Проректор по научной работе Тобольского педагогического университета А.В.Свинтер поздравил

Тобольский музей-заповедник со 130-летием и отметил, что Тобольск становится своеобразной Меккой, местом паломничества для ученых Сибири.

Доклады пленарного заседания были посвящены различным культурно-историческим проблемам русских Сибири. В.А.Могильников (Москва) в докладе "К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI-XV веках" на основе археологических материалов рассмотрел русско-угорские военные, политические, торгово-обменные и даннические контакты, постарался раскрыть степень воздействия более передовой русской культуры на культуру аборигенного населения. Доклад А.В.Головнева (Екатеринбург) "Верхняя Русь и освоение севера Евразии: разлад истории и историографии" был посвящен опровержению официально-историографической точки зрения на второстепенную роль Верхней (Ладожско-Новгородской) Руси в развитии русской истории и культуры. Автор доклада обратил внимание не только на особенности культуры южной и северной групп восточных славян, но и на их "причастность к различным культурно-генетическим очагам: евразийско-степному и североевропейскому". По его мнению, "в противоборстве Новгорода и Москвы столкнулись не державные и удельные интересы, а различные культурно-исторические традиции - собственно русская (сохраненная новгородцами) и монголо-ордынская (на которой выросла Москва)". В своем выступлении Ш.Ф.Мухамедьяров (Москва) призвал тщательно изучать проблему "географического фактора" как прелюдии на пути цивилизации России в связи с присоединением (завоеванием) Сибири и заселением ее русскими". Проблемы сохранения источниковой базы для изучения культуры сибиряков были освещены в докладе Е.И.Дергачевой-Скоп и В.Н.Алексеева (Новосибирск) "Общинные библиотеки крестьянских старообрядческих миров Сибири XVIII - начала XX веков и их роль в сохранении традиционной духовной культуры".

Далее работа симпозиума проходила по различным направлениям. Первая сессия (председатель А.В.Головнев) была посвящена взаимоотношениям русских, тюрков и уральцев. Историк из Екатеринбурга Н.В.Федорова, проанализировав письменные и археологические источники, пришла к выводу, что появление русских воинов и торговцев в районах Нижнего Приобья до середины XIV в. "в источниках никоим образом не отразилось и говорить о каких-то серьезных контактах новгородцев и зауральской Югры не приходится". С интересом отнеслись участники симпозиума к докладу Е.В.Переваловой (Екатеринбург) о "русских" в представлениях обских угров и лесных ненцев.

На второй сессии под названием "Живая старина и история" (председатель А.Т.Шашков) докладами Е.Ф.Фурсовой (Новосибирск) и В.Л.Козловой (Тюмень) были затронуты вопросы праздничной обрядности русских сибиряков. Приемам предохранительной магии русских старожилов юга Западной Сибири в семейной и календарной обрядности, а также в повседневной жизни был посвящен доклад Т.Н.Золотовой (Омск). Большой интерес вызвало

выступление М.А. Жигуновой (Омск) на тему "Роль женщины в семье и сохранении народных традиций". Докладчица остановилась на полифункциональности образа русской женщины, сочетающего в себе хозяйственность, домовитость, умение воспитывать детей и активность в производственной сфере.

Сессия "Советское наследие" (председатель Г.Е. Корнилов) затронула вопросы, касающиеся сибирских спецпереселенцев (доклады Л.В. Алексева из Нижневартовска и К.А. Ощепкова из Яр-Сале), проблемы сохранения и социализации традиционной культуры русского населения Тюменской области (Н.В. Балюк, Тюмень), вопросы социальной структуры традиционного и современного крестьянского общества (В.Г. Истомина, Ишим) и другие. На четвертой сессии (председатель Е.В. Перевалова) звучали выступления о выдающихся личностях и коллективных портретах жителей отдельных местностей Западной Сибири. Описанию борьбы митрополита Игнатия Римского-Корсакова со староверческим движением в Сибири посвятил свой доклад А.Т. Шашков (Екатеринбург). Опыт использования генеалогического метода для изучения этнической истории русских сибиряков поделились омские этнографы М.Л. Бережнова и С.Н. Корусенко. Использование этого метода предполагает создание фонда семейных родословных, собранных в ходе экспедиционных работ и реконструированных по архивным источникам. Благодаря соединению двух видов источников удастся получить генеалогии семей, восходящие к XVIII веку. Генеалогические материалы могут быть использованы при изучении этнической истории и семейного быта русских, при анализе состава крестьянской семьи и сельской общины, при исследовании этнического самосознания, современного этнического и этносоциального состава населения.

Во время работы пятой сессии "Источники, методы, проекты" (председатель М.Л. Бережнова) возникла оживленная дискуссия при обсуждении доклада А.Г. Селезнева (Омск) на тему "Свет причуден и град велик": символическое осмысление Сибири в средневековом русском источнике". Рассмотрев текст, составленный безвестным новгородцем в XV столетии, автор поставил проблему истоков представлений о мифическом Великом граде на юге Сибири. Устойчивость образов и символов, связанных с этим мифологическим сюжетом в различных культурных традициях, позволила автору говорить о "мощном пласте представлений о "стране блаженных" на севере, которые возникли в рамках индо-иранской, а может быть, и в более архаичной мифологии".

Заинтересованно выслушали собравшиеся выступление Г.П. Визгалова (Нефтеюганск) о состоянии и перспективах изучения археологического памятника общесибирского значения Мангазеи. О российском законодательстве XVIII века как источнике по изучению процесса заселения Сибири рассказала И.В. Чернова (Томск). Проблему исследования тобольских изразцов затронул в своем выступлении А.В. Нескоров (Тобольск). Подробному описанию форпостов Ишимской укрепленной линии и реконструкции маршрутов передвижения рус-

ского населения Среднего Прииртышья посвятил свой доклад А.В. Матвеев (Омск). Омский археолог Л.В. Татаурова рассказала о раскопках русских поселений XVII - XVIII веков Бергамак I и Изюк I, изучение которых показало уровень развития материальной культуры русского населения Омского Прииртышья в данный период и поставило множество новых вопросов. С.С. Тихонов (Омск) в своем выступлении сопоставил данные археологических исследований русских деревень XVIII в. с описанием Г.Ф. Миллера и пришел к выводу о перспективности подобных сопоставлений при изучении истории Сибири.

Шестая сессия "Города. Архитектура. Музеи" (председатель А.П. Долнаков) была посвящена обсуждению судеб сибирских городов и проблемам реконструкции Тобольского кремля. Завершилась работа симпозиума работой круглого стола "Тобольск как уникальный центр культурного наследия русских старожилов Западной Сибири: проблемы изучения, сохранения и использования".

Организаторы симпозиума предложили гостям г. Тобольска интересную культурную программу. Участники научного форума смогли посетить Абалякский Свято-Знаменский мужской монастырь, славящийся своей Чудотворной иконой Божьей Матери "Знамение", интересную выставку "Русский коч" (судно для морского плавания) и богатую экспозицию Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

III Сибирский симпозиум прошел на высоком научном и организационном уровне. Была отмечена его актуальность и практическая значимость, а также необходимость дальнейшего изучения и сохранения культурного наследия русских старожилов Западной Сибири.

[1] Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" / Отв. ред. А.В. Головнев. Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 2000. 546 с.

Т.Н. Золотова

Международный научный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" как катализатор научных идей

15-18 сентября 2000 г. во Владивостоке был проведен семинар с таким названием, посвященный 100-летию со дня рождения А.П. Дульзона и 110-летию со дня рождения С.М. Широкогорова. Его организаторами были Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Омский государственный университет, Дальневосточный государственный технический университет, Сибирский филиал Российского института культурологии.

После организации предыдущих семинаров в Санкт-Петербурге и Москве это мероприятие для научно-поисковой археолого-этнографической группы Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Омского государственного университета под руководством доктора исторических наук Н.А. Томилова можно было бы считать рядовым, если бы не несколько факторов, сделавших этот семинар событием как для Омского научного центра, так и для дальневосточной исторической науки.

На первом месте при выборе места проведения следующего семинара стал "геополитический" фактор. Проведение семинара во Владивостоке позволяло напрямую установить контакты с научным потенциалом этого региона, провести апробацию концепций своих исследований на новых материалах, познакомиться с наработками местных ученых и, естественно, оставить руку на пульсе их исследований. В настоящее время у группы нет достаточной базы для разворачивания своих широкомасштабных исследований и, поэтому приходится работать "вширь" собирая все новые и новые материалы о разработках своих коллег. Это, пожалуй, единственно положительный фактор, но он перевесил все остальные. На втором месте стал финансовый фактор. Проведение семинара во Владивостоке потребовало значительных финансовых затрат, которые были бы совершенно лишними для собственных исследований. Проведение семинара поддержали Российский гуманитарный научный фонд (проект 00-01-14028 г.), Российский фонд фундаментальных исследований (проект 00-06-85067 г.), Федеральная целевая программа "Интеграция" (проекты Н 0054 и 586), а также Академия гуманитарных наук, Ассоциация антропологов и этнографов России, Дальневосточный государственный университет, научно-координационный совет по археологии и этнографии Сибири, Министерство образования РФ, Одесский государственный университет, Омское отделение Академии гуманитарных наук. Уже одна работа по аккумуляции этих средств заняла много времени у организаторов семинара.

Фактор времени. Уже после проведения семинара мы посчитали, что только на одну дорогу у нас ушло 10 дней. Если добавить законченные раньше обычного полевые работы, перенесение педагогических нагрузок, освобождение от любых других мероприятий, то станет понятно, что этот семинар потребовал значительной временной коррекции плана работ всей группы.

Организаторский фактор. Выступая организаторами настолько отдаленного в пространстве мероприятия, учитывая уровень связи у нас в стране, было очевидно, что это сторона деятельности также потребует известных усилий. Было ясно, что совместных рабочих совещаний с дальневосточными соорганизаторами семинара в процессе подготовки не будет, и была опасность определенных накладок и нестыковок в ходе самого мероприятия. К счастью, этого не случилось.

К семинару был издан том материалов, сообщений и тезисов докладов "Интеграция археологиче-

ских и этнографических исследований" (Владивосток-Омск, 2000).

В семинаре приняли участие ученые из Владивостока, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска, Хабаровска, Харбина (КНР). Всего было заслушано 36 докладов, еще 23 исследователя просили зачитать или объявить их доклады. Участники семинара ответили на многочисленные вопросы коллег, состоялось несколько дискуссий по разным проблемам археологии и этнографии.

В начале семинара прозвучала серия мемориальных докладов, посвященных С.М. Широкогорову, которые сделали Н.А. Кочешков (Владивосток) "Выдающийся этнограф России С.М. Широкогоров", А.М. Кузнецов (Владивосток) "Российский антрополог С.М. Широкогоров", А.М. Решетов (Санкт-Петербург) "С.М. Широкогоров и археология".

Доклад Л.М. Чицдиной (Томск) "А.П. Дульзон и томская археология" зачитала М.П. Черная. Интересные доклады, содержащие историографические сюжеты по этноархеологии прочли Д.Л. Бродянский (Владивосток) "Мифология и археология в трудах М.И. Никитиной" и А.М. Решетов (Санкт-Петербург) "В.А. Куфтин - выдающийся советский этноархеолог".

Серия докладов была посвящена теоретическим, методологическим и методическим проблемам археологии и этнографии: Н.А. Томилов (Омск) "Об этноархеологии как научном направлении российской науки", С.С. Тихонов (Омск) "Этнографо-археологический комплекс, археологический микрорайон и их сопоставление", Н.Н. Крадин (Владивосток) "Социальная структура кочевников Евразии: археологические интерпретации и этноисторические параллели", Е.Г. Федорова (Санкт-Петербург) "Орнамент: о возможностях интерпретации этнографических и археологических материалов" и другие.

В части докладов представлены результаты конкретных исследований и их методическое и методологическое обоснование: Д.В. Загоскин (Томск) "От "описательной" этнографии к "объясняющей" этнологии (к вопросу о теоретико-методологических взглядах Л.Н. Гумилева)", С.Ф. Татауров (Омск) "Поселения и могильники", Л.В. Татаурова, О.А. Скрипка (Омск) "К вопросу о методике моделирования этнографо-археологического комплекса", М.А. Корусенко (Омск) "Исторический фон в археолого-этнографических реконструкциях (апробация одного методического приема)", Ю.В. Аргудяева (Владивосток) "Метрические книги как источник по этнографии восточных славян на юге Дальнего Востока России", О.В. Дьякова (Владивосток) "Китай и пратунгусы", В.В. Подмаскин (Владивосток) "Народные игры аборигенов Нижнего Амура и Сахалина как историко-этнографический источник" и многие другие. Состоялось обсуждение ряда проблем археологии и этнографии. В частности, участники семинара обменялись мнениями по теоретическим и методологическим проблемам этноархеологии и интеграции археологии и этнографии. В обсуждении данной проблемы приняли участие Д.Л. Бродянский (Владивосток), С.Ф. Татауров (Омск), С.С. Тихонов

(Омск), С.В. Гусев (Москва), А.М. Решетов (Санкт-Петербург), Н.А. Томилов (Омск) и другие ученые.

Оживленный обмен мнениями вызвал доклад В.А. Тураева (Владивосток) "Традиционное природопользование на юге Дальнего Востока" (по данным археологических и этнографических источников). Высказывания участников семинара по этой проблеме были зачастую полярными: от мнений о бережном отношении коренных народов к природе до приведения фактов о сильнейшем нарушении ими экологии районов обитания.

Интересные факты были приведены Д.Л. Бродяским, А.В. Вареновым, О.С. Жищуховской и другими учеными о плейстоценовой керамике Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Гостеприимные хозяева организовали две экскурсии. Одна из них в Уссурийск, где было осмотрено Крайноярское городище, другая – на острова Попова, где ученые познакомились с работой сотрудников заповедника.

Подводя итог семинару, можно отметить следующее. На многих территориях России идет интенсивное исследование проблем интеграции археологии и этнографии. Восточная Сибирь и Дальний Восток не составляют исключения. Ученые восточных регионов страны представили 22 доклада. Территория, охватываемая докладчиками, простирается от Улан-Уде до Якутска и Южно-Сахалинска. Практически все коренные народы этих регионов оказались в фокусе исследований. Из представленных материалов можно сформировать целый том серии "Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума". Значение их для развития нашего направления поистине неопределимо. В 2001 г. семинар будет проходить на Северном Кавказе в г. Нальчике. Надеемся и оттуда ученые вернутся с таким же богатым "уловом".

С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов

Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Том II / Отв. редактор доктор исторических наук, профессор С.А. Пайчадзе. - Новосибирск: ГИИТБ СО РАН, 2001.

Исследование книжной культуры Сибири в историческом аспекте представляется значимым направлением развития отечественной науки о книге, поскольку, не имея представления о становлении традиции книгоиздания и книгораспространения в российских регионах, очень непросто разобраться в современном состоянии книжного дела и составить объективное мнение о перспективах его развития.

Представляется важным отметить в качестве безусловного достоинства рецензируемого коллективного труда общность исследовательских ориентиров его авторов. Это, по нашему мнению, позволило органично соединить в рамках этой публикации научный материал, раскрывающий особенности развития

книжного дела в разные исторические периоды в различных районах Сибири и Дальнего Востока и добиться столь важного для коллективного сочинения взаимодополнения разных по содержанию наполнению разделов и, в конечном счете, комплексно рассмотреть вопрос развития книжного дела на востоке нашей страны на переломном этапе ее развития - в эпоху трех русских революций. Поэтому данное исследование может быть воспринято не только как опыт анализа процесса развития регионального книжного дела, но и как попытка воссоздания посредством изучения книги того социального времени, через которое пришлось пройти на рубеже XIX и XX столетий ее читателю, мировоззренческие ориентиры которого не в последнюю очередь были сформированы через книгу.

Научные материалы, на основе которых подготовлено издание второго тома "Очерков", предоставили его авторам возможность широкого охвата историко-книжной проблематики, в частности, позволили рассмотреть такой важный вопрос, как состояние полиграфической базы в Сибири и на Дальнем Востоке, выявить наметившиеся здесь на рубеже XIX и XX вв. основные тенденции развития производства и распространения книжной продукции, в частности, в таких существенно важных аспектах, как книгоиздание, предпринимавшееся по инициативе частных лиц, политических партий (как легальных, так и нелегальных), представителей национальных меньшинств и различных религиозных конфессий. Также обращается внимание на проблему развития сети библиотек и книжной торговли. Отметим, что к освещению данных вопросов авторы "Очерков" стремятся подойти объективно, что позволило избежать искусственного исключения непопулярных в наши дни тем, связанных, к примеру, с ролью книги в истории революционного движения на востоке России.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что во втором томе рецензируемого исследования содержится ценнейший научный материал, направленный на преодоление мифа о том, что восточная часть Российской империи являлась культурной периферией. Авторам "Очерков" удалось убедительно продемонстрировать, что именно в рассматриваемую историческую эпоху стал очевиден рост интеллектуального потенциала русского Востока и культурного уровня его жителей. Вместе с тем авторы коллективной монографии указывают на тесную связь исторического опыта и современных реалий, что проявляется в стремлении не только использовать материалы "Очерков" в культурно-просветительной и пропагандистской работе по освещению исторического прошлого нашего общества, но и создать предпосылки для научно обоснованного рассмотрения и решения современных проблем в области развития книжного дела в сибирском и дальневосточном регионах.

Один из важнейших аспектов, привлекающий внимание авторов рецензируемого труда во многих его разделах, связан с раскрытием роли русской книги как инструмента создания очагов русской культуры в странах азиатско-тихоокеанского региона.

Авторы "Очерков" приходят к мотивированному выводу о том, что распространение русской книги в регионе имело огромное культурное значение как для русского, так и для других народов АТР, сыграв важную роль в создании условий для успешного развития политических и экономических связей России со странами Среднего и Дальнего Востока.

Характеризуя источниковую базу "Очерков" и сопоставляя этот труд с достижениями исследователей предшествующего периода, можно отметить, что рецензируемая публикация отличается безусловной содержательной новизной, поскольку исследование построено на использовании впервые вовлеченных в научный оборот источников, позволивших прийти к важным выводам по вопросам регионального книгоиздания и книгораспространения.

В связи со сказанным, работа, проделанная сотрудниками сектора книговедения ГПНТБ СО РАН и их коллегами из других исследовательских центров сибирского и дальневосточного региона, чьи материалы были использованы при подготовке публикации, представляется особенно важной и ценной. Следует отметить и тот факт, что в литературе, изданной в предыдущие годы, история книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке в качестве особой темы находила отражение лишь в отдельных публикациях дореволюционных авторов, а в наше время стала предметом многолетних научных изысканий прежде всего тех исследователей, которые вошли в авторский коллектив рецензируемого сочинения. Все это позволяет признать данное издание самым полным с содержательной точки зрения исследованием в заявленной области книговедения, трудом едва ли не энциклопедическим по своему характеру, который целесообразно было бы рекомендовать для использования в учреждениях, занимающихся пропагандой книжной культуры на востоке нашей страны.

В этой связи трудно переоценить работу, проводимую ГПНТБ СО РАН, направленную на организацию историко-книжных исследований в нашем регионе, особенно в последние годы.

Подготовка к изданию данной коллективной монографии во многом стала результатом многолетнего сотрудничества сибирских книговедов, что нашло отражение в проведении целого ряда конференций, публикациях сборников научных трудов, а также деятельности в ГПНТБ СО РАН аспирантуры по специальности "Книговедение", чьи выпускники внесли немалый вклад в реализацию данного исследовательского проекта. Резюмируя свой отзыв, мы можем отметить, что публикация второго тома "Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока", ставшая результатом труда профессионального коллектива ученых-книговедов, знаменует собой важную веху в истории отечественной науки о книге.

Д.В. Карнаухов,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Новосибирского педагогического университета

Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. I Международный семинар (Луганск, 10-12 октября 2000 г.)

10-12 октября 2000 г. в г. Луганске (Украина) состоялся Международный семинар "Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе". Он был проведен в рамках совместного проекта, в котором приняли участие преподаватели кафедры русского языкознания Луганского педагогического университета им. Т.Г. Шевченко (заведующий кафедрой - доктор филологических наук, профессор Л.Н. Синельникова), с одной стороны, и доктор философии Филипп Флури, сотрудник Женевского Центра политических и социальных исследований - с другой. В работе семинара участвовали ученые Одессы, Днепропетровска, Харькова, Симферополя, Омска, Луганска. Участников конференции приветствовал ректор Луганского педагогического университета В.С. Курило. Отмечу несколько отличительных особенностей семинара. Прежде всего, удачно обозначенная проблематика привлекла внимание философов, филологов, социологов, историков, культурологов, педагогов и даже сайентологов. Во-вторых, конференция была в полном смысле слова международной, на заседаниях и в кулуарах звучала английская, украинская и русская речь.

На пленарном заседании заслушаны и обсуждены доклады доктора философии сотрудника Женевского Центра политических и социальных исследований Филиппа Флури "Элементы теоретического освоения постсоветской жизни", доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом социолингвистики Института украинского языка АН Украины Леси Ставицкой "Социокультурные аспекты украинской жаргонологии", доктора филологических наук, профессора, зав. кафедрой русского языкознания ЛГПУ Л.Н. Синельниковой "Речь и действительность", кандидата философских наук, доцента, зав. кафедрой философии и социологии ЛГПУ И.Ф. Кононова "Этносоциальные и лингвоэтнические процессы в современной Украине" и доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Омского государственного университета Н.А. Кузьминой "Закономерности развития языка в постсоветский период в свете теории интертекста".

Отличительной особенностью всех этих докладов является то, что в них были намечены узловые проблемы, которые затем обсуждались на заседаниях секций и вокруг которых впоследствии развернулись дискуссии.

В своем докладе д-р Ф. Флури рассказал о том, как Запад, западные ученые представляют современный русский национальный характер в сравнении с американским. Соответствующие исследования проведены Дуайном Гохнером (Duane Goehner) и Ричмондом (Richmond) и опубликованы на их сайте в Интернете. Так, склонность к компромиссу харак-

терна для американцев, но не для русских, а вот дух сообщества, коллективизм (*communal spirit*) в большей степени присущ русским, что объясняется историей народа. Русская душа, русская натура может быть описана в таких терминах: чувствительная, мечтательная, творческая, сентиментальная, поэтическая, склонная к мистицизму, фатализму, к внезапной и немотивированной жестокости, с недоверием относящаяся к рациональным доводам. Докладчик анализирует западные мифы о постсоветской действительности и о русских, стремится выработать методологические принципы описания и понимания происходящего в современной России.

Доктор филолог. наук, проф. Леся Ставицкая предлагает отказаться от давлешего долгое время взгляда на жаргоны, как на болезнь языка, "запретный плод". По ее мнению, жаргонология является показателем социальной полноценности и самого языка, и степени свободы гуманитарной мысли, которая естественным образом зависит от духовной раскрепощенности общества, допускающего в принципе литературно-жаргонную диглоссию. Уровень развития жаргонологии можно считать знаком культурной зрелости общества, толерантного по отношению к альтернативному личностному или социально-групповому самовыражению. К сожалению, украинская жаргонология только начинает формироваться как наука, а между тем, по мысли докладчика, "в силу своей народно-разговорной основы украинский язык гораздо ближе, чем русский, стоит к субстандарту, а потому идеально гармонирует с жаргонными стилями общения". Леся Ставицкая информировала участников семинара о том, что в отделе социолингвистики Института украинского языка АН Украины готовится к изданию первый украиноязычный толковый словарь жаргонной лексики (проспект словаря опубликован в журнале "Слово і час" (2000, N 4).

Д-р фил. наук, проф. Л.Н. Синельникова обратила внимание присутствующих на отражение изменившейся действительности изменившимся сознанием и отражением этого процесса в современной речи. "Социальные опасности побуждают нас выговаривать свое сознание" - эта мысль немецкого философа О. Розенштока-Хюсси, высказанная в начале века, определяет, по мнению докладчика, существо связи между социальными и языковыми переменами нашего времени. Современная языковая ситуация видится ученому как процессуальное и динамическое обновление смысла, как время активной языковой игры, формирования новой метафорики, проявления иронического мышления в разнообразных формах непрямого говорения, время стилистического риска, освобождения от многих запретов в пользу критерия персональной мотивированности. Языковые новации конца XX века связаны не столько с глобальными преобразованиями системы, сколько с изменениями "по дискурсам", которые отражают персональную работу со смыслами, понятиями, определениями, оценками. Все это, как утверждает Л.Н. Синельникова, не дает оснований говорить о кризисе высказывания, напротив, сегодняшний хаос по су-

ти есть преддверие завтрашнего космоса. Мысль о постоянном переходе от беспорядка-хаоса к порядку и наоборот, совершающемся в интертексте как глобальном информационном универсуме, подсистемой которого является язык, звучала в докладе д-ра фил. наук проф. Н.А. Кузьминой. Автор продемонстрировал эвристический потенциал разрабатываемой им теории интертекста, приложимость ключевых теоретических понятий - энергия интертекста, имплицитная и эксплицитная составляющая энергии, резонанс, закон круговорота энергии в интертексте - к анализу закономерностей развития современного языка. Докладчик высказал мысль о том, что языковые процессы - классический пример так называемых немарковских процессов, т.е. процессов с памятью, включающих в себя предыдущую историю как частный случай. Память о прошлом способна менять взаимодействия в системе и доминировать над диссипацией структур. Иными словами, процессами развития управляет не только внешнее воздействие, но и память. По мнению Н.А. Кузьминой, лингвисты в силу постоянного внимания к истории языка всегда были и остаются своего рода стихийными немарковцами. В докладе получили новую интерпретацию такие языковые феномены, как "культурное беспамятство"/культурная память; усиление личностного начала в речи/поляризация информационного пространства; увеличение форм непрямого говорения/дифференциация и появление новых жанров фатического общения; усложнение смыслового континуума/упрощение системы языка и некоторые другие.

Доклад заведующего кафедрой философии и социологии ЛГПУ И.Ф. Кононова вызвал бурную реакцию присутствующих. Дело в том, что в нем обсуждались процессы украинизации власти и статус русского языка в Украине. [Замечу, что принятое и декларативно закрепленное сегодня "в Украине" вместо обычного "на Украине" не что иное, как попытка идеологизации грамматики: на Украине, по мысли создателей соответствующих циркуляров, ассоциируется с "на окраине" и оскорбляет национальную гордость]. Докладчик приводил данные социологических опросов, согласно которым носителями русского языка в Украине являются не только этнические русские, но и украинцы (приблизительно 33-34% взрослого населения), причем эта лингвоэтническая группа максимально представлена в Крыму и в Донбассе (47% украинцев Крыма признали русский язык родным). Все это, по мнению докладчика, свидетельствует о том, что в Украине русский язык нельзя считать языком национального меньшинства, а русские не являются таковыми. Культура Украины сложилась как диалогическая система между украинской и русской составляющей. Попытки силовыми методами украинизировать жизненное пространство будут иметь разрушительные последствия для страны. Как утверждает докладчик, реальное значение украинского языка должно быть повышено, но вовсе не путем создания зеркальной ситуации по отношению к советскому периоду - необходимо установление подлинного украинско-русского двуязычия, ибо только тогда может быть достиг-

нут исторический компромисс, способный превратить культурную гетерогенность Украины в источник ее развития. Последовавшая за докладами Л.Н. Синельниковой и И.Ф. Кононова ожесточенная полемика показала присутствующим, насколько сильны в современной Украине националистические тенденции, как остро стоит проблема достижения компромисса, толерантности по отношению к русской культуре, преодоления ксенофобии, о чем, собственно говоря, упоминал д-р Ф. Флури и в докладе, и выступая в дискуссии. Он рассказал о языковой ситуации в Швейцарии, где мирно уживаются 4 (!) государственных языка. На следующий день работали 2 секции: "Постсоветское общество в аспекте этнолингво-философских и педагогических проблем" и "Дискурсы постсоветской эпохи", на каждой из которых было сделано по 9 докладов.

Доклады первой секции были в основном посвящены актуальным вопросам украинской общественной жизни. Так, в докладе ректора ЛГПУ канд. ист. наук В.С. Курило рассматривалась проблема формирования регионального образовательного пространства в Украине, оценивались итоги и определялись перспективы такой работы. В.И. Ильченко, канд. пед. наук, докторант, доцент кафедры педагогики ЛГПУ посвятил свое выступление проблеме становления дисциплины, именуемой научно-религиозной, или сакральной, педагогикой. Человек в такой педагогике понимается не только как субъект творческой и благой деятельности, но и как существо священное, божественное, принадлежащее вечности. Сакральная педагогика, по мнению докладчика, комплексно вбирает в себя все те идеи и подходы, которые предупреждают и блокируют спектр антисоциального поведения молодежи. В.И. Ильченко ознакомил присутствующих с разработанной им в соавторстве с Л.Н. Синельниковой "Клятвой Учителя", принятие которой приведет к повышению нравственной ответственности учителя за исполнение своего профессионального долга. Мысль о необходимости формировать духовную культуру общества была продолжена в докладе И.М. Карпенко, канд. пед. наук, декана факультета иностранных языков ЛГПУ "Катарсическая теория формирования духовной культуры учащейся молодежи". Понимая катарсис как целостное, динамическое, насыщенное состояние личности, выражающее высшую степень ее духовной организации, докладчик предлагает понятие воспитательного катарсиса и анализирует пути и методы достижения катарсического эффекта.

В докладе А.С. Белых, канд. пед. наук, докторанта ЛГПУ, анализировалась картина мира как мировоззренческое понятие, "функциональный мировоззренческий продукт". "Региональные аспекты отношений украинского и русского языков (де-факто и де-юре)" - так назвала свой доклад канд. фил. наук, доцент Днепропетровского госуниверситета Т.Е. Воронина. Её доклад самым непосредственным образом перекликался с пленарным докладом И.Ф. Кононова, развивал и укреплял систему доказательств того, что Украина является поликультурным и полинаци-

ональным государством, что двуязычие - объективная реальность, без учета которой невозможно решение проблем языковой политики. Между тем центральные власти Украины проводят политику жесткой языковой унификации и, провозглашая де-юре равенство украинского и русского языков, де-факто стремятся вытеснить русский язык из всех сфер общения, свести его преимущественно к бытовой области. Так, из 1045 школ Днепропетровской области 75% уже украинские, в них русский язык включен в вариативную часть программы, а не в ее базовый компонент, его преподавание оплачивается из местных бюджетов. В 10% украинских школ русский язык вообще не преподается. На секции выступили также канд. филолог. наук Л.А. Манькова (Симферополь) с докладом "Стилистические особенности русскоязычных средств массовой коммуникации на постсоветском пространстве. Их роль в формировании общественного мнения и речевого поведения современников" и докторант кафедры теории коммуникации и философии Харьковского национального университета Г.Д. Панков с докладом "Чего можно ожидать от церкви". Секция 2 называлась "Дискурсы постсоветской эпохи" и в полном соответствии с названием участники стремились продемонстрировать "живую жизнь" современного языка. Известна мысль М.М. Бахтина о том, что любые рядом стоящие высказывания неизбежно вступают в диалогические отношения. Именно этот факт блестяще подтвердился в практике работы секции. Так, доклад доктора Ф. Флури "Толерантность средств массовой информации - путь общества к демократизации", в котором рассказывалось об усилиях западного общества по достижению и укреплению принципа толерантности, деятельности Международной медиа-группы против расизма и ксенофобии IMRAX, приводились выдержки из Софийской Декларации свободы прессы и плюрализма, неожиданно вошел в диалог с докладом Л.Н. Синельниковой "Современный "черный пиар" как манипулятивный дискурс", где анализировались случаи прямого нарушения принципа толерантности. Докладчик усматривает много общих моментов между "черным пиаром" и рекламой - и то и другое общественное сознание воспринимает как узаконенную ложь и попытку манипуляции.

Целая серия докладов была построена по принципу согласования, углубления, наращивания информации. Так, ряд докладов освещал проблемы современной молодежной языковой культуры: "Сленговая культура современной украинской молодежи как следствие ее американизации" (Г.В. Дружин, Луганск), "Прецедентные тексты в современной рекламе" (Г.П. Джинджолия, Луганск). Несколько выступлений было посвящено когнитивному анализу новых концептов и когнитивных моделей: "Когнитивная характеристика лексемы "крыша" в современном публицистическом дискурсе" (И.А. Соболева, Луганск), "Концепт супермаркета как одна из когнитивных моделей современного мира" (Л.Ф. Компанцева, Луганск). Наконец, прозвучали доклады, в которых изучалось соотношение языка и идеоло-

гии, отражение в языке идеологических стереотипов исторических эпох: "Идеологизированные прагмемы в зеркале телескопии (на материале "Завтрашних сказок" Ф. Кривина" (В.А. Розсоха, Луганск). "Эволюция лозунгового дискурса постсоветской эпохи как путь к катастрофе" (Ю.П. Фесенко, Луганск). Работа секции завершилась выступлением студентки V курса ЛГПУ, члена научно-исследовательской группы "Русский язык сегодня: состояние и перспективы" М. Томко "О социолингвистической ситуации в г. Луганске (по результатам анкетного опроса). В заключение хочется отметить общий высокий научный, профессиональный уровень всех докладов - как пленарных, так и секционных. На всех заседаниях конференции царил дух свободной дискуссии, присутствовала та культура ведения диалога, когда вопросы естественно переходят в суждения и рассуждения. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что "чужой" материал, "чужое" сознание, воздействует на свой личный опыт, резонируя с ним, вызывая "возмущения", и в конечном итоге перегруппировывает и переструктурирует собственный исследовательский материал.

Конференция высветила и еще одно важное обстоятельство: все мы - русские, украинцы, "швейцарцы"; философы, филологи, политологи, социологи, педагоги - говорим на одном языке. Его можно назвать научным языком и рассуждать об интегративной способности науки. А можно вспомнить мысль Мартина Хайдеггера о языке как Доме Духа, а Дух не знает национальных, государственных, расовых и иных границ. И в этом, как мне кажется, главный итог состоявшейся в Луганске конференции.

Конференция приняла итоговый документ, в котором выражается благодарность ректору ЛГПУ В.С. Курило, сотруднику Женевского Центра политических и социальных исследований д-ру Ф. Флури и зав. кафедрой русского языкознания д-ру Л.Н. Синельниковой за инициативу проведения семинара и его образцовую организацию.

Приведу фрагмент заключительного документа по материалам I Международного семинара "Динамика социальных процессов в постсоветском обществе" (Луганск - Женева, октябрь 2000):

1. Участники семинара разделяют методологическую установку на необходимость формирования целостного взгляда на реалии постсоветского общества, на сотрудничество ученых разных областей гуманитарного знания и разных стран для выработки многоуровневого кода культуры и политики, глубокого понимания связей между состоянием сознания общества, личности и языком.

2. Понимая сложность проблемы, рассмотрение которой не исключает противоречивых взглядов и мнений, участники семинара считают необходимым следовать принципам толерантности: мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества, на приоритете достоинства и ценности человеческой личности.

3. Для объективного описания состояния постсоветского общества, адекватной интерпретации социальных, языковых и других процессов необходимо

использовать все доступные и апробированные гуманитарными науками методы: анкетирование, опросы разных видов, многоаспектный анализ дискурсивной практики общества и т.д., что позволит сформировать широкое общегуманитарное информационное поле по означенным проблемам.

4. Проблематика следующего Международного семинара будет определяться путем мониторингового сбора информации в течение года. В ноябре 2000 г. будет открыт тематический сайт Интернета для размещения текущей научной информации.

5. Предполагается ежегодный выпуск наиболее актуальных и репрезентативных научных материалов при поддержке Женевского Центра социальных и политических исследований.

6. Целесообразно расширение круга участников семинара, представляющих гуманитарную науку Украины, Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Последний пункт итогового документа можно рассматривать и как обращение к омским ученым с предложением принять участие в работе следующих семинаров.

Н.А. Кузьмина,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка ОмГУ

О книге О.С. Разумовского "Оптимология. Ч. 1. Общественно-научные и философско-методологические основы" (Новосибирск, 1999. 285 с.)

Известный философ, доктор философских наук, профессор О.С. Разумовский, автор нескольких монографий¹, опубликовал обобщающий труд — "Оптимологию".

В этом фундаментальном исследовании анализируются цели, предмет, общенаучные и философско-методологические принципы оптимологии — науки о наилучшем, описывающей оптимальность и механизмы оптимизации бихевиоральных систем (систем живой природы, общества и смешанных или гибридных систем). В работе рассматриваются системология, экстремология, теория меры и лимитируемости систем.

Оптимология составляет основу концепции устойчивого развития вообще, а также устойчивого развития общества в эпоху глубоко противоречивой глобализации в особенности. Понимаемая диалектически с позиций целостности, она содержит в себе отрицание своей противоположности, свой антипод — пессимологию, науку о наихудшем. Этот подход определяет структуру работы.

¹ Современный детерминизм и экстремальные принципы физики. М., 1975; От конструирования к альтернативам. Экстремальные принципы и проблемы единства научного знания. Новосибирск, 1983; Экстремальные закономерности. Категории наибольшего и наименьшего. Новосибирск, 1988; Философско-методологические исследования экстремальных закономерностей и принципов оптимальности в СССР (1951–1991). Новосибирск, 1992; Бихевиоральные системы. Новосибирск, 1993; и др.

Исследование осуществляется в русле общей теории систем. Последняя, наряду с философией, логикой и математикой понимается как всеобщая наука, в которой система мыслится как "парциализированное целое (комплекс), объединенное разного рода отношениями и обладающее дополнительным общим качеством, не равным сумме свойств, входящих в это целое частей" (с. 190). Система является высшей формой организации объектов любой природы в рамках цепочки хаос—сети—системы. Гиперкомплексной динамической системе присущ онтологический гомоцентризм, позволяющий учесть человеческий фактор. Данной онтологией руководствуется синергетика.

Автор разделяет мнение Г.П. Быстрой и Д.В. Пивоварова, что общая теория систем могла бы "погрузиться" и в кибернетику, и в синергетику, и в то же время вобрать в себя основные элементы современного математического моделирования. Рано или поздно она превратится в особую отрасль знания, создание этой науки — дело ближайшего будущего. В работе исследуются основные понятия теории систем, такие, как отграниченность, обособленность и открытость, граница, среда и субстрат системы, функциональность, связность, "скважность" (П.А. Флоренский), понятия простоты и сложности системы, проблемы их фрактальности, структуры, организации и самоорганизации. Рассматриваются онтология систем и системные законы, устойчивость и иерархичность. Дается определение порядка как связности, последовательности, регулярности, организованности и структурности, взятых вместе. Противоположностью порядка является хаос, вырожденный случай системы.

Анализируются основные версии общей теории систем, такие, как тектология А.А. Богданова, систематическая концепция М. Месаровича и Я. Тикахары, построенная на основе формализованных идей Берталанфи, параметрическая системная концепция А.И. Умова, теоретико-системная концепция Ю.А. Урманцева, системная версия Э.Г. Винограя, ориентированная на диалектику Гегеля, концепция В.В. Казаневской, признающая противоречие источником развития системы, вопреки остальным концепциям, в которых "система выступает как связанная и внутренне непротиворечивая сущность" (с.216), функциональная теория организации М.И. Сетрова и, наконец, бихевиористика О.С. Разумовского, описанная в книге "Бихевиоральные системы" и в первой главе настоящей работы.

Автор приходит к выводу, что случаи асимметрии между интенциями человека к наилучшему и наихудшему в его психологии при выборе предпочтений и целей в поведении, поступках и действиях в морали и в эстетическом отношении укладываются в пропорции "золотого сечения". Возможно, что эта интенция присуща всем биосистемам и, может быть, всем мезосистемам (с.81). В этой связи специалистов любой отрасли знания не может не заинтересовать расширение понятия многое до понятий мезообъекта, мезосистемы, исследование "золотой середины", известной еще до Евклида, вероятно, пифагорейцам.

"Золотое сечение" нашло математическое выражение в знаменитых числах Фибоначчи, открытых в 1228 г. итальянским математиком Леонардо Пизанским (Фибоначчи).

Заслуживает внимания вывод автора, что у человека как родового существа не существует никаких запретов на социальную деградацию, деструктивное поведение, диссоляцию и т.п. Представляет интерес в этой связи исследование автором соотношения оптимологии с пессимологией, индифферентологией, безразличием, атараксией, праксиологией, определение законов эффективности и неэффективности таких дилемм, как "Спасайся, кто может", "Спасемся миром", безоглядного расточительства ("Бесят с жиру") или необузданного эгоизма и жадности ("Им все мало"), когда рациональность деградирует в область иррационального, ценности обезличиваются, система распадается, а поведение выглядит как безумие.

Книга отличается информативностью, аргументированностью и ясностью изложения. Она предназначена для ученых, специалистов по философии и методологии науки и техники, социологов, биологов, экономистов, специалистов по теории сложных систем и управлению, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, для всех, кто интересуется оптимальностью в жизни и деятельности.

В.Н. Типухин

Проблема транса в современности (обзор монографий)

Проблема транса одна из интересных проблем философии. В XX в. эта проблема приобрела новое осмысление в связи с проблемой повседневности.

В любой культуре существует практика преодоления границ конечности человеческого существования, которое в западной и русской культуре представлено понятием транса. Каждая культура предлагает свой вариант транса. Как правило, эти варианты связаны с религиозной практикой. В трансцендировании человек преодолевает границы возможного и оказывается в некоей бесконечной реальности. В христианстве это часто также означает встречу с Богом.

Конечная реальность, обозначенная как "мир человека" — это иллюзия, построенная с помощью языка. Слова ловят человека в свою ловушку и заставляют говорить ими. Человек живет в искусственной реальности, сформированной даже не столько им самим, но навязанной извне, во многом благодаря средствам массовой информации. Научное познание мира не дает знания о мире, скорее оно уводит нас в сторону от этого знания. Преодолеть эту иллюзорность возможно, лишь совершив транс.

Основанием для любого транса должна быть изначальная уверенность, что иная реальность существует. Эта уверенность присутствует и в культуре каждого народа все время, пока существует человечество, и в каждом человеке конкретно. Основанием для такой уверенности, по мнению Юнга, служит

коллективная память. Бессознательно человек знает, что этот мир не является единственно существующим и, соответственно, с уходом из него, не прекращается индивидуальное существование. Каждый народ наполняет иную реальность собственным содержанием, в зависимости от физических особенностей своего существования и уровня развития. Божество здесь выступает как некий символ, за которым скрыто присутствие инобытия. Говоря о Боге, человек автоматически подразумевает ту реальность, где он пребывает.

Естественным порогом, за которым находится эта иная реальность, есть человеческая смерть, как прекращение конечного существования.

Стимулом для трансцендирования в религиозной практике является вера в возможность встречи с потусторонним существом, называемым Богом и дающим некое знание или прекращающим человеческое страдание. В XX в., который можно было обозначить как век отсутствия веры, веры в Бога, веры в какой-либо авторитет, для трансцендирования необходим другой стимул.

Отсутствие смысла опыта преодоления возможного (трансцендирования) в формальном основании приводит к необходимости поиска подобного основания внутри человека. Следуя за традицией философии XX в., обратимся непосредственно к живому человеку.

Современный человек замкнут в рамках конечного существования. Его жизнь находится во власти проекта, часто навязанного извне. Следуя проекту, человек ориентирован на действие, приносящее максимальную пользу, прежде всего для него самого. Польза здесь понимается в плане достижения выгоды в различных сферах жизни. Таким образом, все существование человека проходит в ориентации на конечное. Иная реальность надежно скрыта в опыте повседневных забот. Выдает она себя лишь иногда неким необъяснимым чувством тревоги и неудовлетворенности жизнью, которое в философии экзистенциализма обозначена как "тоска" или "тошнота". Подобное состояние есть начало для освобождения от проекта и стремления к краю возможного. "Трансгрессия" предполагает отказ от пользы. Без такого отказа трансцендирование невозможно.

Зачастую, тревога, вызванная присутствием иной реальности, оказывается тяжким грузом для человека и заставляет обратить свой взор не в сторону иной реальности, а в совершенно обратном направлении. В повседневности человек "разбавляет" свою тревогу, обращая ее в страх перед конечным объектом. "Голая тревога", возникающая в мистических состояниях, вызывает в человеке невообразимый ужас и единственный способ справиться с ней, это конкретизировать ее, обратив в страх.

Стремление человека к непознаваемому, бесконечному делает его открытым для иной реальности. Шестов считал, что не человек выходит в иную реальность, а она нисходит на избранного ею человека. (Таким человеком, к примеру, был Достоевский.)

Таким образом, отказ от удовлетворенности в жизни дает человеку возможность трансцендирования.

Каким же образом совершается транс? Выше-сказав в книге "Этика преображенного эроса", говорит о двух категориях: *indefinitum* и *transfinitum*. Первая категория обозначает транс в другое конечное, вторая — выход за пределы конечного. Это и есть истинный транс.

Истинный транс возможен в случае, когда вся реальность ставится под вопрос. Невозможно это сделать рассудочным способом, т.к. именно рассудок в первую очередь подвергается сомнению.

Западной культуре известны, по крайней мере, два способа совершить транс: оргия и мистическое переживание.

В период истории, когда люди жили единым родом, в культуре присутствовал момент, регулирующий отношения человека со смертью. Утрата этого культурного элемента привела к тому, что потусторонний мир стал ужасать своей неизвестностью и неизбежностью. Этот ужас усиливался собственными фантазиями человека, связанными со страданиями в потустороннем мире. К страху неизвестного присоединился страх перед болью и страданиями, ассоциировавшимися со смертью. (Здесь я говорю о смерти как о феномене, стоящем на границе человеческого существования и являющемся проводником в иную реальность. Человеческая ситуация такова, что часто помыслить о встрече с потусторонним нельзя без мысли о смерти.)

Языческий праздник с его оргиями снимает условности этого мира, снимает человеческие страхи тем, что доводит их до предела. Всегда существующий ужас человека перед темной бездной иной реальности извлекается наружу из глубин его души и обретает форму. Ужас встает перед человеком. Рассудок же, напротив, уступает свое место нечто более страсти, и перед человеком открывается нечто, что скудный человеческий язык обозначил как "другая реальность". Тем самым человек все же отдает приоритет реальности, в которой он существует. Но та "другая реальность", существующая вечно и пребывающая в бесконечности, открываясь человеку, дает возможность увидеть его собственный мир как простую декорацию, выстроенную словами.

Оргия — это одна пограничная ситуация, в которой человек находится лицом к лицу с иной реальностью. Вторая такая ситуация — мистический опыт. Мистический опыт, понимаемый в традиции христианской религии, непосредственно связан с постижением Бога. В подобном переживании Бог говорит с мистиком, который в этом случае является неким посредником. Бог открывает себя, возможно, дает некое знание о существующем мире. Здесь возникает проблема передачи полученного опыта во внешний мир. Человек, переживший подобный опыт, не в силах средствами языка передать всю его полноту. Таким образом, невозможно зафиксировать с точностью, чем является мистический опыт. Человек оперирует понятиями, закрепленными в культуре и более или менее подходящими для подобного случая. Но они не передают адекватно переживания. Как правило, человек говорит о встрече с Богом, о голосе господнем. Здесь снова возникает си-

туация, когда язык управляет ситуацией. Истинный христианин придерживается догматов христианского учения, и строит свое восприятие, отталкиваясь от них. Мистик говорит именно о встрече с Богом, он не может помыслит, что это было нечто иное, нежели его Господь или другой представитель божественного царства, как то ангелы или души умерших людей, т.к. в этом случае нужно признать, что за пределами живого мира находится не только Бог, но и нечто другое. Опять-таки не получается адекватной передачи мистического переживания. Такой опыт имеет смысл лишь для тех, кто находится в едином смысловом поле с человеком, который приобрел подобный опыт, т.е. для верующих христиан.

Подобный опыт является результатом долгой работы христианина, его стремления к подобному переживанию и подготовки духа для этого путем аскезы.

Ж. Батай в работе "Внутренний опыт" предлагает иной способ достижения состояния экстаза. Он связывает переживание экстаза с "освобождением от власти слов". Возможность соприкосновения с иной реальностью заключена в нас самих, а не во внешних условиях. Обращенность внутрь себя, отрыв внимания от вещей внешнего мира, "остановка внутреннего диалога" может быть тем способом, с помощью которого человек открывает иную реальность. Переживание ее подобно экстазу, в котором человек заново открывает себя и мир и, возможно, черпает вдохновение для творчества.

[1] Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.

[2] Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994

[3] Тиллих П. Избранные сочинения. Теология культуры.

[4] Юнг К. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1995.

О.И. Ваюкина

О чтении наших предков. Рецензия на монографию А.Ю. Самарина "Читатель в России во второй полови- не XVIII века (по спискам подписчиков)" [1]

Во второй половине 2000 г. Московский государственный университет печати (бывший Полиграфический институт) выпустил в свет весьма интересное научное издание "Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков)". Эта работа принадлежит перу уже достаточно известно в своей области изысканий Александру Юрьевичу Самарину. Монография является первым в российской науке трудом, посвященным изучению читательской аудитории нашего Отечества во второй половине XVIII столетия. Этот труд основан на анализе такого важного исторического источника, как реальные списки подписчиков, помещенные в книгах и журналах того времени. А.Ю. Самарину удалось

провести реконструкцию социального и персонального состава читателей, а также рассмотреть вопросы, связанные с географией распространения печатной продукции.

Специалисты считают (это явствует из аннотации к изданию), что работа предназначена в первую очередь для книговедов, историков, культурологов и литературоведов. В аннотации, едва ли не традиционно, упоминаются и "все интересующиеся историей культуры и книжного дела России". С подобным утверждением нельзя не согласиться. Однако, роль книги А.Ю. Самарина представляется более значительной. Прежде всего она является важным доказательством того факта, что русские люди и два с лишним века тому назад живо интересовались наукой, техникой, литературой, стремились получить возможно больше информации об общественно-политической ситуации в стране и за ее пределами. Работа также позволяет утверждать, что уже в те далекие времена на практике даже Сибирь не являлась "медвежьим углом", ибо и ее жители стремились приобщиться к печатному слову.

Что касается вопросов специальных, то действительно, история русского читателя лишь относительно недавно стала важной частью историко-книговедческих исследований. Важная роль в том, что каждая значимая в данной области работа внимательно изучается и пропагандируется, принадлежит выдающемуся современному ученому-книговеду И.Е. Баренбауму [2], это неоднократно отмечает автор монографии [3]. Интересно, что рецензентами работы А.Ю. Самарина стали представители двух различных школ книговедения - московской (доктор ист. наук, проф. Е.Л. Немировский) и петербургской (доктор филолог, наук, проф. И.Е. Баренбаум). Подобное обстоятельство также говорит в пользу положительной оценки труда А.Ю. Самарина. Большинство позиций автора работы "Читатель в России..." скорее всего получит поддержку и у других специалистов, а также вызовет интерес у читателей, чье общение с работой все же может быть затруднено из-за тиража издания. Книга вышла в свет всего в количестве 400 экземпляров.

Глава первая монографии посвящена социальному составу покупателей подписных изданий. А.Ю. Самарин характеризует различные группы потребителей печатной информации во второй половине XVIII века и говорит о спросе на произведения по истории, литературные произведения, книги по естествознанию и технике. Ряд страниц монографии посвящен книгам по богословию² и философии, книгам для детей. Уделяет внимание автор и подписчикам периодических изданий. Среди тех, кто подписывался на произведения по различной тематике, были члены императорской семьи, титулованные особы, особы разных классов по "Табели о рангах", купцы, мещане, разночинная интеллигенция и даже военные рядового состава, крестьяне и дворовые люди [4]. Естественно, нужно упомянуть, что среди под-

²Интересно, что в XVIII в. была трижды издана на русском языке и главная священная книга ислама "Коран".

писчиков были и священнослужители, включая высших представителей церковной иерархии. Доля лиц светской принадлежности и духовного звания соответствовала примерно соотношению 82% к 18% от общего числа подписчиков.

Размеры и жанр нашей публикации не позволяют раскрыть полностью все детали монографии. Тем не менее отметим, что в первых двух главах автор приводит сведения о многих читателях (всего их насчитывалось 8500), среди которых были Екатерина II, Павел I и ряд известных в русском обществе людей. Интересно, что 5% всех приобретений подписных изданий во второй половине XVIII в. приходилось на долю женщин. Среди учреждений, выступавших покупателями печатной продукции, есть упоминание и об Иркутской духовной семинарии [5].

Не только важно, но и закономерно, что в монографии уделяется внимание различным районам страны и среди них русским землям за Уралом. Развитие культуры (в том числе книжной) характеризуется, как известно, и распространением процесса чтения на территории каждого государства. Хорошо знает об этом и автор рецензируемой монографии. Глава третья работы свидетельствует об этом знании и названа им "География распространения подписных изданий". А.Ю. Самарин скрупулезно анализирует здесь весь спектр работ различной тематики. Делается это, как уже говорилось, на основании списков подписчиков в книгах и журналах. Тщательно обработанные автором статистические материалы позволяют познакомиться и с интересами читателей, проживающих в Сибири. Иной раз полученные сведения оказываются весьма интересными. Так, в рецензируемой работе есть документально подтвержденные материалы, что распространение подписных изданий за Уралом имело место не только в губернских центрах - Иркутске и Тобольске или достаточно известных ныне городах Барнауле и Нерчинске. В числе поселений, где проживали читатели изданий, изготовленных в центре страны, значились Доронинск, Колывань, Нижнеудинск, Тара, Ялоторовск и др.

Читатели среди прочего интересовались прежде всего трудами по истории России (Иркутск, Тобольск). В Иркутске, Тобольске, Барнауле выписывали "Деяния Петра Великого" И.И. Голикова. Тома 1 - 18 "Дополнений к Деяниям Петра Великого" этого же автора опять-таки имелись в Тобольске, хотя не исключено, что их читали и в других городах. Книгу Я.Я. Штелина "Подлинные анекдоты Петра Великого" знали в 16 городах России, в том числе и в главном городе Тобольской губернии. Пока нет сведений о сибиряках-подписчиках на произведения художественной литературы (см. монографию с. 173-177). Данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что подписка на издания подобного рода в целом шла в России хуже, чем на книги по истории [6], которые пользовались повсеместным спросом. Несколько иначе обстояло дело с произведениями по естествознанию и технике, но все же они распространялись и на периферии. Так, городничий из сибирского города Ачинска стал единственным покупателем (вне Москвы) книги Е.Д. Войтяховского

"Теоретический и практический курс чистой математики". Это издание в трех томах вышло в свет в Москве в 1787 г.

Что касается книг по богословию и философии, то число индивидуальных подписчиков на них было невелико. В монографии А.Ю. Самарина говорится, что в Сибири к числу таковых принадлежали лишь два купца [7]. Отметим, что во всех случаях речь идет только о подписчиках на работы той или иной тематики, а подлинный характер чтения в Сибири во всех его деталях еще предстоит изучать. Достаточно сказать, что требуется всесторонне исследовать распространение и чтение тобольского журнала "Библиотека учения, экономическая, нравоучительная" (1793-1794). А.Ю. Самарин отмечает, что журнал этот читался главным образом там, где издавался, а в других сибирских городах "подобной активности не наблюдалось", хотя он был известен в 50 городах России [8]. Но вообще-то активность читателей-сибиряков порой была достаточно высокой. Так, если 34 подписчика (20,1%) на "Еженедельные известия ВЭО" проживали в Москве, то в Тобольске их было 12, в Иркутске - 11, и в Таре - 4 [9]. Говоря о подписке в целом по стране А.Ю. Самарин делает вывод, что обе столицы - Москва и Санкт-Петербург - были лидерами по числу подписчиков и получаемых ими изданий (в общем-то, надо полагать, что иначе и быть не могло). Среди других городов лидировали Тамбов, Псков, Тверь. Но все же не последнее место среди провинциальных лидеров занимал и один из сибирских городов - Иркутск.

Работа А.Ю. Самарина свидетельствует о том, что изучение помещенных в изданиях списков читателей действительно позволило создать статистически верную картину распространения по подписке печатной книги и журналов в русской провинции и центре страны. Можно согласиться с утверждением исследователя, что подписка (при весьма слабом развитии книжной торговли) имела место в значительной части поселений по всей стране, в том числе на русском Севере, на Урале и в Сибири.

Нельзя, однако, безоговорочно соглашаться со всеми положениями книги А.Ю. Самарина. Представляется весьма спорным, например, отнесение им "Древней российской вивлиофики" к числу исторических, литературных и общественно-политических журналов (см. стр. 189, 191 рецензируемой работы). Названное предприятие Н.И. Новикова с трудом можно причислить даже к продолжающимся изданиям. Заметим, что в справочниках книговедческого характера данное новиковское начинание ни журнальным, ни продолжающимся изданием не называются [10]. Скорее всего "Вивлиофику" можно назвать изданием многотомным.

Как известно, в свое время в свет вышло два выпуска указанного труда. В Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН хранится полный комплект второго издания "Древней российской вивлиофики", напечатанный в Москве. Он был просмотрен *de visu* в связи с подготовкой настоящей рецензии. Установлено, что часть первая (название дано Н.И. Новиковым) "Вивлиофики" содержит материалы по исто-

рии, географии, генеалогии и проч. Объем этого тома составляет 446 стр. Часть вторая являет собой по объему такой же том. Аналогичные по характеру публикации представляют собой и другие части многотомника, а среди них и продолжение "Вивлиофики", которое печаталось в столице империи [11].

Спорное положение, рассмотренное выше, не может снизить общего, весьма положительного, впечатления от работы исследователя и повлиять на высокую оценку монографии А.Ю. Самарина.

В заключение можно заметить, что задача всестороннего изучения читателя несомненно более многогранна. Об этом пишет и автор, когда говорит, что списки подписчиков обобщают данные о покупателях примерно 1% издательской продукции России (см. монографию, с. 14). Эта проблема оказалась пока сложной и для сибирско-дальневосточного региона, где специалисты уделяют актуальным вопросам истории читателя все еще недостаточно внимания.

Надо полагать, что в начале XXI столетия столь сложная проблема станет объектом постоянного, а не эпизодического внимания ученых, занимающихся решением сложных задач в области истории местной книжной культуры, а соответствующие кадры для этого уже есть.

[1] Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. 288 с.

[2] Баребаум И.Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 5-19; Он же. Основы книговедения: Учебное пособие. Л., 1988. 90 с.

[3] Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 3, 4, 7.

[4] Самарин А.Ю. Указ соч. С. 135.

[5] Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 158.

[6] Самарин А.Ю. Указ соч. С. 177.

[7] Самарин А.Ю. Указ соч. С. 183.

[8] Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 195-196.

[9] Самарин А.Ю. Указ. соч. С. 158.

[10] Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 375-376; Книга. Энциклопедия. М., 1999. С. 449.

[11] Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. VIII. 336 с.

С.А. Пайчадзе,
д-р ист. наук, проф. (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН).

СТИХИ

В. Скобелкин

22 ИЮНЯ

Июнь, число двадцать второе,
 Всё оживает, как тогда,
 И небо светло-голубое,
 И в Буге темная вода.
 Рассвет. Четыре. Гул моторов:
 Сдавило сердце, не вздохнуть:
 Война!.. Опять!.. Налет на город:
 На полчаса бы хоть заснуть:
 И он ползет на звуки боя
 К заставе гибнущей своей:
 В душе не сладилось покоя
 За шестьдесят проклятых дней.

ВОРОНЕЖ-РЕКА

Воронеж, Воронеж, речушка-река!
 Весной многоводна, а к лету мелка.
 Тенистые плёсы твои мне родней
 Глубин океанских и шири морей.
 Ты помнишь, Воронеж, то время, когда
 Петровские плыли по волнам суда.
 Здесь в огненном вихре мы рвали нутро
 Тебя оскверняющим бандам Шкуро.
 Здесь пламенный Дундич - легенда и былъ -
 Твоею водой смыл походную пыль.
 Ты наполнилась гневом в тот памятный год,
 Когда от бомбежек горел небосвод,
 От слез выцветали глаза матерей,
 Невесты шептали: "Вернитесь быстрее!"
 Как ты целовала ледовый гранит,
 Когда здесь последний фашист был убит!
 Свежи твои воды, Воронеж-река,
 Текут с ними годы, сливаясь в века.
 Но ты не стареешь, не видно седин,
 И веришь, не будет злосчастных годин,
 Не будет страданий, что враг приносил,
 Не будет рыданий у братских могил.
 Мальчишки ныряют в прохладной воде,
 Пути намечают к далекой звезде.
 Воронеж, Воронеж, речушка-река!
 Весной многоводна, а к лету мелка.
 Тенистые плёсы твои мне родней
 Глубин океанских и шири морей.
 И где бы я ни был, ты сердцу близка,
 Воронеж, Воронеж, речушка-река!

СОЮЗНИКИ

Всё дальше и дальше война Мировая,
 Всё меньше число ветеранов живых.
 Хранит их бессмертная память людская
 И дедов, и прадедов помним своих.
 Сражалась "Нормандия" в небе России,
 За русским бойцом смерть гонялась в маки.
 Героями делались парни простые,
 В бою у мальчишек седели виски.
 Британия рада исчезнуть в тумане,
 Забыть о безумье бомбежки ночной.
 А лорд именитый в морском караване
 Вступал в поединок с акулой стальной.
 Явление второго нелегкого фронта,
 С Америкой встреча на Эльбе-реке;
 Солдатские тосты и синь горизонта,
 И песни в обним на своем языке.
 Но волны холодной войны застудили
 Недолгую дружбу союзных держав.
 И только в душе ветераны хранили
 Теплиночку чувства, боль сердца-уныв.
 Накладна привычка к смертельным зарницам.
 Опасливо помните люди всегда:
 Готова озлобленно в Землю вкогтиться
 И с малой войною большая беда.
 Всё дальше и дальше от нас Мировая,
 Всё меньше число ветеранов живых.
 Хранит их бессмертная память людская
 И дедов, и прадедов помним своих.

СВАДЬБА

Итальянское предгорье
 Партизанская война.
 Кровь и смерть, и слезы горя,
 Но любовь везде шальна.
 Медсестричка-итальянка
 И российский паренек;
 Пол-отряда - на полянке,
 Люд в деревне сбился с ног.
 Не бои и не чужбина
 Не смогли им помешать
 В день святого Валентина
 Свадьбу весело сыграть.
 Он был ранен, смерть кружила:

Много крови потерял.
 Но её любовь и сила
 Жизнь вернули - парень встал.
 И не зря сегодня песни,
 Свадьба, тосты - всё не зря.
 День по-вешнему чудесный,
 Ждет победная заря.
 Только вдруг загромыхали
 Дальнобойные стволы,
 Мины-молнии упали -
 Дар от бошей - на столы:
 Даль военная - в тумане.
 Паре горлиц как насест
 Стал на Свадебной поляне
 Одиноким темный крест.
 Видно птицам интересно
 То, о чем, рука к руке,
 Говорят жених с невестой
 На понятном языке.

ВИТЁК

Нас в августе к службе призвали.
 Винтовка, шинель, вещмешок.
 Прощальную грусть на вокзале
 Развеивал рыжий Витёк.
 Неделю гремели колеса,
 Был домом телячий вагон.
 Но вот у речного откоса
 Под утро застыл эшелон.
 Сказал командир батальона:
 "Сражаться за каждую пядь:
 Прорвавшихся танков колонна:
 Приказано насмерть стоять!"
 Под звуки "Прощанья славянки"
 Исполнить свой воинский долг
 С колес под немецкие танки
 Пошел необстрелянный полк.
 Мы рыли окопы и щели,
 Но всех не хватало лопат.
 А танки уже загудели.
 Скомандовал: "К б-о-о-ю!" комбат.
 Всё ближе драконы, всё ближе.
 Всё громче озлобленный рёв.
 И будто кто шепчет: "Беги же!"
 И страха в душе - до краев.
 Рвануло - за бруствером яма.
 Витёк заелозил в песке,
 И с воплем отчаянья: "Мама!" -
 Пригнувшись метнулся к реке.
 Еще кто-то кинулся следом.
 А танк - над окопом навис.
 Гранаты мы с левым соседом
 Швырнули, хоть руки тряслись.
 Тяжелым был бой. Половина
 Народа осталась в полку.
 Но вражья стальная лавина
 Хлестнуть не смогла за реку.
 Когда схоронили убитых,
 И выгремел скорбный салют,
 Построиться всем у ракиты,
 Поротно, команду дают.
 Витька привели под конвоем.

Тяжка ты расплатная кладь!
 За трусость, за бегство из боя -
 Приказ - как бичом: "Расстрелять!"
 Стоял он сконфуженно, сирот
 Босыми ногами в пыли,
 Не веря словам командира...
 А три автоматчика шли.
 Дрожат автоматные тени,
 Сверкает на солнце металл.
 Слегка подогнувши колени,
 Сломался Витёк и упал.
 Полковник не ведал сомненья:
 Полк должен осилить грозу.
 А наш командир отделенья
 Смахнул потихоньку слезу.
 И там же Витька закопали,
 Могилу сравняли с землей.
 А матери мы написали,
 Что пал за Отчизну - герой.

СЕРДЦЕ СОЛДАТА

Не проходи, прохожий, мимо!
 Проезжий, с поезда взгляни!
 Там у земли алеет зримо
 Не след костровой головни.
 То сердце русского солдата,
 Что боль родимого села,
 Как память о своих утратах
 На веки-вечные зажгла.
 Погиб давно, а сердце живо.
 Бессильны время, зло и тлен.
 Склонись, прохожий, молчаливо,
 Припомни, что ты дал взамен.
 Он верил, гибнет не напрасно.
 Твою он сжал в объятьях смерть.
 Сумей в электролампе красной
 Величье сердца разглядеть.

ВОРОБЫШЕК

Т. Мильошенко

СКАЗКА

Утро. На трамвайной остановке толпились люди. Спешат на работу, поглядывают на часы, переминаются с ноги на ногу и, сощурившись, всматриваются вдаль в надежде поймать яркое красное пятнышко — трамвай. Солнце еще не согрело остывший за ночь воздух. Прохладно.

Вдруг между трамвайных рельсов упал какой-то кричащий, визгливый, пестрый коричневый шевелящийся комок. Ударился о землю и рассыпался на множество маленьких воробьев.

Люди с интересом взглянули на них. Кто-то ждал потасовки, а кто-то просто наблюдал за птицами от нечего делать, радуясь возможности хоть как-то занять время, ожидая трамвай.

А комок продолжал пульсировать, то собирал всех воробьев в одну шумную массу мелькающих крошечных крыльев и лапок, то раскидывая их, как разорвавшаяся граната брызжет множеством осколков. Ядром этого снаряда оказался маленький нежного бежево-коричневатого цвета воробышек. Он прижался к земле. Перышки были в полном беспорядке — торчали, будто карандаши из стакана. Открыв крошечный клювик, он тоненько и быстро посылал сигналы SOS. Он затравленно крутил маленькой головкой, казалось, что из его лихорадочно мерцающих глаз — черных шариков живой ртути — скатывались капельки и падали ему на взъерошенную грудку. Все это удалось разглядеть в тот момент, когда шар распался. Но он тут же собрался вновь, и в следующий момент два воробья потемнее и постарше схватили за хвостик того малыша. Он попытался отогнать их, но развернуться так и не смог — он отбивался от острого клюва другого воробья. Щурил глазки, пытаясь хоть как-то защититься. На какое-то мгновение он представлял собой живой канат, который тянули в разные стороны. Через несколько минут остальным воробьям надоело это занятие, и они легко и весело вспорхнули. А тяжело дышащий малыш остался один на один со старым воробьем, который с наслаждением шипал того за розовые, тоненькие лапки, дергал за растопыренные крылышки и норовил побольнее надавать подзатыльников и затрепич, метя в крошечную распушившуюся головку.

И тут маленький воробышек собрался с силами и налетел на большого, сбил его и вцепился в загривок, ближе к основанию левого крыла. Он напоминал бульдога, мертвой хваткой вцепившегося в своего врага. Подогнув лапки, измученный малыш бу-

квально повис на шее воробья. Крича от ужаса и боли, взрослая птица попыталась сбросить воробышка, но тот подогнул лапки и не подавал никаких признаков жизни. Протащив на себе таким образом воробья, птица остановилась и повалилась на бок. Маленький воробышек разжал клюв. Старый воробей, все еще крича от досады и боли, жалуюсь, припадая на одну лапку и отставив раненое крыло, волочившееся по земле, поторопился покинуть поле битвы. Малыш лежал на земле. Его перышки были испачканы пылью, но крохотные глазки сияли. Он неловко поднялся, сделал несколько неуверенных пробных прыжков и, отдохнув на рельсе, посмотрел вверх и взлетел.

А люди уже забыли о воробышке. Они торопились на работу, снова поглядывали на часы и всматривались вдаль. Утро. Прохладный воздух постепенно пропитывается дневным зноем.